

МАКСИМ ЗВЕРЕВ

СКАЗКИ

БАБУШКИ

ЧЕРЕНАХИ

М. ЗВЕРЕВ • СКАЗКИ БАБУШКИ
ЧЕРЕНАХИ

М. ЗВЕРЕВ © СКАЗКИ ВАЛЕНТИИ
ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЧЕРНЫХИ

МАКСИМ ЗВЕРЕВ

СКАЗКИ

БАБУШКИ ЧЕРЕНАХА

СКАЗКИ

АЛМА-АТА «ЖАЛЫН» 1984 г.

Рецензент В. Г. МИРОГЛОВ

- Зверев Максим.**
3 43 Сказки бабушки Черепахи: Сказки.—Алма-Ата:
Жалын, 1984.— 232 с.

Детям младшего возраста интереснее и понятнее произведения, когда звери и птицы разговаривают, как люди. Читая и слушая сказки бабушки Черепахи и вещего Ворона, дети знакомятся с чудесной природой Казахстана — это основная цель книжки.

P2

3 $\frac{480301010000-119}{408(05)-84}$ 180—84

© Издательство «Жалын», 1984 г.

СКАЗКИ
БАБУШКИ
ЧЕРЕНАХИ

Дневная жара в пустыне Бетпадала спала. Солнце положило свой подбородок на горизонт и вот-вот готово было нырнуть под землю до утра. Из норок вылезли суслики, ежики и тушканчики. Зайцы выскочили из-под густого куста колючей селитрянки. Выползла старая-престарая бабушка Черепаха. Она родилась в пустыне еще в прошлом веке и забыла счет своим годам.

Бабушку Черепаху сразу окружили зайчата, суслята, ежата и начали просить:

— Бабушка Черепаха, расскажите, пожалуйста, сказочку!

— Бабуся, пожалуйста!

— Хотя бы одну-единственную!

— Ну что с вами, озорниками, поделаешь? Расскажу вам, как в нашей пустыне жил быстроногий Джегитай. Это он победил свирепый Смерч. А еще о том, как я нянчила Варана. Ну и другие сказки. Я их насобирала за долгую жизнь под панцирь великое множество. Которые покороче, расскажу вам этим вечером. Закончу приключениями моего любимца Ак-Букена. Только не перебивайте меня вопросами — я этого не люблю!

Все окружили бабушку Черепаху, разлеглись на песке и приготовились слушать. Даже рты открыли от нетерпения. Приползли послушать пустынные черные жуки-чернотелки, ящерицы-круглоголовки и агамы, даже прибежал маленький варанчик.

Бабушка Черепаха начала рассказывать свои сказки.

ДЖЕГИТАЙ

Весной в пустыне у куланихи родился малыш. Для родителей всегда большая радость, когда рождается куланенок, какой бы он ни был — чересчур ушастый или длинноногий. Куланенок топтался на своих еще непослушных ножках около мамы. Она ласково умывала малыша шершавым языком. Еще никто не знал о ее радости, да это было и не важно. Самое главное — она счастлива. Мать повернулась к нему боком. Малыш почувствовал запах молока, принялся сосать, почмокивая от удовольствия. Потом растопырил ножки и сказал:

— Иш-у!

— Что тебе еще? — спросила мать. — Ложись и спи. Уже вечер. Малышам пора спать.

— Иш-у... Иш-у! — Опять повторил малыш.

— Я сказала: сейчас же спать! — строго сказала куланиха и топнула передней ногой.

Из-под куста тамариска выползла бабушка Черепаха, вытянула морщинистую шею, прищурилась и зашипела:

— Хотя ты и очень хорошая куланиха, но тебя плохо воспитывали.

— Почему?

— Вспомни, что ты больше всего любила перед сном в детстве?

— Сказки, — куланиха вздохнула, вспомнив давние годы.

— В ту пору, когда солнце садится за бархан, все малыши слушают сказки.

— Спасибо, что напомнила,— сказала куланиха.— Я знаю, что ты ползешь из сказки в сказку и всем их рассказываешь.

— Да, да, и рассказываю только добрые сказки,— сказала бабушка Черепаха,— все злое испарилось из моей памяти. Я помню многое, но то, что я помню, нужно всем. Я расскажу малышу про куланенка, у которого выросли крылья...

— Иш-у... Иш-у!— обрадовался малыш, нетерпеливо переступая ножками.

— Ну, слушай. Жил-был на свете беспечный куланенок. Он лягался, когда ему что-нибудь не нравилось, и делал все, что ему вздумается. Один раз подобрался к нему волк. Куланенок бежал, бежал, а волк за ним. Он еще быстрее, а волк не отстает, вот-вот схватит его за хвост, тогда куланенок, раскинув свои уши, как крылья, завертел хвостиком, как самолет пропеллером, подпрыгнул и полетел. Волк тоже стал вертеть хвостом, но разве сравнишь широкий и толстый волчий хвост с хвостом куланенка. А уши? Как волк ни раскидывал свои уши, ничего у него не получилось, только перевернулся три раза через голову и больно ушибся. Не удалось волку поймать куланенка.

Другой раз задумал его съесть тигр. Крался, крался, но куланенок взлетел из-под самого носа, тигр только облизнулся и зарычал от злости. Так вот, этот куланенок очень любил сказки и готов был за ними лететь куда угодно. Утром послушает сказку у камышевого кота, а вечером у дядюшки пеликана, у него мешок под клювом набит сказками. Дядюшка пеликан рассказывал сказки так забавно, что больше никуда не хотелось лететь. Куланенок слушал и уши у него все росли. Он укладывал их на спине и мчался за сказками так быстро, что его никто не мог догнать, кроме, конечно, черепахи.

Подняв уши, малыш слушал и слушал, он очень любил слушать. Ему даже нравилось, как бабушка Черепаха раскрывает и закрывает рот, похожий на клюв. Когда она щурится, подмигивает и улыбается во весь свой черепаший рот.

Заметив, что Куланенок наслушался сказок, бабушка Черепаха замолчала, а малыш опустил уши и заснул около своей доброй мамы. Во сне он летал над пустыней, фыркал, всхрапывал, лягал курчавые облака и даже попытался лягнуть месяц, но тот оказался бодливым и сам напал. Тут Куланенок проснулся.

Утром ярко светило солнце. Много больших и маленьких следов во всех направлениях покрывали пески, словно буквы в книге. Черепаха надела очки и сказала Куланенку:

— Смотри сколько следов. Ночью тут кипела бурная жизнь, как на базаре. На этом бархане танцевали ежи и тушканчики. Видишь их следочки? А вот это следы змей, ящериц и крупных жуков. Ночью, когда ты спал, пустыня не спала.

— А я тоже не буду спать ночью,— сказал Куланенок.

— Когда-нибудь потом,— сказала бабушка Черепаха.— Сейчас ты совсем маленький.

— А когда я буду большой?— спросил Куланенок.

— Когда вырастешь.

— А когда я вырасту?

— Поживешь — увидишь,— сказала бабушка Черепаха и уползла по своим делам.

Куланенок рос не по дням, а по часам, и друзей у него становилось все больше. К концу лета он сделался ростом в половину своей мамы.

— Пойдем погуляем!— сказала однажды мама и повела Куланенка по барханам, то и дело здороваясь со своими знакомыми: зверьками-песчанками, сусликами, крупной ящерицей-агамой и саксаульными воробьями.

Встретили старого дрофича-дудака. Он поклонился и с любопытством взглянул на малыша:

— Как звать-величать?

— Да-а, вот в честь дедушки назвали Джегитай,— ответила куланиха,— а пока он еще Куланенок.

— Джегитай — значит быстрый,— сказал дрофич.— А ты, наверное, уже балованный? Одного сына мать всегда балует, и он вырастает непослушным.

— О, нет, Джегитайчик у меня всем на зависть!— ответила куланиха и пошла дальше.

Малыш не заметил, но куланиха вовремя увидела серого разбойника — волка. Надо сейчас же отвести его от малыша, но как? У нее нет ни острых зубов, ни острых когтей, у нее только материнская любовь, а это самая могучая сила.

Волк тоже увидел куланиху. Она шла и хромала возле бархана.

«Малыша съем потом, сначала съем его маму», — лягнул зубами волк. И медленно пополз к ней. Куланиха, прихрамывая, стала отводить волка в сторону. Вид у нее был беспомощный и несчастный. Волк бросился за легкой добычей. Еще один-другой прыжок и он схватит куланиху. Но она перестала хромать, быстро помчалась вперед. Расстояние между ними не уменьшалось. Чем дальше волк отбегал от малыша, тем быстрее она мчалась. Волк, высунув язык от усталости, вытянув хвост поленом, и сам начал прихрамывать. Еще рывок и он догонит, еще рывок... Но куланиха оказалась неуловимой. Волк выбился из сил, зарычал, зло посмотрел вслед куланихе и стал вытаскивать зубами занозы из передней лапы. Потом, рыча, повернул обратно по следу куланихи, добрался до родника, там след оборвался. Заскрипев зубами от злости, он поклялся сперва-наперво есть малышей, потом маму, бабушку и всех куланьих теток и дядей.

Что же произошло, пока волк гнался за куланихой? Из-под куста тамариска выглянула бабушка Черепаха и строго сказала куланенку:

— Беги к роднику. Пройди по воде подальше, потом прыгай в сторону самым сильным прыжком.

— Для чего?— удивился Куланенок.

— Чтобы волк не нашел твой след.

— А потом ты ко мне придешь?

— Конечно, и я, и мама. У меня под панцирем хранится еще много сказок,— обещала Черепаха.— Я тебе расскажу еще не одну из них, но сперва перехитри волка!

Куланенок, что есть силы, помчался к роднику, долго бежал по мелкой прозрачной воде, потом прыгнул в сторону за песчаный барханчик и бежал, пока хватило духу. Огляделся, прислушался. Мамы не видно. Подал голос. Ответа нет. Вокруг только громадная молчаливая пустыня. Снова побежал, опять крикнул. Никто не ответил на его призыв. Куланенок остановился около кривого саксаула. Может, мать найдет его сама? Ждал, поминутно оглядывался и подавал голос.

Вдруг появилась бабушка Черепаха. Вытянув свою голову из панциря, она спросила:

— Что ты топчешься на одном месте?

— Жду маму,— ответил Куланенок.

Черепаха окинула его презрительным взглядом:

— Такой большой, а без мамы не можешь обойтись? Меня иначе воспитывали!

— Я и один могу прожить,— решительно сказал Куланенок,— но с мамой-то лучше.

— Не проживешь. Вдруг налетит буря,— сказала Черепаха.

— Проживу.

— Барханы похожи друг на друга, как горбы верблюда, в пустыне легко заблудиться.

— А я выдержу, выдержу, выдержу,— упрямо повто-

рял Куланенок в ответ на каждое предостережение бабушки Черепахи.

Бабушка Черепаха говорила чистейшую правду. Он должен будет бороться с песчаными бурями, с ветрами, с засухой, с бескормицей, с морозами.

Ночь была теплой. Куланенок встал под дерево саксаула и поглядел на небо, усыпанное крупными звездами.

— Не пропаду, нет, не пропаду,— шептал он сам себе, глубоко втягивая прохладный воздух.

Едва забрезжил день, Куланенок отправился навстречу солнцу. Пищи здесь было сколько угодно. Он нагибался и щипал горькую полынь, пустынную осоку или солянки.

Куланенку было страшновато одному в пустыне. Но молодость всегда берет свое: как было не побегать по такыру, где весной была вода, летом высохла и осталась гладкая, твердая почва. Куланенок приподнял хвост и начал носиться туда и сюда. На всем скаку он лягал воображаемого противника. Запыхавшись, остановился на краю такыра. Оказалось, бабушка Черепаха лежала рядом на бархане и видела забавы куланенка. Она приподнялась на кривых ножках и прошипела:

— Подойди сюда, шалун!

Куланенок весело подбежал, поздоровался и сказал:

— Бабуся, до вечера еще далеко и рано слушать твои сказки, а мне хочется еще побегать!

— Твои глаза видят далеко, а не понимают, что делается близко. Разве не видишь, что суслики, песчанки, даже сам варан спрятались в норки? А где солнце? Оно едва светит сквозь мутные облака.

— Ну и что же из этого?— удивился Куланенок.

— Это значит, вот-вот прилетит Черный дракон-ураган! Смотри, стадо сайгаков несется во всю прыть укрыться в зарослях саксаула. Беги за ними, прячься там. Торопись!

Черепаша поспешно закопалась в песок, а Куланенок едва успел ей крикнуть:

— Спасибо, бабушка Черепаша! Бегу прятаться.

Свиристый Черный дракон налетел внезапно. Заросли саксаула оказались плохой защитой, но все же это был не открытый такыр. Куланенок лег в ямку спиной к ветру, а он свистел и гнал тучи песка сплошь от земли до облаков. Солнца не было видно.

Куланенок пролежал весь день и ночь под дикое завывание и бешеную пляску Черного дракона. Его занесло песком чуть не с головой. Только утром все стихло. Ураган унес и развеял верхние плодородные слои почвы. Много передвинулось барханов. Поломало ветки у саксаула, заровняло все следы. Песок забил шерсть Куланенка и ему пришлось долго вытрясать его.

Из-под бархана выползла черепаха. Куланенок побежал к ней:

— Бабушка Черепаша, еще раз благодарю за то, что вовремя предупредила о Черном драконе — на такыре мне бы пришлось плохо!

— Другой раз будь внимательным. Все время наблюдай, что делается вокруг тебя!

— Хорошо, бабушка Черепаша. Все хочу спросить, каким образом я встречаю тебя в разных местах пустыни. Ведь крыльев у тебя нет, а ползаешь ты медленно, что даже говорят «ползешь, как черепаха»?

— Меня спрашивала об этом и твоя мать. Я рассказывала ей, но ты был еще так мал, что не запомнил. Когда мы, старые черепахи, проживем полсотни лет, делаемся похожими друг на друга, как две капли воды. Добрые сказки мы все рассказываем одни и те же, каждый раз ты встречаешь других старых черепах. Вот и все.

Прошел год. Куланчик вырос, окреп. Пустыня закалила его. Однажды он снова встретился с Черепашой. Она выползла из песка и ахнула от удивления:

— Батюшки! Да тебя не узнать, как ты вырос!
— А кто говорил, что я пропаду?
— Говорила, потому что в пустыне пропасть не трудно.

— Но вот я не пропал!

— Вижу. Но почему ты такой грустный?

— Я так и не нашел маму,— печально ответил теперь уж не Куланчик, а молодой Джегитай,— мне стало невыносимо одиночество. Мама говорила, что джегитаи всегда живут только табунами. Что мне делать, как найти маму и друзей?

— Я помогу тебе, юный Джегитай, найти мать и табун джегитаев, потому что я довольна тобой. Еще жеребенком ты доказал свою храбрость, когда спас джейранчика от зубов волка. Ты вынослив — Черный дракон не погубил тебя. Ты послушен — выполнял мои советы, даже в детстве, вспомни, как ты перехитрил волка, спрятав следы в воде по моему совету. Но тебе придется вынести тяжелые испытания, даже смертельную опасность. Согласен ли ты на это?

Молодой Джегитай бросился к бабушке Черепахе так радостно и стремительно, что чуть было не наступил на нее копытом и не раздавил:

— Ишшу... Ишшу! Я согласен на любые испытания, говори, мудрейшая из мудрых!

— Ты стал почти взрослым и должен знать правду. Твоя мать находится в табуне самого злого в пустыне жеребца — Кулана. Он до сих пор не может простить твоей матери, что она потеряла тебя и на одного джегитая в его табуне теперь меньше. Жадный и беспощадный, он по всякому поводу кусает и бьет копытами твою несчастную мать. Она вся в рубцах от его побоев...

— О... я выгоню из табуна этого злодея! — вне себя воскликнул юный Джегитай.

— Пока это невозможно. Он сильнее тебя. Но не прерывай меня, а слушай. В жаркие дни в пустыне на

горизонте возникают леса, озера, даже отражение деревьев в воде. Это миражи или видения. Приходилось ли тебе это видеть?

— Я видел это много раз. Вначале даже пытался бежать и пить из этих озер, но они исчезали. Тогда я понял, что это видения, и перестал обращать на них внимания.

— Тебе надо выпить воды из этого озера-привидения и ты сразу встретишь табун джегитаев, в котором находится твоя мать. Но для этого тебе нужно будет догнать до озера с быстротой молнии, чтобы оно не успело исчезнуть.

— Дорогая бабушка, я не могу так быстро бегать...

— Я это знаю, теперь слушай о самом главном. У Черного дракона в пустыне бродит брат. Он любит забавляться. Но забавы его очень опасны — это вихрь или смерч пустыни. Песок начинает вертеться столбом и поднимается до туч. Тебе надо разбежаться что есть сил и прыгнуть в такой смерч. Если ты плохо разбежишься, тебя завертит, закружит смерч, поднимет под облака и выбросит — ты погибнешь, упав с огромной высоты. Но если тебе удастся проскочить через смерч, пробив его, и оказаться на другой стороне, тогда ты приобретешь чудодейственную способность мчаться по пустыне с быстротой молнии и напьешься из озера привидения. Способен ли ты на такой подвиг ради спасения матери от жестокого властелина?

Джегитай упал на колени, лизнул панцирь черепахи и воскликнул:

— Клянусь тебе, бабушка Черепаха, я готов на все, чтобы спасти мою маму от мучений тирана!

— Тогда, мой дорогой, беги в пустыню и вступи в состязание с братом Черного дракона. Я буду ждать тебя там.

Долго бегал по пустыне Джегитай, пока не увидел наконец огромный песчаный смерч — он бешено вертел-

ся, захватывал на своем пути гнезда птиц, сусликов, змей, все живое. Вырывал с корнем саксаул. Подняв все это под облака, вышвыривал из себя. Все живые звери, ящерицы, черепахи падали на землю и разбивались. А смерч шипел, бешено вертелся, радовался и двигался дальше по пустыне. Джегитай увидел, как смерч настиг огромного тяжелого волка, закружил, завертел под облака и швырнул на землю с диким хохотом. Волк разбился насмерть.

У Джегитая сердце спряталось в самые коячки копыт от ужаса. Он чуть было не бросился назад. «А мама? Я должен спасти ее!» — мелькнуло в его сознании. Сразу страха как не бывало. Джегитай прижал уши, прищурился и вихрем помчался прямо на смерч. Он мчался с такой скоростью, что еще немного и он выскочил бы из собственной шкуры. Джегитай влетел в крутящийся столб песка и больше ничего не помнил. Страшная тяжесть давила его, пыталась крутить и потянула вверх. Но бешеная скорость, с которой ворвался Джегитай, пробила смерч. Полуживой, он упал по другую сторону, ничего не сознавая. Но брат Черного дракона пришел в ярость. Он закрутил песок с невероятной быстротой. Но вертеться он мог только в одну сторону, а не обратно. Пришлось смерчу мчаться дальше по пустыне.

— Ты жив, мой юный друг? — донеслось до слуха Джегитая. Он сразу пришел в себя и вскочил, отряхиваясь от песка. Перед ним была бабушка Черепаха. Она сказала:

— Со страхом и восхищением я наблюдаю за твоим подвигом. Ты победил брата Черного дракона, поздравляю тебя! Теперь напейся вон из того озера-привидения, оно обманчиво манит к себе жаждущих. Тебе не страшен будет никто!

Снова Джегитай преклонил колени ног перед бабушкой Черепахой, вскочил и увидел мираж на горизонте — озеро и отражение деревьев в его воде.

Бабушка Черепаха с восторгом смотрела на юношу Джегитая. А он слегка присел на задних ногах и прыгнул. Серой тенью мелькнул над пустыней. Миг — и он очутился по колено в воде озера-видения. Оно не успело скрыться. Всего один глоток сделал Джегитай, и озера не стало. Сразу он почувствовал, как мускулы его налились богатырской силой. Он повзрослел на несколько лет, вырос, возмужал.

Джегитай оглянулся по сторонам. Вдали он увидел облачко пыли. Одним прыжком он вскочил на самый высокий бархан. Стало видно, что бегут какие-то животные. Это были не лошади. У них всегда на быстром бегу развиваются гривы. И не сайгаки — их головы не были опущены. Это был табун джегитаев.

Но дорогу преградил могучий, злой жеребец-властелин табуна, мучитель матери Джегитая.

Закипел яростный бой. Джегитай как молния мелькал вокруг жеребца, кусал, лягал и ловко уворачивался от ударов врага. Отскакивал, снова налетал. Бой длился до вечера. Вдруг жеребец почувствовал страх перед неизбежным смертельным ударом и понял, что его власть над табуном потеряна. Все, даже жеребята, ждут его поражения. Внезапным прыжком жеребец отскочил в сторону и, хромая, убежал за первый же бархан, чтобы никто не видел его позора.

Джегитай бросился к матери и опустился перед ней на колени.

— Я горжусь тобой, сын мой! — воскликнула его мать и слезы счастья блеснули у нее в глазах.

Табун окружил Джегитая.

— Теперь ты наш властелин, веди нас за собой! — ржали кобылицы и молодежь.

Джегитай гордо поднял голову и побежал впереди табуна по пустыне. А бабушка Черепаха все это время лежала на бархане и наблюдала. Она спрятала эту новую сказку себе под пандирь для всех малышей.

КРОКОДИЛ ПУСТЫНИ

У огромной ящерицы знойных пустынь Варана вылупился из яйца, в нагретом солнцем песке, маленький Варанчик, совсем еще беззащитный. Мимо ползла злая-презлая змея Кобра, увидела Варанчика и подумала: «Зубастый будет, надо его злым воспитать, много бед наделает жителям пустыни».

Варанчику захотелось есть. Он зашипел, высунул язычок, начал оглядываться по сторонам, но сам ловить добычу еще не умел.

Варан подумал: «Что делать, если Варанчик убежит искать кого бы съесть? Его самого может съесть черная ворона или лисица».

Змея Кобра, извиваясь, подползла и зашипела, как могла ласково:

— Ай-яй-яй! Малыш есть просит, а родители растерялись, рты разинули.

— Милейшая Кобра,— попросил Варан,— понаньчись с нашим малышом, сказочки ему прошипи, а я побегу поймаю ему кого-нибудь на завтрак!

А Кobre этого только и надо было! Но помолчала, словно размышляла о чем-то, а потом отметила:

— Что с тобой поделаешь? Ладно уж, расскажу ему сказочки!

Варан убежал, а Кобра свилась колечками на песке и начала рассказывать жестокие, злые сказки:

— Ты, Варанчик, родился здесь, а знаешь, где живет твой дядя?— Кобра таинственно зашипела, пристально смотря в глаза своего воспитанника.— Он живет в жарких странах, длиннее тебя в сто раз, толще в двести раз, а зубастее в триста раз. Что хочет, то и ест. Его все боятся, он всех сильнее! Хочешь быть таким?

— Конечно, хочу!— воскликнул Варанчик.— Разве плохо, когда ты можешь есть что хочешь, а тебя никто!

— Что ты говоришь? — зачирикал пустынный воробей. — Как же мы будем жить рядом, если я буду опасаться, что ты меня съешь!

— Не слушай этого трусливого воробышку, — прошипела змея. — Он построил гнездышко под гнездом дворцом царя птиц орла — а то бы я ему показала! Слушай лучше мои сказки:

— Мой прадедушка Кобра любил, чтобы ему пел жаворонок, а потом съедал певца. Здорово?!

— Мне тоже захотелось сделать такое же, — воскликнул Варанчик.

— Нас, змей, называют детьми солнца, — зашипела Кобра.

— И я такой же!

— Если бы ты не был таким же, я бы не пошла к тебе в няньки, — прошипела Кобра и еще рассказала много сказок, как, когда и когд кусали ее сородичи. Все сказки Кобры были жестокие, злые.

Варанчик уснул и ему приснилось, что у него выросли крылья, он прилетел на озеро и проглотил всех птиц, какие только ему попадались.

Утром спросил:

— Няня Кобра, когда у меня вырастут крылья?

— Умей обходиться без крыльев, ты пресмыкающийся.

— А как же я съем всех птиц?

— Очень просто. Лакомись их яйцами. Тут рядом есть гнездо жаворонка.

— Жаворонка обижать жалко, он хорошо поет.

— Подумаешь, одно яичко съешь, она еще снесет! Это услышал пустынный воробей и гневно зачирикал:

— Будешь слушаться змею, сам змеем станешь!

— Пойдем, — приказала Кобра, — я твоя няня — ты должен меня слушать, а не глупого воробья.

Она повела Варанчика к гнезду жаворонка и он съел не одно, а все яички.

С каждым днем зубы молодого Варанчика становились длиннее и острее. Он быстро рос и каждый день набивал свой желудок яичками жаворонков и других птичек. Няня Кобра учила его только злу. Он никогда не радовался чужому счастью. Не знал даже, что такое добро. Все его в пустыне стали опасаться и старались с ним не встречаться. Кобра рассказывала ему о крокодиле. Его все боятся и считают владыкой на большой-пребольшой реке. Он сильнее всех и никого не боится. Варанчик загордился, что и его стали называть Крокодилом пустыни. Он каждый день приносил кому-нибудь горе.

Так постепенно в пустыне вырос злой Варан, гроза всех, кто слабее его.

Однажды утром Варан проснулся в своей норе в плохом настроении. Он заполз на бархан. Солнце согрело его. Но все равно почему-то было очень скучно. На соседнем бархане он увидел зайца.

— Давай, Зайка, вперегонки поиграем?

— Не буду,— хмуро ответил Зайка,— ты злой-презлой.— И усакал прочь.

В небе запел жаворонок. Варан подождал, когда он сел на песок, и попросил:

— Жаворонок, спой мне песенку!

— Не буду я тебе песен петь, ты мои яички съел!— взвился вверх и полетел к друзьям.

Побрел Варан искать добычу на завтрак, а навстречу ему Кобра. Ползет, ищет, кого бы ужалить.

— Подожди, няня Кобра, ты зачем меня в детстве злу учила? Теперь со мной никто не хочет знаться,— прошипел зло Варан.

— Сколько я тебе не рассказывала змеиных сказок, а ты все равно Крокодилом пустыни считаешься только у мышей, ящериц и всякой мелочи. А владыкой пустыни не стал, как твой дядюшка. Ума у тебя на это не хватило.

— Я тебя хвостом захлестаю!— зашипел Варан.

— А я так тебя ужалю, что калекой останешься на всю жизнь!

— Ты мерзкая, злая, видеть тебя не хочу!

— На себя, Варан, посмотри, чем ты меня лучше? К хорошему плохое не пристанет!— шипела Кобра.

Бросился бежать Варан по пустыне, куда глаза глядят. Места себе не находит. Все от него шарахаются в стороны. Вдруг услышал, что его кто-то окликнул старческим голосом:

— Эй, Крокодил пустыни!

На всем бегу остановился Варан и гневно зашипел:

— Кто посмел меня остановить?— оглянулся по сторонам — никого нет!

— Это я, бабушка Черепаха, тебя остановила! Вижу, тяготит тебя разбойничья жизнь.

Теперь заметил Варан старушку — закопалась она в песке на всякий случай, только голова торчит на морщинистой шее. Если Варан бросится, то успеет в панцирь голову спрятать.

Но Варан вздохнул и говорит:

— Правду говоришь, бабушка Черепаха, наслушался я с детства злых змеиных сказок, сам злым стал, обижаю всех, еще больше злюсь!

— А ты мои сказки послушай, хоть и взрослый стал, но мои сказки для любого возраста.

— Давай, послушаю, торопиться мне некуда, все в пустыне рады будут, если меня долго не увидят.

Разлегся на песке Варан, как в детстве, приготовился сказки бабушки Черепахи слушать. Она выползла из песка и начала старческим тихим голосом:

— В некотором царстве, в некотором государстве жили злые звери и птицы за счет других, добрых.

— Как это за счет других?— не понял Варан.

— А как ты живешь в нашей пустыне,— продолжала бабушка.— И вот налетела на пустыню страшная-пре-страшная буря. Света белого не стало видно среди дня.

Песок ураганом гнало по пустыне от земли до неба. Он наметал песчаные кучи-барханы, засыпал всех злых зверей и птиц в наказание за их преступления. А мою прабабушку перевернул на спину из озорства. Стих ураган. Лежит моя родненькая на спине, машет лапками и шипит на всю пустыню. Просит перевернуть. Шел мимо верблюд — не перевернул. Проходил осел, перешагнул через бабушку, но не перевернул и дальше пошел. Прыгал заяц. Остановился и начал переворачивать бабушку Черепаху, но сил не хватило. Позвал другого зайца. Но и вдвоем не перевернули и крикнули третьего. Схватили втроем за края панциря, сами себе скомандовали: раз, два, три, взяли! — и бабушка встала на свои четыре ноги.

— А что потом было? — спросил Варанчик.

— «Садитесь, — сказала бабушка зайцам, — на меня, отвезу вас в заветное место, где растет пустынная морковь. Никому я это место не показывала, а вам покажу. Всегда, пожалуйста, туда приходите, сколько хотите ешьте на здоровье: вы добрые, отзывчивые зайчики!» — «Ты, бабушка Черепаха, добрая, хорошая! — завершали зайцы. — Если опять упадешь на спину, зашипи погромче — мы мигом тут, как тут! А за морковь спасибо, мы сами добежим, только укажи, в какой стороне. На тебе ехать очень долго, не обижайся, но ты тихход!» — «Скачите, куда мой нос смотрит!» Зайцы вперегонки припустились за морковью. Все были довольны друг другом. Кроме верблюда и осла: они думали только каждый о себе.

— Расскажи еще одну сказку, бабушка Черепаха, — попросил Варан.

У бабушки Черепахи под панцирем за ее долгую вековую жизнь скопилось великое множество сказок. Все они были добрые, в них одни помогали другим, учили добру, упрекали за зло. Дня не хватило, всю ночь рас-

сказывала Варану сказки бабушка Черепаха. Утром спросила:

— Понял, Варан, как надо жить в пустыне?

— Как мне благодарить тебя, бабушка Черепаха, ты мне глаза открыла, как родился заново, великое тебе спасибо! Но места в пустыне не остается, где можно варанам жить: за этими барханами люди землю просерили. До подземного моря добурились. Дальше люди золото в пустыне нашли. Там шум и гам. Огороды, сады и поля развели.

— И тебе места хватит, если забудешь змеиное воспитание. А людям добро делай, тогда они тобой дорожить будут.

Убежал Варан туда, где люди бурили пустыню и добрались до воды. Она напоила пустыню. Поднялся белоснежный хлопок. На полях пшеница крупными зернами налилась в колосьях, а золотые дыни на бахчах разлеглись. Но напали на дыни тушканчики и мыши — грызут, портят. Остановился Варан и смотрит, как пустыня преобразилась. А бабушка Черепаха опять рядом оказалась и шепчет:

— Что стоишь? Пора забыть про злые сказки Кобры, вспомни мои добрые. Видишь, кто бахчи портит? А суслики вредят пшенице. Оставайся тут жить, береги эти поля — охоться за сусликами и мышами. Люди тебе будут благодарны.

— Спасибо,— говорит Варан, что добру меня учила. Помню я, как зайцы твою бабушку на ноги поставили. Не буду больше яички жаворонков есть. Стану сторожем на бахчах и полях жить!

— Правильно сделаешь, молодец,— сказала бабушка Черепаха и добавила: — Никогда в няньки своим малышам змею Кобру не приглашай, только злу научат, а няньки должны добру учить.

И сегодня все еще живет там Варан. Вместо кошки по ночам от тушканчиков и мышей бахчи охраняет. Днем

пшеницу от сусликов стережет. Даже научился людям погоду точно предсказывать: перед бурей места себе не находит, бегаёт туда-сюда, волнуется!

Подружился с людьми Варан.

КАЖДЫЙ КУЛИК ХВАЛИТ СВОЕ БОЛОТО

Наступила полночь. Сторож в зоопарке задремал на скамеечке, обняв ружье. Наконец наступило время, когда звери в клетках могли поговорить по душам друг с другом. Теперь их не могли подслушать люди.

Первый начал разговор белый полярный медведь. Он окунулся с головой в бассейн проточной холодной воды и сердито рывкнул:

— Уф! Как возмутительно жарко!.. То ли дело у нас дома в Ледовитом океане: как там приятно лежать на плавучей льдине и качаться на волнах. Или зимой караулить около отдушин во льду глупых тюленей — они сами лезут в лапы!

— Ах, что вы рычите об этом, дедушка медведь?! — запротестовала африканская антилопа, — я наоборот вся дрожу от этого отвратительного ночного ветерка с гор. Он дует каждую ночь. Я согреваюсь только днем, на солнце. Вы даже не представляете себе, как тепло у нас в Африке. Сколько там вкусных трав и кустарников, сколько теплой воды в озерах и реках. Мы пасемся вместе с полосатыми зебрами, жирафами, страусами...

— Я вполне согласна с вашим мычанием, соседка! — поддержала антилопу обезьяна. — Действительно, нет лучшего в мире места, чем у нас в тропиках! Я родилась на вершине пальмы и весело провела бы там всю жизнь, если бы не попала в этот противный зоопарк... — обезьяна всхлипнула и вытерла слезы досады хвостом.

— Ничего вы не понимаете, только зря верешите!— рассердился на обезьяну барсук.— Нашли чем хвастаться?! Да ведь у вас в тропиках не бывает ни снега, ни зимы! Как бы я там спал, позвольте спросить? То ли дело у нас — выпадет с осени снег, наступит зима, засну я в норе и не просыпаюсь до весны. Сколько разных снов пересмотрю за зиму. Да разве я один? Суслики, тушканчики, сурки, даже бурые медведи тоже спят всю зиму. А у вас в тропиках и поспать-то нельзя как следует. Нет, не хвалитесь, соседки антилопа и макака,— у нас гораздо лучше!

Чем темнее становилась ночь, тем ожесточеннее спорили звери. А северный олень и африканская антилопа даже затеяли драку. Они тыкала рогами друг друга через перегородку, мыча:

— Не правда! У нас в тундре лучше!

— Нет, в Сахаре!

— Нет, на севере!

— Нет, на юге!

Под утро все так раскричались, что едва не разбудили ночного сторожа. Впрочем, он зевнул, повернулся на другой бок и захрапел еще громче на весь зоопарк.

Тогда кто-то предложил спросить совета у самой старой жительницы зоопарка — мудрой бабушки Черепахи. Она жила в самом дальнем углу зоопарка. Никто не знал, сколько ей лет. Сама она была неграмотная, не записывала и забыла, когда родилась. Кажется, еще в прошлом веке. Филин подозвал к себе летучую мышь и послал ее к Черепахе. По старой привычке летучая мышь повиновалась филину, хотя он и сидел теперь в клетке. Она отправилась к Черепахе через весь зоопарк своим трепетным тихим лѐтом.

Все звери притихли и стали слушать, что ответит мудрая бабушка Черепаха. Северный олень и антилопа сердито сопели и зализывали сняки на боках. В тишине

предрассветных сумерек раздалось старческое шипенье черепахи:

— Вы слышали, как днем на пруду спорили кулики? Каждый хвалит свое болото. Так и вы все. Запомните — белому медведю лучше на севере, а многим из вас лучше на юге. Перестаньте спорить попусту. Каждый из нас привык жить у себя на родине и чувствует себя там лучше, чем где-либо. — Черепаха замолчала.

Звери притихли. Они молча обдумывали слова мудрой бабушки Черепахи. Тем временем наступило утро.

Утром забегали в догонялки утята на пруду зоопарка. Львята затеяли веселую борьбу. Ягнята горных козлов-теков и горных баранов-архаров живут в соседних обширных загонах. Но с утра до вечера носятся вперегонки вдоль заборов. Архарка, глядя на них, сказала соседке:

— Смотри, благодать-то какая, кормят нас, поят и не надо заботиться о детях — им никто не угрожает!

Их разговор услышал самый крупный из хищных птиц Казахстана бородач-ягнятник и заклекотал:

— Мы живем на Острове спасения для диких животных, особенно для вымирающих на земле. Я очень рад, что для моего птенца родиной служит этот огромный вольтер!

Каждый хвалит свое болото, свой лес, океан, тропики и даже спокойную жизнь в зоопарке. Каждый прав по своему!

ДОБРЫЙ ВЕРБЛЮЖОНОК БОТУ

Давным-давно здесь была бесплодная пустыня, росли только дикие колючки. Ветер перегонял барханы с места на место. Но черноглазый верблюжонок Боту ничего о пустыне не знал. Он бегал по роскошному саду

на берегу нового моря. Стоило ему потереться о ствол персикового дерева, как на землю падали сочные плоды.

Боту плевался очень здорово: в индюка он попадал с десяти шагов. Индюк сердился, шипел, называл Боту невоспитанным. Но Боту не обращал на него внимания, прыгал, веселился, шалости ради плюнул в пушистую важную кошку. Она презирала Боту за то, что у него на спине росло два маленьких плюшевых горбика.

— Фу!— прошипела кошка и потрясла задней лапой.— Кто ты такой и кто твои родители? Они вечно таскали разные грузы по пескам, а я живу в отличном доме со всеми удобствами на берегу моря, сплю на атласной подушке, и у меня нет ни одного горба.

— Ну и что же,— отвечал веселый верблюжонок.— А я вырасту сильным-пресильным и тоже буду возить любые грузы, а ты валяйся себе на атласной подушке — мне ничуть не завидно. Зато мои бабушка, дедушка, отец и мать помогали строить это голубое море!

Верблюжонок радовался всему на свете. Он играл сам с собой и приглашал поиграть воспитанного бородастого степного козла, курчавую овцу и длинноухого осла.

Они, конечно, были очень польщены таким вниманием со стороны Боту, но у верблюжонка не было пастуха, а у них был, и он не разрешал козлу бодаться, барану прыгать, ослу лягаться, как это отлично делал Боту.

— Мы бы пошли с тобой поиграть,— ответили они,— но наш чабан говорит, что нам самим думать и решать нельзя. За нас чабан думает и решает!

У Боту вместо пастуха была бабушка, очень добрая и очень старая. Она рассказывала ему такие замечательные сказки, которые никогда не слышал ни козел, ни овца, ни осел.

Боту очень любил бабушку. Она была добрая. Ее сказки были о тех временах, когда верблюды были зелеными, оранжевыми, лиловыми, разноцветными, когда

они летали, а вместо колючек ели поджаренные солнцем, как лепешки, облака. Он знал наизусть эти сказки, но все равно просил ее рассказать их снова.

Однажды Боту спросил:

— Бабушка, а ты тоже была маленькой?

— Конечно,— грустно ответила верблюдица,— все бабушки когда-то были маленькими. О поджаренных, как лепешки, облаках, мне рассказывала мудрая бабушка Черепаха. Она сама жевала поджаренные оранжевые облака! Кто-то привез ее сюда из пустыни. Бабушка Черепаха на берегу моря плохо себя чувствует. Мечтает как бы снова оказаться в родной пустыне.

— А ты тоже, когда была маленькой, плевала в сердитых индюков?

— Нет, я не плевала в индюков: меня воспитывали иначе — рядом были мама и папа, они у меня были строгие и отшлепали бы меня, если мне вздумалось плевать в индюков.

— Бабушка, а что ты любишь есть?

— Вкусные-превкусные верблюжьи колючки. Мы играли с братиком в пятнашки, бегали по золотистым барханам, а вокруг нас росли только наши любимые колючки и ни одного персика.

— А ты давно их не ела?

— Так давно, что и припомнить трудно.

— Когда твой день рождения, бабушка? Я тебе принесу верблюжьи колючки!

— Да где же ты их достанешь, милый?

— Хоть из-под земли, но достану!

— Эх поела бы колючек, сразу бы лучше видеть стала.

— А где они теперь растут?

— Наверное, за этим морем, что построили люди в пустыне.

— Я обойду это море и принесу тебе много-премного самых вкусных колючек.

— Ах, как это было бы прекрасно,— вздохнула бабушка.

В наше время найти пустыню не так просто. Но верблюжонок Боту этого не знал, ведь он был маленький, а слышал только бабушкины сказки. Боту побежал берегом молодого моря, вдоль тенистых садов, бахчей и огородов. Яблоки и груши свешивались над дорогой.

Боту бежал все дальше, то по асфальту, то по бетону, то по камням. Шел, шел, но пустыни все нет да нет... Кругом по берегу моря росли деревья, строились поселки и заводы...

Однажды Боту встретил на дороге большого ишака. Он кричал: «Иа-аи-аи!» И ему было весело.

— Далеко ли до пустыни, дяденька? — спросил Боту.

— Раньше она была здесь, а теперь ушла куда-то дальше, в ту сторону,— ответил ишак. — А зачем тебе пустыня?

— Я хочу принести бабушке вкусные-превкусные верблюжьи колючки.

— А ты ей лучше принеси клевер, он гораздо вкуснее!

— Нет, она просила колючек,— и Боту побежал дальше.

Солнце поднималось и опускалось, а Боту все бежал и бежал, он натер мозоли, но не повернул обратно. Ему было так весело, что он запел песенку про оранжевого верблюда, который жевал румяное облако.

Боту преградила путь речка. На том берегу пили прозрачную воду антилопа-сайгак Акбукен и жаворонок — Бостургай. Увидев Боту, они дружно закричали:

— Иди к нам!

— Как же я к вам попаду — нигде места не видно.

— А ты плыви!

— Но я не умею!

— Ты попробуй, ты ведь толстенький, плюшевый! — кричал Акбукен.

— А я промокну до костей? — спросил Боту.

— Ты не промокнешь, — закричал жаворонок, — у тебя одежда непромокаемая, не то, что мои перья!

— Плыви бочком, — посоветовал сайгак. — Все верблюды плавают бочком. Шею выгни, а голову держи над водой.

Верблюжонок с разбегу бухнулся в воду и неожиданно для себя поплыл.

— Молодец, молодец, выше голову, — закричал сайгак.

На том берегу Боту выбрался из воды и отряхнулся.

— Вот видишь, как здорово получилось! — похвалил его сайгак Акбукен.

— Спасибо за совет! А где же тут пустыня?

— Тут уже нет пустыни, тут все цветет.

— А мне нужна пустыня, — сказал Боту.

— Тогда иди прямо по берегу моря. Там где-то, кажется, еще остался кусочек пустыни.

— Спасибо! — вежливо топнул ногой Боту и побежал дальше.

Вокруг множество строек. Выше орлов летали стальные птицы-вертолеты. В лапах держали мачты для электропередач. Из земли били фонтаны черной нефти.

Возле вышки стоял старый верблюд и смотрел вдаль.

— Добрый день, дедушка! — поклонился Боту. — Скажите, пожалуйста, далеко ли до пустыни?

— Теперь уже далеко, но когда я был молодой, пустыня была здесь. На этом золотом бархане я встретил прекрасную верблюдицу. Я приносил ей охапки тюльпанов и вкусные-превкусные верблюжьи колючки.

— Это была, навёрное, моя бабушка, — воскликнул Боту, — она мне рассказала о бархане и прекрасном верблюде, который угощал ее вкусными-превкусными колючками.

— Как, моя подруга жива? — воскликнул старый верблюд.

— Она моя бабушка,— повторил Боту.— Но почему вы не вместе?

— Когда начали строить море, она осталась на другой стороне, и море разделило нас.

— Пойдемте, я провожу вас к моей бабушке, но вы сначала покажите, где можно нарвать верблюжьих колючек.

И они пошли вместе по берегу моря. Впереди молодой Боту, за ним старый верблюд.

Они долго искали верблюжьих колючки, но находили только пшеницу и белоснежный хлопок, сочные плоды и шелковистые травы. Наконец показались сыпучие пески.

Вдруг Боту воскликнул:

— Ой, что это, дедушка верблюд? Смотри-ка!

Старый верблюд подошел к малышу и улыбнулся во весь верблюжий рот:

— Это — прекрасное растение пустыни.

— Как оно называется?— спросил Боту.

— Ты, наверное, не догадываешься. Это то, что ты с таким упорством, достойным маленького двугорбого верблюда, искал для своей бабушки. Это верблюжья колючка — самая лучшая пища для тех, кто трудится на жаре без воды в местах, где нет даже маленького островка тени.

— Можно мне попробовать?— спросил Боту.

— Пожалуйста, ешь смело!

— А я не уколюсь?

— Ешь вот так,— дедушка наклонил свою длинную шею, забрал в рот всю вкусную-превкусную колючку, начал ее пережевывать с хрустом, будто это слоеное печенье.

— Ой,— воскликнул Боту, пытаясь остановить дедушку — Ты же все съешь!

— И для бабушки хватит,— ласково сказал старый верблюд. — Глянь, на том бархане новые заросли. Не робей. Попробуй.

— Нет, сначала я нарву для бабушки,— сказал Боту. И только после того, как он связал сухим чиём великолепный букет, он съел одну колючку, которая была пос- том поменьше других и не так кололась. Да, колючка была ничуть не хуже персика, конечно, для тех, кто по- нимает в этом деле.

Взглянув на дедушку, Боту заметил, что у него меж- ду горбов уже лежал огромный букет алых тюльпанов.

— Это — для бабушки,— нежно сказал старый верб- люд. И они пошли обратно берегом моря.

Шли-шли, незаметно обогнули море и оказались око- ло персикового сада. Бабушка стояла на берегу и, при- шурившись, смотрела вдаль. Боту подбежал к ней, пры- гая от радости, и закричал:

— А я дедушку нашёл! Мы принесли тебе верблюжьи колючки и алые тюльпаны!

Старые верблюды поглядели друг на друга и от ра- дости вдруг помолодели на самом деле, а не в сказке!

— Это такие тюльпаны, как и те, помнишь, на золо- том бархане?

— Конечно, помню! — воскликнула верблюдица. В ее продолговатых глазах блеснула веселый огонек.

— А не пойти ли нам на работу в пустыню? — спро- сила она.— Соскучилась я по просторам и по делу, ко- торое по плечу только нам, верблюдам! Только где та- кая пустыня? У кого бы узнать?

За радостной встречей наблюдала мудрая бабушка Черепаха. Она приподнялась на своих кривых коротких ножках и прошипела:

— Я знаю места, где еще пески от края и до края, где много трудной, но важной работы. Ложись верблюд — я заползу тебе между горбов и буду показывать дорогу!

— А вы меня с собой возьмете? — спросил Боту.

— Конечно, малыш. Ты вырастешь на вольной воле, будешь находить дорогу там, где погибает слабый или

трусливый. Ты станешь выполнять работу, которая по плечу только двугорбому верблюду.

Они зашагали. Впереди верблюд с бабушкой Черепахой между горбов, за ним след в след маленький добрый Боту с двумя плюшевыми горбиками, сзади счастливая верблюдица, ведь нашелся ее друг и все они отправились на трудную работу в пустыню, где растут вкусные-превкусные колючки.

ЖАДНЫЙ ХОМЯК

— Мне очень трудно рассказывать сказку о жадном хомяке,— прошипела мудрая старая Черепаха.— Гораздо приятнее рассказывать интересные сказки о добрых зверях и птицах. Этот жадный Хомяк жил на окраине пшеничного поля и был отвратительно жадным. Он не только ни с кем не делился даже одним зернышком, но мог обмануть своих хомячат, хомячиху, даже самого себя. Вот до чего был жаден этот Хомяк — важный, хитрый, отъевшийся на даровых хлебах. И в кого он только уродился?

Весной степь пахали. Старательные грачи шли за плугами и выбирали из земли вредных насекомых-проволочников. А что делал жадный Хомяк? Он вылезал на солнышко, потирал то брюшко, то усы и самонадеянно говорил: «Хорошо мы пашем! Урожай будет не плохой. Я пополнил свои склады».

— Как живешь, Хомяк Хомякович? — спрашивали грачи. Они останавливались на минутку, чтобы передохнуть.

— Ни днем ни ночью покоя нет,— вздыхал Хомяк,— беспокоюсь об урожае: Склады ремонтирую. Вы вот хо-

дите, ногами землю ковыряете, а мне надо все предвидеть, чтобы урожай не пропал.

— Твоя забота нам ни к чему, — отвечали грачи. — Ты ведь для себя амбар готовишь, а не коллективный.

— Сам о себе не позаботишься, кто позаботится, — бурчал Хомяк и нырял в свою кладовую. В ней было еще много зерна с прошлого года. Считает, считает зерна, устанет и на боковую. Пока хлеб созреет, можно и поспать. Тепло и не дует. Лежит, прикидывает, как бы стать еще богаче — это раз. Да чтобы богатство не разворовали — это два. Да чтобы рядом таких богачей, как он, было поменьше — это три. — Если будет много богачей, таких, как я, все зерна в поле растащат! Сеять никто не будет: зачем сеять, если урожай не собирать? Если мы — хомяки — не будем отнимать зерна у тех, кто работает, что нам тогда делать? Зачем наши амбары охранять?

Думал, думал Хомяк, как бы ему жить поянтрее. Бока отлежал. Вылез из подземной спальни, видит, жаворонок над посевами порхает.

— Что ищешь, любезная?

— Место выбираю, где бы поселиться, гнездышко свить.

— Спускайся скорее. Живи рядом со мной — никто не тронет. За это будешь за моим домом приглядывать. Если что не так — подавай тревогу.

— Ладно, — говорит жаворонок. — А какая плата будет?

— Как стараться будешь, такая и плата. Три горсти пшеницы отборной за сезон.

— Да я пшеничку-то не ем, она крупная. Мне надо семян сорных растений, — отвечает жаворонок.

— Все будет, — ухмыльнулся Хомяк. — Главное — службу неси исправно.

А Хомяк среди пшеницы похаживает, усы колючие

поглаживает, своей мудростью среди сусликов похваляется.

Пшеница к солнцу тянется, между колосьев помощники хлебороба ходят — серые куропатки. Вместе с малышами от зари до зари они вредных жучков-черепашек склевывают и пшенице хорошо, и им сытно.

Жадный Хомяк выйдет на солнышко, трет лапами то усы, то живот, серых куропаток погоняет:

— Торопитесь, не ленитесь! Вишь, сколько вредителей на пшеницу лезут. Прозеваете день — недобор зерна будет. Ночи нынче лунные, работайте и по ночам!

— Хорошо, хорошо, — отвечают старательные куропатки. — Мы всем миром, всей артелью, где одному тяжело — двоим легко.

А пшеница все выше и выше, уже колос выбросила. Хомяк ходит вокруг поля, молодые зерна на зуб пробует:

— Ничего, — говорит, — с голоду не пропадем.

Подошел к озеру, видит, красивая дикая уточка плывет, а за ней другая, взъерошенная. Красивая утка на мелком месте корм со дна достает и в рот растрепушке кладет.

— В чем дело? — спрашивает Хомяк, — чего ты ее к безделью приучаешь? Зачем корм в клюв суешь?

— Она слепая, — ответила уточка, — как же ей не помогать? Ведь она такая добрая, хорошая, о всех заботилась, малышей спасала.

— Нравится — корми! — фыркнул Хомяк и пошел смотреть пшеницу с другого края поля. Видит озеро: на островке чайка на гнезде. К ней подлетают то одна, то другая ее подруги, приносят кузнечиков и рыбок.

— А это что за безобразие? — удивился Хомяк. — Все сами корм добывают, а она, пожалуйста! Расселась, как барыня, и ест готовых кузнечиков да рыбешек!

— Она летать не может, — объяснила молодая чайка. — Крыло повредила, еще не зажило. В бою с ястре-

бом за нас дралась. Она на яйцах сидит, мы всем миром ей помогаем.

— Это ваше дело, оно меня не касается,— буркнул Хомяк и пошел дальше.

Обошел Хомяк поле, лег на бок, тепло, не дует, и до уборки можно выспаться.

Зерно зреет, к зерну с разных сторон всякие охотники до чужого добра подбираются. Каждый колос, который спасли от жучка-черепашки куропатка с малышами, а от червя-проволочника грачи, десятки зерен в своей обойме хранит, на горячем солнце ими позванивает, Торопитесь с уборкой, говорит, пока я не осыпался!

Вывели люди на поля машины. Началась уборка.

Для Хомяка самое горячее время. Он по ночам, чтобы никто не увидел, зерно таскает в подполье. Набьет за обе щеки зерен и вприпрыжку в свою нору. Засовывает зерна куда поглубже да подальше. Рассовал, даже повернуться негде, а все кажется мало. Утрамбует и еще тащит.

Начались дожди. Шагают перепелки по полю и просят Хомяка: угости, в дороге проголодались!

— Проходите, проходите. Себе не хватит до весны,— бурчит Хомяк и отворачивается.

Грачи покружились над полем, увидели Хомяка, каркают:

— Как живешь, труженик?

— Тяжко. Когда без обеда, а когда и без ужина.

— А говорят, у тебя пуд пшеницы в кладовой?— каркнул старый грач.

— Каркать можно, что угодно. До марта бы хватило, а там на бурьян перейду.

— Ну, коли так, мы в будущем году будем стараться еще лучше, чтобы ты ни в чем нужды не знал,— отвечает главный грач и машет крылом — айда, ребята, летим дальше!

— Ловко же я грачей обманул!— радуется Хомяк и потирает жирные, никогда не работавшие лапки.

Жаворонок за расчетом явился:

— Я пять месяцев твои склады охранял. Давай три горсти семян.

— Откуда я тебе их возьму,— буркнул Хомяк.— Или не знаешь, что нынче неурожай.

— Что поделаешь,— вздохнул жаворонок,— если неурожай, тогда прощай до следующего года!

Взвился в небо обманутый жаворонок и вдруг закричал:

— Хомяк, Хомяк, плотину прорвало, озеро разливается. Торопись в горы, твою нору заливают!

— Не зальет,— важно отвечает Хомяк.— У меня три выхода. Один зальет, другие не зальет.

А жаворонок снова кричит:

— Хомяк, Хомяк, торопись, вода у тебя второй вход заливают!

Хомяк только потирает усы:

— Ничего, у меня еще выход остался!

Смотрит Хомяк: последний выход вода заливают. Что делать? Добро бросать жалко. Набил он мешки за щеками зерном и подбежал к речке. Жаворонок ему кричит:

— Плыви к высокому берегу!

Хомяк бросился в воду, поплыл, а зерно вниз тянет.

— Бросай зерно, а то утонешь,— кричит жаворонок.

А Хомяку жалко бросать запасы. Как же, столько наворовал и вдруг бросать? Он жирными лапами гребет, а они слабые, не могут с течением бороться. Голова вниз тянет. Плыл, плыл, да и не доплыл. Исчез под водой, и никто его не спас, никто не пожалел, потому что жадным он был и сам за свою жизнь никому добра не сделал.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АК-БУКЕНА

Первое знакомство

Февральским солнечным утром в пустыне Бетпакдала мудрая сайгачка Апа подняла нос-хоботок над песчаным барханом и жадно вдохнула первые весенние запахи пустыни Бетпакдала.

Апа подошла к реке: Толстый лед около берегов уже посинел и потрескался. Пустыня за рекой была покрыта пятнами снега.

Невысоко над землей летели огромные дрофы. Они подобрали под себя тяжелые ноги и неторопливо разгребали воздух крыльями.

Дрофы сели на берегу и разбрелись по проталинам.

— Что же ты, Апа, не трогаешься в путь, ведь скоро у тебя появятся малыши?— спросила старая дрофа сайгачку.

— А не торопитесь ли вы на север, еще слишком много снега?— в свою очередь спросила ее Апа.

— Видишь ли, уважаемая Апа,— ответила дрофа.— Нам ведь достаточно проталинок.

— Что правда, то правда,— сказала Апа и лизнула невкусный, совсем несоленый снег. Он за зиму ей очень надоел, хотелось хоть раз напиться из солоноватого ручья, пока не наступила в пустыне жара.

— Мы, сайгаки, тронемся в путь, когда полетят лебеди,— сказала Апа дрофе.

Дрофа нагнулась и проглотила зеленую свечечку солянки, недавно проросшую из земли.

Недалеко от реки пасся большой табун сайгаков. Время от времени животные поднимали головы: не полетят ли лебеди? Но лебеди не летели. Небо затянулось тучами.

Вдруг все сайгаки быстрыми семенящими шагами пошли в саксаульники.

— Ну вот видишь,— сказала Апа, повернув голову к дрофе.— Нелетная погода будет. Снежная буря приближается.

— А ты откуда знаешь?— удивилась дрофа.

— Мои сородичи никогда не ошибаются. Мы за сутки чувствуем погоду.

— Я боюсь бури,— вздохнула дрофа.— Когда идет снег или дождь, я становлюсь совершенно беспомощной, тогда меня может схватить любой хищник.

— Тебя с такими могучими крыльями?

— Да, представь себе. Перья мои быстро намокают, ведь у меня нет такого замечательного приспособления, как у уток и гусей. Мне нечем смазывать крылья.

— Тогда пойдем с нами,— предложила Апа.— Мы всегда держимся вместе, это лучше: где один проглядит, другой заметит.

— Нет, не могу. Все дрофы нашего табуна сейчас взлетят, и мы вернемся обратно за Чу к югу, где нет снега среди песчаных барханов. Мы ведь тоже чувствуем приближение бури. Прощай.

Ночью налетел буран. Сырой снег угнал обратно к югу дроф, оставил без пищи сайгаков.

Саксаульники стали похожи на ели. На поникших ветках висели тяжелые хлопья снега. Все живое спряталось. Апа и другие сайгаки сбились в табуны, прижались друг к другу. Они простояли так целые сутки, опустив головы. Апа дрожала, встряхивалась, сбрасывала с себя снег, а он снова облеплял все тело.

Буран стих так же внезапно, как начался. И сразу же весеннее солнце брызнуло горячими лучами на пустыню. Побежали ручьи, запели жаворонки, и тогда все ясно услышали высоко в небе курлыканье лебедей.

— Смотрите, смотрите, летят вестники весны,— закричала Апа, поднимая голову.— Пора!

Сайгаки заволновались. Один табун за другим двинулись к северу за тысячу километров на летние выпасы.

С каждым днем все ярче грело солнце. Пустыня запестрела ярко-красными огоньками тюльпанов.

Рогатые самцы ушли дальше к северу, а десятки тысяч сайгачек собрались в свои стада.

Появление Букена

Скоро у сайгачек появились сайгачата. Первые дни они лежали на земле парами и поодиночке — не могли еще бегать. Но окраска их шкурок очень походила на почву пустыни, поэтому их трудно было заметить даже хищным птицам.

Апа легла на гладком такыре среди других сайгачат. Всю ночь пролежала она, не засыпая, тревожно поводя ушами. Утром над ней, шумно махая крыльями, пролетели дрофы:

— Что новенького, почтенная Апа? — спросила знакомая дрофа, садясь рядом с ней. — Да у тебя, я вижу, прибавление семейства?!

— Да, — радостно ответила Апа.

— Поздравляю тебя. Как зовут твоих малышей?

— Вот этого я назвала Букен, посмотри, какой крупный.

— Уважаемая Апа, они похожи друг на друга как две капли воды. Как же ты их различаешь?

— Что ты! Букен больше своей сестренки.

— Больше? Но это трудно заметить!

Все поздравляли счастливую мать. Жаворонки спели ей песню. Только старая черная ворона прокаркала с высоты бархана:

— Родились вкусные сайгачата! Можно хорошо пообедать.

— Здравствуй, бабушка,— закричала молодая ворона, усаживаясь рядом. — Ты говоришь, у сайгаков родились малыши?

— Я сейчас облетела весь такыр и насчитала более тысячи новорожденных. Теперь гляди в оба! Вот начнут бегать, отобьются от стада — клюй прямо в глаза, и тогда сайгаченок твой! — сказала старая ворона.

Букен пил сладкое молоко рядом с сестрой. Мать, повернув длинноносую морду, нежно и внимательно смотрела на малышей.

Наконец она ласково отстранила их от себя и строго сказала:

— Теперь ложитесь и не шевелитесь. Я поем и вернусь.

Сайгачата распластались по земле и замерли, закрыв черные глаза.

— Сейчас мы пообедаем, — закаркала черная ворона и полетела вместе с другими к такыру, где только что стояло множество беспомощных малышей.

— Что такое? — закричала молодая черная ворона, садясь на ветку саксаула. — Я не вижу ни одного малыша.

— Я тоже не вижу!

— Ты надо мной посмеялась, бабушка, когда сказала, что матери бросили малышей и убежали пастись.

— Нет не посмеялась, я видела их своими глазами.

— Может быть, мы перепутали такыр? Полетим к следующему.

Вороны шумно поднялись и полетели на разбой. Они облетели соседний такыр и следующий. До самого вечера они искали маленьких сайгачат.

Наступил вечер, багровое солнце уже коснулось теплых песков. И вот на горизонте появился табун самок. Они бежали к пустынному такыру, над которым недавно кружились вороны. И вдруг такыр ожил: на нем запрыгали сотни маленьких сайгачат!

Они бросились навстречу матерям. Апа остановилась и внимательно огляделась. Как их много и как они похожи! Подбежит к одному, другому сайгачонку, понюхает и сейчас же бежит дальше — это не ее малыш. Но вот она почувствовала родной запах. Это Букен, а рядом сестренка. Они так соскучились и проголодались!

На другое утро Апа покормила своих малышей и снова убежала.

И опять — Букен прижался к такрыу, вслушивался в различные звуки и шорохи. Он еще не понимал, что они означают. Знал только одно: надо лежать тихо-тихо. Надо так прижаться к твердой оранжевой глине, чтобы совсем слиться с ней.

Любопытство мучило Букена. Ему хотелось узнать, кто живет в этом большом и разнообразном мире, хотелось скорей побежать за матерью и расспросить ее обо всем. День тянулся очень медленно. Букен чуть приоткрыл глаза и посмотрел, как в щель, сквозь ресницы.

Перед ним росла пустынная капуста. Она стояла на длинном толстом стебле и напоминала кактус.

Вот появился пустынный ушастый заяц, встал на задние лапки, погрыз немного капусту и ускакал.

Черепаша выползла из-за холма и, медленно передвигая кривые ноги, поползла к кусту саксаула. Она долго выбирала, где бы пристроиться, и, наконец, затихла.

Солнце пригревало землю.

Потом в небе что-то зашумело. Это сип белоголовый выискивал добычу. Наконец возвратилась мама Апа и досыта накормила брата и сестрицу.

— Завтра я возьму вас с собой, — сказала мать. — У сайгака вся сила в ногах. Нет ни одного зверя, который мог бы нас догнать.

— Вот хорошо, — обрадовался Букен. — Мне так надоело лежать на одном месте.

— Сегодня звездная ночь, значит, завтра будет хо-

рошая погода и мы пойдем дальше на север. Там чудесные пастбища.

— Скорей бы наступило утро,— воскликнул Букен.— Я хочу на север.

— А теперь спите,— сказада мать.

Плен

Букен видел во сне зайцев, которых пытался догнать неуклюжий дрофич...

Он вскочил и тут же услышал голос матери:

— Ты куда, сынок?

— Уже пора, скоро встанет солнце.

Апа осмотрелась: и справа, и слева поднимались сайгаки-матери. Они кормили перед дорогой своих малышей.

Букен торопился. Он широко расставлял передние ножки, жадно причмокивая, пил вместе с сестрой молочко.

Табун тронулся. Началось удивительное шествие вслед за весной быстрых и чутких животных, со смешными носами, всегда опущенными, словно они обнюхивали землю.

Следом за Апой бежали Букен и его сестра. Они радовались, что теперь не надо целые дни лежать в ожидании матери.

Когда табун на закате остановился, Букен почувствовал, как он устал.

Ночь была прохладная, звездная. Время от времени сайгаки просыпались, охраняли сон табуна и опять засыпали. Им на смену поднимали головы другие.

И вот снова утро. Снова поднимается табун.

А весна уходит на север, за ней летят дрофы, скворцы, торопятся джейраны и сайгаки. Кричат над пустыней табуны диких уток и гусей.

Ручьи снеговой воды ласково журчат, перекликаясь с жаворонками.

— Хорошо на свете, особенно весной. Всем хватает тепла и пищи! — поют жаворонки.

Сайгачата лежат тихо, слушают жаворонков. Их матери отошли в сторону и спокойно пасутся. И вдруг мимо сайгачат прошел волк, опустив свой хвост.

Волк не заметил малышей.

А навстречу волку выскочили матери сайгачат — они торопились к малышам. Апа первая увидела волка. Он прыгнул, но Апа увернулась и помчалась в пустыню. Тогда волк кинулся за другой сайгачкой.

Сайгачка бежала по кругу, делая большую петлю вокруг того места, где лежали малыши.

Волк мчался за ней, высунув язык и тяжело дыша. Сайгачка продолжала кружить около такыра, не подзревая, что наводит волка на своих малышей.

Волк остановился. Он учуял сайгачонка.

Двумя прыжками волк настиг жертву, задушил ее и потащил к логову.

В этот вечер Апа вернулась поздно. Букен и сестренка лежали неподвижно, и шерсть у них вздрагивала. Они слышали, что произошло совсем недалеко от них.

Уже солнце поднялось высоко, когда сайгаки подошли к небольшому, начинавшему высыхать, озерку.

Букен нагнулся и впервые напился воды.

Букен еще пил, когда мать сердито сказала:

— Сколько раз я тебе говорила, нельзя так долго держать голову опущенной! Оглянись, посмотри, нет ли врага, и тогда снова пей.

— Мама, но ведь пока я пью, другие смотрят! — оправдывался Букен.

— Если все будут рассуждать, как ты, налетят враги и мы даже не узнаем, откуда. Надо быть самому осторожнее, сынок!

Напившись, пошли дальше.

Вдруг на горизонте показалось что-то странное. Не разбирая дороги, оно неслось к сайгачьему стаду.

Началась погоня.

— Скорей, скорей,— торопила малышей Апа.— Не отставайте, ребята.

Букен мчался во весь дух, а сестренка уже отставала. Было ясно, что ей не убежать от грохочущего, дышащего смрадом чудовища.

Вот оно приблизилось так, что стали слышны человеческие голоса, еще минута, другая — и машина врезалась в стадо.

Раздалось несколько выстрелов. Апа споткнулась и рухнула на землю. Она даже не успела крикнуть «спасайтесь». Впрочем, Букен и сестренка поняли это и так.

Они разбежались в разные стороны и прижались к земле, надеясь испытанным способом спастись от врага.

Но браконьер даже не подошел к мертвой сайгачке, а стал обшаривать местные такыры.

— Нашел! — вдруг воскликнул он и набросил плащ на лежавшего под кустом Букена.

— Вот здорово! Из таких молоденьких хороший шашлык получится! — сказал шофер.

— Шашлык мы из самки сделаем, а малыша на что-нибудь обменяем. Клади его в мешок.

Машина круто развернулась и направилась к городу.

Букен весь дрожал. Он чувствовал, что мама рядом, звал ее, но она не отвечала.

Вдруг машина прибавила скорость. Она понеслась, содрагаясь на кочках.

— Стой! — раздался крик. — Стой, стрелять буду!

Машина остановилась.

И сразу же строгий голос сказал:

— За убийство сайгачки будете платить штраф. Мясо и живого сайгачонка мы у вас конфискуем. Ружье тоже временно заберем, получите обратно, когда уплатите штраф.

Новые знакомые

Тихий летний вечер в пустыне. Около юрты чабана из самовара тянется над землей легкий дымок.

В юрте чабан-старик слушал по радио последние известия. Рядом мальчик Омар ласково гладил Букена. Сначала сайгачонок вздрагивал от каждого прикосновения человеческой руки, но вскоре привык.

Тихонько отодвинулся полог, и в юрту вошла большая собака с обрубленными ушами.

— Познакомься, Букен, — сказал мальчик, — это наш сторожевой пес. Зовут его Каскыр. Ни одному волку он не дал подойти к моей отаре. Поди сюда, Каскыр! Погляди на этого горбоносого малыша. Это сайгачонок по имени Букен. Он будет жить у нас, пастись в нашей отаре, и ты не давай его в обиду!

Пес поглядел на Букена внимательно и строго, обнюхал его и лег рядом. Карими глазами он смотрел на тлеющие угли, по ним пробегали искры.

— Если мы зачисляем Букена в отару, нужно привести ему сережку, чтобы все знали — он с паспортом, — сказал старый чабан.

Он достал из сундука инструмент, которым они метили овец, и прикрепил к уху Букена алюминиевую сережку.

Конечно, Букену это не понравилось. Он хотел вырваться, но боль скоро прошла, и он задремал рядом с собакой.

К Букену подошла кошка, неслышно ступая мягкими лапами. Она обошла его кругом, принюхиваясь.

— Нет, это не овца! — решила кошка. — Тогда кто же? — Кошка вкрадчиво протянула лапу и коснулась мордочки сайгачонка.

Два огромных черных глаза сразу же широко открылись, и горбоносая морда резко поднялась.

Кошка испуганно отскочила, вздыбила шерсть на хвосте.

— Р-р-р, мяу! Извините, но кто вы такой?

Букен ничего не понял. Вместо ответа сайгачонок хрюкнул басом.

Кошка отскочила еще дальше и отрекомендовалось:

— Я — Мысык, а как зовут вас?

Букен опять хрюкнул.

В маленькой клетке на стене юрты жила перепелка. Она слышала разговор кошки и сайгачонка и сказала:

— Мысык, ты напрасно надоедаешь гостю, он ведь не понимает слов домашних животных. Это сайгачонок.

Букен обрадованно обернулся на знакомый голос перепелки.

— Здравствуй, Будене! Как я рад слышать жителя степей! Скажи скорее, что про меня говорили люди?

— Они говорили, что ты будешь жить вместе с овцами.

— А ты давно живешь у людей?

— Три года. Я привыкла к этой жизни — ни заботиться о пище, ни улетать в Африку на зиму. Кормят меня досыта, а я целые дни кричу свое: «Пить-полоть!». Это нравится людям.

— Я не могу жить один, без других сайгаков.

— Это ничего. Скоро привыкнешь. Я буду тебе переводить все непонятное, что говорят люди и домашние животные.

— Спасибо, дорогая Будене.

Ранним утром в юрте раздалась музыка. Омар включил приемник. Пока мать готовила чай, он слушал «Пионерскую зорьку».

Аксакала и собаки Каскыр в юрте не было.

— Пойдем и мы, — сказал мальчик. — Придется тебя, Букен, первый день на веревочке водить. Места незнакомые, с баранами ты еще не сдружился.

Омар сделал из пояса небольшой ошейник, привязал

к нему волосяной арканчик и вывел Букена из юрты. Сайгачонок огляделся.

В пустыне стояли три юрты. Недалеко от них возвышалась кошара. В нее на ночь загоняли овец. Кошара была сделана из саксаульника и тростника. Она напоминала старинное укрепление.

Налево от кошары был старый колодец, оплетенный саксаульником. Рядом с ним строился новый, с бетонным желобом и бетонными кольцами, уходящими в глубь земли. С утра до ночи около старого колодца трудился двугорбый верблюд, на котором сидел бородатый аксакал.

Верблюд подходил к колодцу, и большое кожаное ведро на веревке опускалось вниз и зачерпывало воду. Потом он отходил от колодца, ведро поднималось и из него вытекала по желобу вода в большое бетонное корыто. Из него пили овцы.

Омар открыл ворота кошары, и оттуда шумным стадом, толкая друг друга, выбежали овцы. Они все устремились к бетонной поилке, выстроились в ряд с двух сторон, стали пить, шевеля губами, словно разрезанными посередине.

— И ты, Букен, пей, мы сейчас уйдем далеко, там воды не будет.

Мальчик подвел сайгачонка к воде и ткнул его мордочкой в корыто.

Овцы отправились на пастбище, за барханы. Впереди, звеня колокольчиком, шел черный козел. Он был признанным вожаком. За ним шли овцы.

Черный пес Каскыр бежал с краю, не давая овцам разбегаться.

Омар шел сзади с Буkenом. Шел мальчик легко, напевая протяжную песню о том, что видел вокруг.

На земле в сторонке сидела черная ворона. Заметив Букена, она хрипло закаркала.

— Вот видишь! Мы тебя не съели, так человек съест.

Каскыр бросился на ворону. Она улетела, тяжело махая крыльями.

От зловещих слов вороны Букен остановился и задрожал.

— Ну идем, идем! — ласково позвал Омар; привязал Букена к своей ноге и включил радио.

Чудесные мелодии разлились по пустыне. Букен видел, что все бараны жуют, и тоже стал щипать траву, а когда наелся, улегся в тени цветущего тамариска, покрытого мелкими цветочками, как розовым пухом.

Каждый день Омар гонял отару в разные места.

Букен уже гулял без веревочки.

Пустынный воробей очень обрадовался, увидев Букена.

— Может быть, мне убежать, Тургай? — однажды спросил у воробья Букен.

— Куда ты убежишь? Твои родичи ушли на север. Ты их не найдешь, а тебя съест волк. Он только меня не может съесть.

— Почему? — спросил Букен.

— Я живу рядом с человеком. А кто дружит с человеком, тот может не бояться волков и других хищников.

— Значит, если я буду дружить с человеком, волк на меня не нападет?

— Конечно. Вот я всегда вью гнездо около юрты. Тут и тепло и сытно.

Однажды утром привели трех верблюдов. По обе стороны их горбов повесили тюки со снаряжением.

— Куда они идут? — спросил Букен у воробья.

— Это ваша юрта. Сегодня вы проведете ночь в другом месте, потому что здесь уже не осталось травы.

— А как же ты?

— Я тоже полечу вслед за вами. Не могу же я бросить людей без присмотра.

Пожар

Дни в пустыне были длинными, а ночь наступала сразу — вечера почти не было.

Сперва Букен ночевал около юрты на привязи. Каждый раз вечером перепелка рассказывала ему последние новости. Он уже начал понимать кошку Мысык, которая считала себя хозяйкой юрты, и пса Каскыра, который презирал кошку за самомнение и зазнайство.

Букен подрос. Теперь Омар загонял его на ночь в кошару.

Сколько ни пытался Букен подружиться с овцами, ему это не удавалось. Овцы были вялыми, охотно шли за козлом в любое место, куда он их поведет, никогда не проявляли своего характера. Но стоило какой-либо овце сделать глупость, как другие повторяли ее.

Зато воробей оставался лучшим другом Букена. Воробей был находчив, предприимчив, порой дерзок, но всегда осмотрителен.

Каждое утро он встречал сайгачонка веселым чириканьем. Всегда рассказывал какую-нибудь историю.

Букен слушал и щипал уже высохшую на корню полынку.

Солнце пекло так, что даже черепахам стало жарко. Они грузно переползали с места на место, иногда сталкивались и упрямо лезли друг на друга, но ни одна не сворачивала в сторону.

Черная ворона внимательно наблюдала за сайгачонком. Ей очень хотелось, чтобы Букен отбился от отары и где-нибудь прилег подремать. Тогда бы она непременно выклевала ему глаза.

Но у Букена был добрый друг — воробей. Он каждый раз предупреждал Букена, когда ворона задумывала какую-нибудь пакость.

Наступила пора, когда стадо утром не погнало на

пастбище. Приехала машина, загудел движок. Омар взял барана за его курчавый бок и положил на стол. Потом включил электроножницы и начал снимать с него теплую шубу.

В эти дни на отгонном пастбище было весело и шумно, наехало много народу.

Букен наблюдал, как стриженные бараны соскакивали в бассейн, а потом выходили в степь такие смешные.

— Вот видишь, ты не баран, тебя не стригут, — говорил воробей, усаживаясь на горб лежащего у колодца верблюда. — Ты, Букен, редкое животное. Мне мама говорила, что ты самое доисторическое животное. Сайгаки жили, когда и людей-то не было. В те годы были только сайгаки и воробьи, — добавил воробей, обмахиваясь крылышками, чтобы было не так жарко.

— Все смеются над моим длинным носом, говорят, что я очень некрасивый, — жаловался Букен. — Ворона меня как увидит, так и дразнит, все хочет, чтобы я разолился и за ней побежал.

— Никогда не бегай за вороной, — предупредил воробей, — победишь — на беду нарвешься.

Однажды воробей прилетел к Букену с важной новостью:

— Смотри туда, смотри туда, Букен!

— В чем дело? — Букен поднял голову.

— Ты видишь? Вон, вдалеке.

— Да, вижу какое-то белое дерево поднялось над пустыней, — ответил Букен.

— Чудак! Это не дерево, а водяной столб. Ты понимаешь? Люди все-таки нашли воду. Бежим туда, напьемся!

— Бежим! — сказал Букен и бросился за воробьем.

Около фонтана царил праздничное оживление. Люди подставляли под свежую струю головы. Откуда-то прилетели трясогузки и жадно пили из образовавшегося озера.

В эту ночь Букену почему-то не спалось. Беспокойство и тревога не покидали его. Но стены кошары надежно охраняли овец со всех сторон. Ночь была тихой, звездной.

Вдруг Букен услышал незнакомые голоса:

— Если мы украдем ягненка, нас могут судить. Ягненок — колхозное добро. Лучше возьмем сайгачонка — из него славный шашлык получится.

— Как же мы его найдем?

— В кошаре среди овец.

— Но тут очень темно.

— погоди, я тебе посвечу, а ты хватай его за ногу.

Заскрипела калитка.

Овцы заволновались.

— Вон он у стены, — сказал человек с факелом. — Хватай его, хватай!

Второй человек бросился к Букену. Овцы, как волна, отпрянули в сторону, толкнули человека с факелом. Огонь упал на стену из сухого тростника, и она вспыхнула.

— Бежим!

Оба бандита выскочили из кошары.

— Пожар, пожар! — закричал Омар, выбегая из юрты.

За ним выскочили другие чабаны.

Омар бросился в кошару, стал разгонять овец, стегать камчой, но овцы и не думали уходить.

— Бери ягнят, вытаскивай ягнят! — кричал аксакал.

За ягнятами выбежали матери, а за ними следом вся отара.

Кошара пылала. Огненный фонтан поднимался к звездному небу.

Ночная темнота отступила. Было светло, как в солнечный день.

— С добрым утром, сосед! — пискнул суслик, вылезая из норы. Он зевал и почесывал брюшко лапкой.

— Какое же утро? Уже полдень, мы проспали сегодня! — ответил другой суслик и уселся столбиком около входа в норку.

Мимо торопливой рысцей пробежал ежик, испуганно приговаривая:

— Ах, как я задержался, уже день, а я все-еще далеко от дома!

Два тушканчика огромными прыжками обогнали ежика и бросились в свои норки.

— Чик-чирик! Где ты, Букен? С добрым утром! — чиркнул воробей. Он тоже перепутал ночь с днем.

Воробью никто не ответил. Букен был так перепуган, что мчался куда глаза глядят.

Когда, наконец, остановился, вокруг была мертвая тишина. На востоке прорезалась бледно-розовая полоска зари.

Куда же ему идти? Возвращаться к людям или искать своих?

Он решил найти родное стадо.

Одиночество

Степь сливалась с небом и таяла в лиловой дымке. Букен все шел. Он слышал, как скрипят на ветру ветки саксаула, и спрашивал черепах: «Куда ушли сайгаки?» Те кивали головой на север.

Только одна старая Черепаха, подняв маленькую голову на морщинистой шее, посмотрела на него глазами-бусинками и засмеялась:

— Куда ты спешишь, Букен? В этой жизни не надо торопиться! Бери пример с меня — черепахи. Я не разрешаю себе волноваться из-за пустяков!

— Я не могу жить один, я должен найти своих соро-

дичей,— гневно сказал Букен,— а ты мне советуешь не волноваться!

— Впереди пустыня, там нет воды. Куда ты пойдешь? Оставайся тут, я расскажу тебе много сказок.

Букен вздохнул:

— Я очень люблю сказки. Но мне нужно догнать своих. Послушай, а сколько переходов я должен сделать, чтобы найти их?

— Они сейчас далеко за Балхашом. Выбрали такую глушь, где редко появляется человек. Но скоро холод, как пастух, погонит их обратно. Побудь со мной, я так одинока!

— Потом. Я вернусь еще к тебе, уважаемая бабушка Черепеха. А сейчас побегу навстречу своим.

— Там нет воды, там нет воды!— крикнула Черепеха ему вслед, но Букен уже не слышал ее.

Он мчался на север.

Ночью он останавливался, щипал полынку и, лежа на остывающей солоноватой земле, дремал. Ему снились быстрые сайгаки и их маленькие рыжие малыши.

Несколько дней Букен был в пути. Его уже мучила жажда, а воды все не было.

Однажды он встретился с муравьями.

Высоко поднимая ноги, чтобы не наступить на маленьких тружеников, Букен вежливо хрюкнул:

— Здравствуйте!

Муравьи перестали бегать с места на место и все, как по команде, подняли усики. Два муравья бросились в норку и осторожно вывели муравьиную царицу, благоговейно держа ее под лапки. Только она понимала язык всех зверей и птиц в пустыне.

— Что тебе надо, Букен? — спросила царственная старуха.

— Правда ли, что вода где-то неглубоко, если вы устроили здесь свои норки? Мне рассказывал об этом мой друг — воробей.

— Да, это правда, вода здесь неглубоко. Под землей целое море пресной воды. В наших подземных кладовых влажно, мы размачиваем там твердые зерна диких злаков.

— Тогда скажи, мне, где я могу найти воду?

— Нигде! Вода не показывается на поверхность на сотни километров кругом. Впрочем, мне докладывали муравьи-разведчики, что вон за теми барханами волки роют яму, чтобы напиться. Но будь осторожен!

Букен поблагодарил царицу муравьев и осторожно пошел к барханам, наострив уши.

— Куда ты, сумасшедший?— испуганно зачирикал саксаульный воробей.— Там волки за барханом!

— Спасибо, я знаю об этом, близко не подойду! Буду осторожно выглядывать из-за того бархана!

Между двумя барханами, на дне котлована, три волка по очереди рыли яму. Один волк наполовину скрылся в яме и задними лапами далеко откидывал землю.

— Не мешало бы копать побыстрее!— проворчала волчица, заглядывая вниз.

— Хорошо вам было рыть сверху рыхлую землю, а здесь земля, как камень,— огрызнулся из ямы волк-землекоп.

Через несколько минут он вылез наружу и повалился набок, свесив язык, перепачканный землей. В яму полезла волчица.

Несколько раз сменялись волки. Наконец на дне ямки показалась вода.

Букен думал, что волки сейчас напьются и уйдут, но не тут-то было. Они яростно заспорили, кому пить первому:

— Я начал копать, значит, мне первому пить!— рычал поджарый старый волк.

— Но ведь среди вас одна волчица. Дайте напиться мне первой.

— Ты копала меньше всех.

— Ах, так? Получай!

И перед ямой долго катался плотный серый клубок. Из него летела шерсть, мелькали лапы, хвосты, слышалось рычание и жалобное взвизгивание.

Долго дрались волки, наконец опомнились и все трое бросились в яму. Только три хвоста торчали наружу!

Пили долго, потом пошли, хромая и зализывая свежие раны.

Когда волки ушли, Букен огляделся, осторожно приблизился к яме, упал на колени и долго с наслаждением пил. С трудом Букен вылез наружу и вздрогнул — рядом кто-то стоял. Это был молодой джейран.

Он приветливо кивнул своей красивой головкой Букену и спросил:

— Вода вкусная, не правда ли?

— Я очень давно не пил,— признался Букен.— А почему ты один?

— Мою маму съели волки,— сказал джейран и заморгал.

— Как же ты уцелел?

— Я прижался к земле, закрыл глаза, а за мамой погнались волки. Она больше не вернулась...

— Тогда давай жить вместе!— предложил Букен.— А как ты бегаешь?

— Я бегаю хорошо,— с чувством собственного достоинства ответил джейран.— Мама говорила, что мы можем мчаться быстрее, чем летают вороны.

— А я могу бегать быстрее многих птиц!— в свою очередь сказал Букен.

— А как тебя зовут?— почтительно спросил джейран.

— Букен, а тебя?

— Каракуйрык. У нас в роду все каракуйрыки, но ты меня зови просто Кара.

Напившись еще раз, они двинулись в путь. Каракуйрык бежал быстро, но скоро устал. Он остановился, бес-

помощно посмотрел большими черными глазами на Букена, на его длинных ресницах заблестели слезы. Вдруг Букен увидел волка. Он выполз из-за бархана. Шерсть на его загривке стояла дыбом, глаза сверкали, а пасть была оскалена. Он думал, что его не заметили, и осторожно полз к Букену и Каракуйрыку.

— Впереди волк,— тихо сказал Букен.— Я притворюсь хромым, он побежит за мной, а ты спасайся, мчись, как стрела.

Волк рванулся за Букеном, не замечая ничего, кроме своей жертвы. Он бежал, бежал, казалось, погоне не будет конца.

Серый разбойник пустыни был хитер. Он решил применить старый способ загона.

Едва Букен взобрался на бархан, как перед ним встала волчица. Она поджидала его в засаде. Рванись Букен в сторону, его бы тотчас схватили.

Но Букен не изменил направления. Он сделал отчаянный прыжок вверх и перескочил через волчицу. Теперь он мчался в полную силу. Одураченные волки с каждым мгновением все больше отставали, отставали, наконец остановились, опустив тяжелые хвосты.

Букен был очень рад, что помог своему маленькому беспомощному другу.

Он долго ждал и когда, наконец, Каракуйрык показался на горизонте, радостно бросился ему навстречу.

Поиски продолжаются

Уже целый месяц искал Букен своих сородичей.

Сестра навряд ли узнала бы его теперь. Он окреп, над глазами у него появились белые брови, а под глазами яркие черные пятна. А главное, он научился мгновенно оценивать обстановку и принимать решения.

Много интересного он увидел за это время. Он поз-

накопился с лисой, но на всякий случай не разрешал ей подходить слишком близко.

— Здравствуйте,— каждый раз при встрече говорила ему лиса.— Как здоровье, Букен и Каракуйрык?

— Ничего, спасибо, а ты что делаешь?

— Я не люблю одиночества. Вот познакомьтесь. Это мой приятель хорек-перевязка. Мы вместе охотимся!

Хорек запрыгал к большому поселению пустынных зверьков-песчанок. Они сразу в ужасе бросились в норы. Длинное пестрое тело хорька исчезло под землей.

Лиса преобразилась. В несколько прыжков она оказалась у норок песчанок. Навострила уши, вздыбила хвост трубой, изящно подняла черную переднюю лапку и наклонила голову немного набок.

Под землей раздался писк. Лиса слегка присела на задних лапках и приготовилась.

Хорек-перевязка гонялся за песчанками по нескончаемым подземным ходам, пока один зверек не выскочил на поверхность.

Лиса моментально схватила песчанку.

— Ну, вот и обед на столе!— хвастливо залаяла лиса.— Видали, как легко охотиться вдвоем?

Но сайгак и джейран давно ушли. Им неприятно было наблюдать за охотой хищников.

Высоко в раскаленном небе над их головами кружился сип белоголовый, высматривая, нет ли где-нибудь погибшего от жажды животного.

— Он за нами наблюдает,— тихо сказал джейран.— Словно знает, что мы уже четыре дня не пили.

Ночью они отыскиали колодец. Букен сказал:

— Ты становись передними ногами сюда и нюхай воздух, втягивая влагу.

Колодец был глубокий, где-то внизу смутно сверкала звезда в спокойной влаге. Они стояли и дышали. Так всю ночь утоляли жажду влажным воздухом.

— Давай не отходить от этого колодца далеко,— предложил Каракуйрык.

— Нет, пойдем обратно на юг к реке Чу. Там мы наверняка встретим сайгаков. Они всегда возвращаются на зиму туда.

Друзья пошли. Беспощадное солнце выжгло вокруг все. Даже черепахи куда-то попрятались, а змеи не появлялись на буграх. Только вараны иногда пробегали с холма на холм на кривых ногах, шурша длинными неуклюжими хвостами.

Однажды утром Букен поднял голову и удивленно воскликнул:

— Смотри, голубь сидит на кусте тамариска, значит, где-то недалеко вода. Он в пустыне гнездится в колодцах!

— Я слышу звенит бубенчик. Тут где-то люди!

— Это тебе так кажется, Кара!

— Давай спросим голубя.

Но голубь вспорхнул и полетел.

— Бежим за ним, он не обманет! — воскликнул Букен. — Он не может улетать далеко от колодца!

Букен вытянул шею, наблюдая за птицей, и помчался. За ним бежал джейран.

Вдруг Букен споткнулся и упал, ткнувшись носом в песок.

— Что с тобой? — спросил встревоженный Каракуйрык, останавливаясь около друга.

— Что-то дернуло меня за переднюю ногу, — сказал Букен, тяжело поднимаясь.

Он пытался шагнуть — и не мог.

— Кара, смотри, какая-то змея обвила мою ногу!

— Какой ужас! Это аркан. Моя сестра погибла так же! — воскликнул Каракуйрык, — ты попал в петлю браконьера.

Сип белоголовый увидел, что Букен попался, и спустился пониже. Он сделал круг, высматривая, в каком

состоянии его будущая жертва. Потом сел на землю, сделал несколько скачков боком, глядя исподлобья, как палач.

— Теперь он будет дежурить, пока я не погибну. Беги, Кара! Не пропадать же нам вдвоем!

— Нет, я тебя не оставлю! — решительно заявил Каракуйрык.

Вдали раздался звон колокольчика. Показался черный козел с колокольчиком на шее. Он важно шел впереди отары. Сбоку бежала собака Каскыр, а сзади шел человек.

И тут Букен услышал знакомый голос:

— Здравствуй, Букен, где же ты пропадал?

Букен поднял голову и увидел знакомого воробья Тургая.

— Я тебя все время искал, — продолжал воробей. — Что с тобой, уж не заболел ли ты? Почему ты опустил голову?

— Я попал в петлю, — грустно признался Букен.

— В петлю? Чья же это петля? Мы только переехали на новое место. Еще даже не расставили каркас для юрт.

— Беги, беги, — повернув голову к джейрану, попросил Букен. — Может быть, мне удастся спастись. Жди меня за холмом, из-за которого восходит солнце.

К Букену шел мальчик. На груди его был маленький приемник, из которого лилась веселая музыка.

Мальчик издали увидел блестящую серьгу в ухе сайгака и радостно воскликнул:

— Букен! Как ты попал в петлю? погоди, не брыкайся, я сейчас тебя освобожу. Где ты был?

Омар поднял ногу Букена.

— Еще немножко потерпи. Вот так. Теперь ты свободен.

Омар отбросил петлю и провел ладонью по горбоносой морде:

— Если будешь жить с нами, тебя никто не тронет.

На зиму я смогу взять тебя с собой в аул. Там сайгаков еще не видели. Вот удивятся, увидев такое удивительное животное, да еще ручное!

Омар ласково погладил сайгака, и Букен пошел за ним.

Запахло дымом, к которому он так привык, послышались голоса людей, заблеяли овцы.

Букен, услышав приветливый лай собаки Каскыра, поднял голову, но увидел за бугром голову своего друга джейрана.

Джейран вопросительно смотрел большими глазами.

Букен в нерешительности остановился.

Несколько секунд он стоял неподвижно, словно не веря, что его уже не держит аркан. Потом вдруг рванулся и как ветер помчался в сторону бугра, из-за которого восходит солнце.

— Букен, Букен, куда же ты?! — закричал Омар. — Вернись сейчас же! Каскыр, верни его!

Но разве есть животное, которое могло бы догнать сайгака?

Пыль за барханами улеглась.

— Вольному — воля, — засмеялся аксакал и положил руку на плечо мальчика.

Встреча

Пустыня стала мрачной и сухой. Ветер гнал по ней большие шары перекасти-поля. А по ночам Букен слышал тревожные голоса журавлей.

— До свидания, до весны. До свидания, до весны, — печально кричали они.

— Чудаки, зачем улетать? Если им здесь хорошо, оставались бы зимовать, — помахал удивленно черным хвостом джейран.

— Нельзя, — ответил Букен. — Это только мы можем жить круглый год!

— Почему же нам можно, а им нельзя? — допытывался Кара.

— Мы, сайгаки, тоже, как перелетные птицы, на лето уходим на север, где хорошие травы, за многие сотни дневных переходов.

.. — Ты очень образованный, — с уважением сказал джейран.

Дорога была длинной.

На следующее утро Букен увидел ряды молоденьких сосенок, высаженных людьми в торфяных горшочках.

Сосенки стояли строгими рядами, как на параде.

Букен шел осторожно, чтобы не повредить молодые побеги.

— Может быть, попробуем, — предложил джейран, нюхая нежную хвою.

— Не надо, пусть растут. Хорошо, если здесь будет лес.

— Но как эти же сосны будут расти? Тут нет воды, а они не могут, как мы, бегать к дальним родникам.

— Видишь муравьиные норки? Значит, вода не далеко. Стоит соснам пустить поглубже корни, и они вдоволь напьются. А потом они переплетут свои корни, тогда уже никакая буря не вырвет их! Если одной сосенке будет плохо, ее поддержат другие, оградят от ветров, дадут пищу.

— Пойдем дальше и не будем топтать молодые деревца.

Вдали показался дымок и шум приближающегося поезда. Букен и джейран спрятались за барханом.

Летом по проложенной дороге мчался тепловоз. Он тащил длинный состав. Вагонов было так много, что Букену показалось, что они никогда не кончатся.

Когда состав прошел, Букен еще долго выжидал, прежде чем сделать первый шаг.

Далеко-далеко к лиловой дымке горизонта уходили две стальные полосы.

— Что же ты стоишь? — повернулся Букен к джейрану.

— Мне страшно, а вдруг там ловушка?

— Никакой ловушки нет. Внизу лежат твердые камешки. Не бойся, иди сюда.

Джейран осмелел, а когда поднялся на насыпь, весело застучал копытцами.

— Очень легко бегать по такой дороге. Тут нас ни один волк не догонит.

С насыпи было видно далеко. Пустынная капуста стояла на высоких сухих стеблях. Черный саксаул отдыхал от жары, его сухие безлистные ветви были устремлены к небу. Жизнь притихла в ожидании холодов.

— Здравствуйте, друзья, — слышался знакомый горланый голос.

Букен обернулся. Неподалеку от него важно расхаживала толстая дрофа. Ее седая борода вздрагивала при каждом движении.

— О, ты уже вернулась, — обрадовался Букен. — Не видела наших?

— Видела. Они движутся громадными стадами к реке Чу. На севере уже выпал снег, и нам, дрофам, там больше делать нечего.

— Ты очень поправились, уважаемая дрофа.

— Еще бы! Погода была отличная, пищи сколько хочешь, охотники нас не беспокоили.

— А позвольте вас спросить, — заинтересовался джейран, — чем вы питались?

— О, там пища самая разнообразная: кузнечики, черви, семена, душистая луговая трава. У меня появилось шесть малышей, они уже стали взрослыми и тоже улетели на юг. Желаю вам хорошо перезимовать, — сказала дрофа и, шумно махая крыльями, полетела дальше на юг.

Джейран и сайгак долго паслись около родника под деревьями пустынной туранги, слушая, о чем шелес-

тят ее жесткие листья, круглые на нижних ветвях и продолговатые на верхних.

Листья сердито спорили:

— Летим, летим, — говорили одни. — Хватит нам сидеть на ветках. Вспорхнем, может быть, ветер тоже понесет нас в южные страны.

— Нам очень страшно отрываться от родных веток, — отвечали другие.

Листья спорили, а ветер совсем не считался с их мнением. Он срывал их целыми горстями и швырял в разные стороны. Они взлетали, кружились, как цветные бумажки, а потом устилали землю, прижавшись к ней, слушали, о чем говорят корни.

Букен подошел к небольшому озерку. В него впадал родник. Сайгак опустил в холодную прозрачную воду свой горбатый нос. Вода зарыбила, стала расходиться кругами, и нос его вдруг расплылся, и отражение его сделалось смешным и круглым.

— Тут еще много сочной травы, она такая вкусная, — говорил джейран и глаза его сверкали от радости. — Мы всю зиму будем пастись вместе?

— Конечно, — ответил Букен. Он поднял голову и вдруг застыл. Ему показалось, что это мираж: огромные табуны сайгаков столпились перед насыпью железной дороги не в силах пересечь эту неизвестную для них преграду. Они стояли в недоумении и вот-вот могли повернуть обратно.

— Это наши, — воскликнул Букен. — Побежим им навстречу!

Он ринулся к насыпи со скоростью, которая сделала его чемпионом по бегу среди животных.

Тысячные табуны сайгаков продолжали в нерешительности стоять перед насыпью:

— Что это такое?

— Здесь ничего не было, когда мы весной уходили на север!

— Осторожнее, дети, не подходите близко! — волновались сайгачки-бабушки, — здесь пахнет человеком и железом!

— Назад! Назад! Куда вы напираете? — ревели басом старые рогатые сайгаки, бодая непослушных в бока.

А сзади подходили новые и новые полчища сайгаков.

И вдруг по шпалам звонко простучали копытца Букена. Прямо с насыпи великолепным прыжком он пролетел в гущу первых рядов стада!

— Родные мои! Наконец-то я с вами!

— Кто ты? — удивился старый сайгак.

— Я — Букен, а мою славную мать звали Апа.

— Как это ты осмелился перейти через такую непреодолимую преграду?

— Она проходима. Я рос среди людей, знаю, что не всего надо бояться! Смотрите, уважаемый.

Букен вскочил на шпалы насыпи, запрыгал по ним взад и вперед, радостно крикнув:

— За мной! Живо. За мной, братья сайгаки! — и прыгнул на другую сторону насыпи.

Неудержимой лавиной стадо сайгаков ринулось за ним.

А машинист тепловоза остановил поезд и терпеливо ждал, пока не прошел последний сайгак.

К Букену подбежала красивая сайгачка:

— Ты не узнаешь меня, Букен?

Букен поднял голову. В памяти воскресли запахи детства.

— Я твоя сестра!

Букен поглядел на красавицу удивленно.

— Сестра, милая, а я думал, что ты погибла. Мне пустынный воробей рассказывал, будто черная ворона выклевала тебе глаза!

— Такая беда случилась с моей подругой, а меня спасла чужая сайгачка, накормила молоком и привела

в табун вместе с двумя ее детьми. С тех пор мы и ко-
чуете вместе.

— А вот,— Букен повернулся в сторону джейрана,—
прошу познакомиться. Это мой лучший друг.

— Вместе всегда лучше,— ответила сестра, ласково
смотря на джейрана.

— Что вы думаете делать дальше?

— Мы стали братьями,— ответил джейран,— и хо-
тим жить всегда вместе.

— Нет,— сказал сестренка Букена,— ты — джейран,
а мы — сайгаки. У каждого должна быть своя семья.

— Да, да,— сказал Букен.— Ты не можешь, джей-
ран, из-за меня оставаться всю жизнь одиноким. Джей-
ранов осталось совсем немного в пустыне.

— Мы оба родились в пустыне,— сказал джейран.—
Мы привыкли друг другу. Мы вместе выдержали столь-
ко испытаний, преодолели столько препятствий.

— Будем жить по-соседству,— сказала сестренка.—
За тем холмом пасется стадо джейранов. Иди туда. Там
отыщешь среди сородичей чудесную джейранку с чер-
ными, как сливы, глазами, у вас появятся малыши, до-
верчивые и любопытные, а с нами вы всегда можете
видеться. Ведь мы живем бок о бок. У нас с вами один
дом — пустыня.

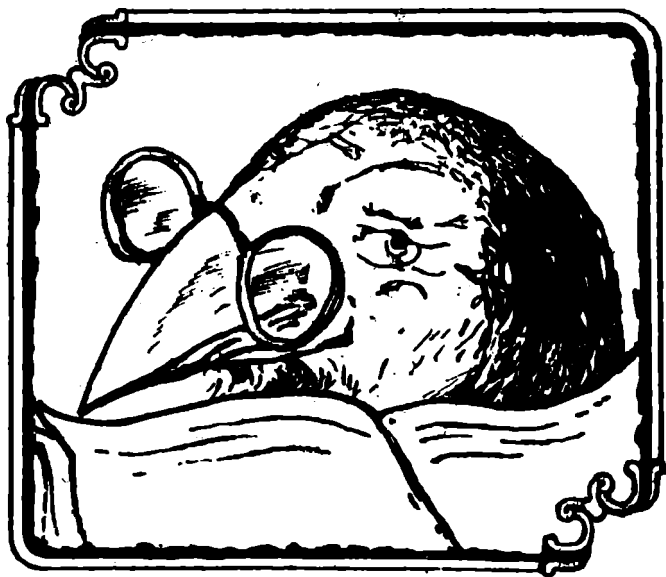
— Пожалуй, сестра права,— согласился Букен.— Но
помни, мы расстаемся не для того, чтобы забыть друг
друга!

— Прощайте, друзья мои!— воскликнул джейран и,
мелькая черным хвостиком, помчался к своему стаду.

— Ну, вот мы и вместе,— сказал Букен, поглядев на
сестру.

— Как плохо жить в одиночестве без своих.

— Вместе всегда лучше,— тихо ответила сестра и, с
грустью посмотрев на брата, добавила: — А с мамой
еще лучше!

СОВЕТЫ
МУДРОГО
ВОРОНА

КВАРТИРАНТЫ

В степи жили в норках зверьки-суслики. Серенькие, короткохвостые, с большими черными глазками. Питались только травкой, но все их обижали кому не лень: только из норки вылезут, начнут травку шипать, а лисица или собака тут как тут! Едва успеет голодный суслик к норке подбежать, а тут еще хищные птицы того и гляди сцапают.

Сидят суслики около своих норок и плачут. Летели мимо ласточки и щебечут:

— Что, суслики, плачете? Перестаньте пищать, этим горю не поможешь. Если вас обижают — бегите в горы, попросите совета у мудрого Ворона. Когда мы через горы летели, то видели, как он зверям и птицам советы давал.

Послушались суслики и отправились искать вешего Ворона. Долго ли, коротко ли они бежали, но ровная степь кончилась. Начались холмы. Они делались все выше. Встретили суслики зайца и спрашивают:

— Дяденька Заяц, где веший мудрый Ворон живет? Дальше за этими холмами, в горах. Спросите там, каждый покажет! — ответил Заяц и ускакал.

Северные склоны пригорков заросли кустарниками: бояркой, дикими яблонями, урюком. С трудом пробираются суслики, в степи-то далеко видно, а тут из-за каждого куста того и гляди кто-нибудь схватит. Все выше

горы. Густые еловые леса начались. Увидели суслики Кедровку и спрашивают:

— Тётенька Галка, где мудрый Ворон живет?

— Какая я вам Галка, неучи степные, я Кедровка, а не Галка. Мудрый Ворон выше живет.

Кончился лес. Выше начались альпийские зеленые луга в ярких цветах и каменистых россыпях. По камням бегают зверьки, похожие на сусликов, только куцые.

— Ребята, где мудрый Ворон живет?— спрашивают суслики.

— Вон в тех скалах, где вечный снег лежит!— ответили пищухи, свистнули и нырнули под камни.

В глубокой мрачной пещере жил столетний Ворон. У входа в пещеру дежурили быстрокрылые стрижи. Ворон посылал их со срочными поручениями. Над пещерой сидел кречет-шумкар. Он строго следил за порядком, чтобы звери и птицы со своими просьбами соблюдали очередь, а не лезли вперед, кто сильнее. Ему помогала сорока-стрекотунья. Она по-одному подводила посетителей к мудрому Ворону. А он сидел на камне перед входом, с очками на носу, усталый и сонный — кому угодно наскучит без выходных принимать по утрам и мирить зверей и птиц.

Сорока поместила сусликов в конец очереди за белками и кедровками, а те и в очереди ссорились, укоряя друг друга — кто съел больше орехов?

Только на следующее утро дошла очередь до сусликов и сорока подвела их к мудрому Ворону.

— Ну, что у вас?— спросил он и зевнул.

Суслики наперебой начали рассказывать о своей тяжелой жизни.

Выслушал мудрый Ворон и вещал:

— Вот что я вам посоветую: договоритесь жить вместе с птичками-чечанами. Пускай они в пустых ваших норках гнезда вьют, а то они жаловались мне, негде в

степи гнездышки прятать. Будут они у вас сторожами. Чеканы ведь все время летают, поют, мух и мотыльков ловят. А любую опасность в степи издали увидят. Идите и сделайте, как я сказал. Сорока, кто там следующий?

Послушались суслики. Вернулись обратно и договорились с чеканами вместе жить. Разрешили в норках гнездышки делать.

Чеканам далеко с воздуха видно, что делается в степи. Только собака, волк или другой хищник покажется — сразу чеканы подают сигнал тревоги:

— Чок-чок-чок! Страшно! Чок-чок-чок!

Суслики мигом по норам прячутся и слушают под землей. Как только чеканы перестанут чокать, а запоют — значит, из нор вылезать можно, опасность миновала. Спокойно стало жить сусликам под охраной чеканов.

И чеканам тоже удобно в норках гнезда делать: от грозы, дождя спрятаться, там сухо, тепло, да и от хищных птиц можно спастись.

Вспоминают суслики и чеканы мудрого Ворона добрым словом!

Любил столетний мудрый Ворон прилетать с гор в лес отдыхать. Сидит на вершине самой высокой ели и дремлет. Но и здесь ему покоя нет. Постучал по стволу лапкой Заяц. Рядом стояла нарядная зайчиха с большим листом чертополоха вместо шляпки. За лапки она держала зайчонка в черных трусиках и его сестренку с бантами на каждом ухе.

Ворон посмотрел вниз с вершины дерева и каркнул:

— Что тебе надо, Заяц?

Заяц прижал уши, вежливо поклонился и спросил:

— Скажите, пожалуйста, мудрейшая из всех птиц, какая сегодня будет погода? Я с семьей отправился в дальнюю прогулку.

— Бабочки-крапивницы одна за другой залетают в дупла. Зверьки пишуки начали прятать запасы сухой травы под камни. Значит, скоро будет дождь,— ответил Ворон и стал смотреть вдаль.

— Слышали, дети, что прокаркал дедушка Ворон? Идемте быстро домой — сегодня гулять нельзя!

— А я хочу гулять! — надул губы младший зайчонок.

— Не смей капризничать, сейчас же домой!— строго сказал Заяц.

Все семейство торопливо отправилось домой. Но упрямый зайчонок плелся сзади всех и вскоре отстал.

Большая черная туча закрыла солнце. В лесу потемнело. Стихли голоса птиц. Смолкло стрекотание кузнечиков. Скрылись бабочки. Вдруг грянул гром и сразу хлынул дождь. Но Заяц с зайчихой и дочуркой уже были дома под вывороченными корнями сосны, поваленной бурей. А зайчонок не успел, и его вымочило с головы до ног.

— В другой раз будешь слушаться и не отставать!— строго сказал Заяц. А сестренка выглянула из-за матери, показала лапкой на мокрого братца и хихикнула:

— Так тебе и надо, неслух!

Мокрый зайчонок молчал: он не мог говорить, так стучали у него зубы от холода. Мать пожалела упряма и позволила ему прижаться к ней, чтобы согреться.

Через несколько дней Заяц опять осторожно поколотил лапкой по стволу сосны. Там, на вершине, отдыхал мудрый Ворон после приема просителей.

— Скажите, мудрейший из мудрых, какое будет лето — засушливое или дождливое?— Заяц вежливо поклонился, прижал уши и даже потряс их кончиками.

Ворон оглянулся по сторонам с вершины сосны и прокаркал:

— Я вижу, на озере висит над водой на тростнике прошлогоднее растрепанное гнездышко птичек-камышевок. Рядом, гораздо выше его, камышевки вьют новое

гнездышко. Значит, лето будет дождливое, воды в озере будет больше, чем в прошлом году, остатки прошлого года гнездышка затопит.

— Какая жалость! — всплеснул лапками Заяц. — А я собрался с семьей в туристический поход этим летом. Но, может быть, камышевки ошиблись?

— Камышевки никогда не ошибаются, — ответил Ворон, — впрочем, вон, посмотрите около сосны птичка-лесной конек сделала гнездышко не в ямке на земле, а намостила бугорок из мха и трав и на нем свила гнездышко. Дождей будет много и в ямке гнездышко затопит водой.

После дождливого лета наступила осень. Смолкли голоса птиц в лесах и полях. Вода в озерах по ночам замерзала около берегов. Ветер срывал с деревьев последние листья.

Заяц в белой шапке, в белых валенках постучал лапкой по стволу.

Мудрый Ворон каркнул с вершины сосны:

— Знаю, что спросишь — скоро ли зима? Когда выпадет снег? Все сейчас об этом спрашивают.

— Да, да! Скажите, пожалуйста, — попросил Заяц. — А то я никак не уговорю зайчиху сменить серое платье на белую шубу.

— Мне видно, как стайка тетеревов прекратила кормиться и полетела в лес прятаться — значит, скоро начнется буря.

— Какой ужас! — воскликнул Заяц, — а мы еще не надели белые шубы. Скорей домой переодеваться!

Заяц припустил домой со всех ног.

СКОК И ПРЫГ

Лучи яркого солнца залили лесную поляну. Раскрылись цветы розовых кипреев и синих колокольчиков. Белые ромашки повернули желтые головки навстречу свету.

Старая Белка выглянула из дупла, пошевелила черным носиком и сказала:

— Как вкусно пахнет грибами.— И выбралась из дупла на сучок. Вслед за ней высочили два бельчонка — Скок и Прыг. Они были так похожи друг на друга, что даже мать не всегда различала их: одинаковые рыжие спинки, белые животики и загнутые вопросительными знаками хвостики, совсем еще реденькие. Скок был ужасный непоседа и торопыга, а Прыг удивлял маму своим спокойствием и памятью.

— Мама, ты куда?— спросил Скок.

— За грибами!

— И мы с тобой?

— Нет, играйте дома и сторожите грибы — вон я их вчера развесила сушиться.

Старая Белка спрыгнула с дерева и скрылась в лесу.

Прыг выбрал ветку подлиннее, забрался на ее конец и закачался, как на качелях.

Скок вскочил на самую верхушку сосны и оказался выше других сосен. Вершинки леса, как беспредельная зеленая лужайка, уходили вдаль.

— Прыг, скорей сюда! Посмотри, как интересно!— закричал Скок.

Из дупла соседнего дерева выглянула маленькая Совка-Сплюшка и сердито заворчала:

— Не мешай мне, Прыг! Я сплю... сплю... сплю...

— Я совсем не Прыг, а Скок.

— Мне все равно — Скок ты или Прыг, но я днем всегда сплю.

— Мама говорила, что днем спать нехорошо...

В это время внизу закричал Прыг:

— Скок, мама идет!

Бельчата вперегонки стали спускаться с ветки на ветку навстречу старой Белке. Как вкусно от нее пахло грибами!

— Мама, нам тоже хочется погулять по лесу! Разреши, а?— попросил Прыг.

— Ведь ты сама говорила, что мы уже большие. Можно?— игриво вильнул хвостиком Скок.

— Ну хорошо. Только запомните: бегите по лесу навстречу солнцу, это значит, от дома на юг. Обратного бегите на север так, чтобы солнце светило вам в спинки. Но такая лесная примета бывает только в полдень, поэтому отпускаю вас ненадолго. Поняли?

— Конечно, поняли! Мы быстро вернемся,— наперебой ответили обрадованные бельчата.

— Запомните еще, что мох на стволах сосен растет с северной стороны, а ветки у деревьев на полянах с южной стороны длиннее. Муравейники тоже на южной, солнечной стороне — около пней. Но лучшая примета солнечная, поэтому поскорее возвращайтесь, пока полдень.

Скок, как всегда, прыгнул с дерева первый и помчался по полянке, крикнув:

— Догоняй, Прыг!

Так они весело вперегонки носились по лесу.

Под березой Скок увидел гриб необыкновенно красивой с ярко-красной шляпкой, сочный и толстый.

— Скорей, Прыг! Посмотри, что я нашел!

— Ого, какой большой! Подарим его маме,— обрадовался Прыг.

— Мама еще такого не приносила для сушки. Вот обрадуется. Потащим шляпку.

Но шляпка гриба сразу же застряла в траве, и как бельчата ни пыхтели, но вытащить ее не могли.

— Что вы делаете, глупышки?— крикнул мудрый Ворон. Он давно уже наблюдал за ними.

— Шляпка гриба застряла, дяденька Ворон!— ответил Прыг и вежливо поклонился.

— А зачем вам она?

— Мы сделаем подарок маме,— с достоинством ответил Скок.

— Хо-хо-хо! — расхохотался Ворон. — Неужели вы не знаете, что это ядовитый мухомор? Бросьте его сейчас же! Слышите? И вообще заготовки грибов не дело таких малышей, как вы. Ну, что я сказал?!

Бельчата разочарованно смотрели на свою находку. Прыг вздохнул:

— Пойдем-ка лучше домой, Скок. Мы только огорчим маму, а хорошего гриба для подарка нам не найти.

— Ну вот еще! В лесу много разных грибов, поищем еще.

Бельчата долго прыгали, а лес становился все глуше и темнее.

— Где же солнце?— спохватился Прыг.— Ведь мы же должны возвращаться домой — на север, чтобы солнце светило сзади!

Бельчата только теперь заметили, что солнце скрылось в облаках.

— Ерунда! Мы и так найдем дорогу. Наше дупло — там! — И Скок показал лапкой.

— Как бы не так! — возразил Прыг. — И совсем не там, а вон где! — И он показал в другую сторону.

— Ничего подобного, наше дупло там!

— А я тебе говорю — вон где!

Их громкий спор разбудил в дупле Куницу. Она выскочила и бросилась на бельчат.

Скок как молния метнулся вверх по стволу, перепрыгнул на другое дерево. Но Куница не отставала и чуть было не схватила Скока за хвост.

— Прячься в мое дупло, оно уже пустое! — пискнула над головой Синица.

Бельчонок не растерялся и проворно юркнул в крохотное отверстие дупла. И тотчас хищная мордочка Куницы закрыла снаружи вход, который был так мал, что хищница не могла пролезть в дупло. Куница недовольно защипела, спрыгнула на землю и угодила прямо на большой муравейник рыжих злых муравьев. Они облепили разбойницу и стали кусать. Куница подскочила и вихрем умчалась в лес, отряхиваясь.

Скок выглянул из дупла и весело рассмеялся.

— Над кем ты смеешься? — раздался голос брата.

— Прыг, ты где?

— Я здесь, в пустом гнезде Сороки! — донеслось с соседнего дерева. — А ты где?

— В синичьем дупле. Иди сюда!

— А Куница?

— Она убежала.

— Иди ты ко мне — я боюсь.

Скок вылез из дупла и оглянулся. Ему хотелось поблагодарить Синицу, но она куда-то улетела. Тогда он перепрыгнул к брату. Они сели на сучок и стали умыывать мордочки лапками.

— Здорово испугался? — спросил Прыг.

— Ни капельки! Она меня не могла догнать. Ведь я Скок!

— А я за тебя очень боялся, — и Прыг решительно сказал: — Хочу домой.

— Пошли, — ответил Скок и побежал вправо.

— Не пойду я с тобой туда, — чуть не заплакал Прыг.

— Куда ты? Ведь надо налево! — запротестовал Прыг.

— Нет, направо!

— Ну и оставайся, если так. — И Скок уверенно запрыгал в правую сторону.

Как только Прыг остался один, ему сделалось страшно. Он пугался каждого шороха и бросился догонять брата. Но долго бежать не пришлось. Скок сидел за первым же кустом — ему одному тоже было страшно. Едва они очутились вместе, страх как рукой сняло.

Скок хвастливо заявил:

— Солнце скрылось, ну и пускай! Не помнишь ли, мама что-то говорила про мох?

— Помню. Она говорила, что мох растет на северной стороне стволов!

— Ну-ка посмотри, где у этой сосны мох растет? Прыг родился на несколько минут позднее брата и поэтому считал его за старшего. Он послушно осмотрел стволы нескольких сосен, и у всех мох рос с одной и той же стороны.

— Значит, идем к дому в ту сторону, куда указывает мох, — решил Скок.

Бельчата весело запрыгали по лесу, то и дело проверяя, с какой стороны на стволах растет мох.

Бор между тем поредел, стал светлее, мха на соснах не стало. И бельчата опять потеряли направление к дому. Они хотя и бежали вперед, но уже тихо, неуверенно. Оба понимали, что заблудились, но боялись сказать об этом друг другу. Наконец Прыг не выдержал:

— Мы заблудились, Скок. Что делать? — Бельчонок заплакал.

Скок растерянно посмотрел на брата и вместо ответа тоже заплакал.

Листья под бельчатами вдруг зашевелились, и из-под них высунулась заспанная мордочка Ежа. Он зевнул и с удивлением сказал:

— Я думал, дождик начался, а это вы плачете.

— Мы потеряли маму... — зарыдал Прыг. — Она велела возвращаться в ту сторону, куда указывает мох на стволах сосен. А здесь он совсем не растет...

— Мох на стволах растет только там, где густой бор и сыро, а здесь деревья редки и много солнца. Вот мха и нет на стволах, — объяснил Ежик и опять залез под листья досматривать сны.

— Что же нам делать, Скок? — спросил Прыг.

— А помнишь, мама что-то говорила про муравейники и ветки деревьев? Только я забыл что, — Скок смущенно почесал за ухом: он никогда не дослушивал до конца то, что ему говорила мама.

— Она сказала, что муравейники бывают с южной стороны пней, — вспомнил Прыг. — А нам нужно на север, в обратную сторону.

— Давай скорее искать муравьев, — заторопился Скок.

Они нашли несколько муравейников и побежали к дому.

— Подожди, Скок! — закричал Прыг. — Я еще вспомнил, что мама говорила, будто ветви у деревьев к югу длиннее, а к северу — короче.

— Правильно! Мы и бежим к северу, куда показывают короткие ветви у этой сосны, — ответил Скок и понесся еще быстрее.

За поляной — низина и густой мелкий лес. Бельчата забегали от одной приметы к другой и окончательно запутались. В густом лесу ветви деревьев были одинаковой длины, а муравейников не было.

Прыг присел на пенек и захныкал:

— Скок, что же делать? Не найти нам дом. Попадём в лапы Кунице... — и он горько заплакал.

Скок молчал, сердито сопел, но пока крепился.

Кто-то зашуршал листьями на дереве.

— Куница! Мы пропали... — в ужасе зашептал Прыг и прижался к брату.

Но это прилетел Ворон. Это он отчитал бельчат, когда те хотели сорвать мухомор.

— Что вы здесь делаете? — удивился Ворон.

— Мы заблудились, дедушка. Муравейники и ветви деревьев нам не помогают. Мы не знаем, где юг, где север, и противное солнце скрылось в тучах.

— Ах вы, маленькие глупышки! Только на открытых полянах у одиночных деревьев ветви с южной стороны длиннее. А в такой чаще они все одинаковы, — пояснил Ворон. — Посмотрите, вон на середине поляны сосна, к северу ветви у нее короче.

Энергичный Скок обегал кругом дерево на поляне и убедился, что Ворон прав.

— В лесу надо ко всему присматриваться, тогда сами много примет найдете. Давайте-ка я вас провожу до дому, здесь недалеко, — предложил Ворон.

Они радостно запрыгали по лесу за мудрым Вороном: он перепархивал с дерева на дерево, показывая, в какой стороне родное дупло бельчат. Показались знакомые места. Вдруг Прыг остановился и воскликнул:

— Как же мы вернемся ни с чем? Мы же хотели подарить маме грибы?

— Это дело поправимое, — ответил Ворон. — Вон на пенке целый букет опенок. Подарите их вашей маме!

Бельчата с охапками опенок запрыгали дальше.

— Вон на сосне ваше дупло, — показал Ворон, и добавил: — Расскажите маме о ваших приключениях. Изучайте лесные приметы и вы не заблудитесь в лесу! До, свидания, малыши!

Ворон замахал крыльями, поднялся над лесом, а бельчата махали ему лапками и кричали:

— Спасибо, дедушка Ворон! Большое спасибо!

— Бельчата, где вы так долго пропадали? Я уже беспокоиться начала.

— Мамочка, тебе принесли! — крикнул Скок.

— Я спрашиваю, почему вы так долго были в лесу?

Прыг и Скок, перебивая друг друга, все рассказали маме.

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

На лесную поляну выбежали зайчата. Они играли в догонялки. Среди зеленой травы и ярких цветов весело носились друг за другом. Вот один зайчик поймал другого и все бросились от пойманного врассыпную: теперь он ловит других.

На эту веселую игру смотрел одинокий Зайка. Он сидел на краю полянки под деревом. Зайчата ему кричали:

— Зайка! Иди с нами в догонялки бегать!

— Не хочу, — отвечал Зайка и предложил: — Давайте играть в прятки!

На этой же лесной полянке зайчата по очереди соревновались, кто дальше прыгнет. Один зайчик втыкал в землю прутики, куда допрыгивал очередной прыгун.

Одинокий Зайка по-прежнему сидел под деревом. Видно, что ему тоже хочется поиграть. Он даже тяжело вздохнул. Но когда ему кто-то из зайчат крикнул:

— Иди с нами прыгать, Зайка!

Упрямый Зайка ответил:

— Не хочу, давайте играть в догонялки.

Но зайчата даже не ответили ему — ведь они только что играли в догонялки и звали Зайку, но он не хотел.

Зайчата собрались за грибами с корзинками и лукошками. Один из них считал, тыча лапкой каждого, и удивленно спросил:

— А где же Зайка?

— Мы его не звали идти с нами за грибами. Он ведь у нас шиворот-навыворот — все наоборот делает. Если его позвать, он скажет — не пойду!

В это время из кустов появился Зайка и остановился на краю полянки. За спиной он спрятал корзинку. Тогда старший зайчонок, подмигнул остальным и сказал:

— Зайка, не ходи с нами за грибами, еще заблудишься.

— Нет, пойду и не заблужусь,— упрямо заявил Зайка.

Зайчата пошли в лес за грибами. Около пеньков и в траве грибов много. Их собирали в корзинки зайчики, бегая между деревьями. Но Зайка не нашел еще ни одного гриба. Его корзинка была пуста. Грибы ему сами кивают шляпками и пищат тонкими голосами:

— Здесь мы, Зайка!

При этом грибы высоко поднимали из-за пеньков и травы свои шляпки на вытянувшихся длинных ножках, и опять опускались.

Но Зайка только сердится:

— Сам знаю, где нужно искать, и без вашей помощи! — При этом он нарочно сворачивает в другую сторону, а там ничего найти не может.

Идет по лесу Зайка с пустой корзинкой, сердитый-пресердитый: листики с ветвей срывает, цветы ломает — все ему не нравится. В это время издалека крик:

— Не отставай, Зайка! Ау!

Но Зайка нарочно сразу медленными шагами пошел и отзываться не стал. Вскоре он отстал так, что уже не мог догнать зайчат. Ему хотелось крикнуть, но из-за упрямства он этого не делал. Постоит, послушает, поводит ушами в разные стороны, но в лесу тихо. Не слышно голосов зайчиков. Ветер раскачивает вершины деревьев и шумит ими. Серые облака несутся по ветру, скрывая солнце. Сумрачно делается в лесу.

Ветви деревьев над Зайкой наклоняются и шепчут:

— Вон туда беги, туда, туда!

И ветви качаются и показывают Зайке дорогу — все в одну сторону.

Но Зайка привык делать все наоборот и теперь вытер лапками слезы, встал, насупился и сердито ответил:

— Сам знаю, куда идти...— и пошел в другую сторону.

Громко зашумели деревья:

— Не туда, Зайка, не туда, остановись! — и сучьями его хватают, остановить хотят, в мордочку тычат, под ноги лезут.

Но Зайка упрямо скачет по лесу не в ту сторону, куда ему ветви показывают. Вдруг споткнулся и упал, да прямо лбом об пень как стукнется, даже искры у него из глаз посыпались. В один миг сухая трава около пенька загорелась:

— Гаси, гаси огонь, затапывай его, — зашумели ветви деревьев.

— Спаси нас, Зайка! — запищали тонкими голосками цветы, а колокольчики серебряным звоном начали бить тревогу.

— Нарочно не погашу! — сердито ответил Зайка и убежал.

В это время недалеко дятел долбил дерево. Он услышал серебряный звон колокольчиков. Он сразу понял, что это пожар, и застучал из всех сил на весь лес.

Спал медведь под деревом, развалившись, но вдруг тревожный стук дятла и звон колокольчиков услышал. Вскочил медведь и бросился со всех ног на шум.

Спала лиса на пеньке калачиком. Но и она услышала тревожный стук дятла, вскочила и туда со всех ног!

Со всего леса мчались разные звери тушить пожар. Косматый медведь первый прибежал к пожару. Бросился в лесное озеро, а потом встряхнулся над огнем и тот сразу зашипел, задымился и меньше сделался — целое ведро воды на огонь медведь из шкуры вытряхнул. За медведем россомаха тоже самое проделала, лисицы, белки — все у кого шерсть большая и пушистая. Так и погасили пожар звери, не дали они погибнуть лесу.

Зайка корзинку где-то бросил. Испуганно озирается и вздрагивает от каждого шороха. Сел на полянке, сжался в комочек и сидит ни жив ни мертв от страха.

Вдруг видит Зайка, что прямо над ним на сучке сосны сидит мудрый Ворон — хозяин леса.

— Здравствуй, Зайка! — крикнул Ворон.

Но Зайка стоит и молчит. Насупился, смотрит исподлбья, коготок во рту держит и молчит:

— Что же ты не отвечаешь на приветствие? — удивился Ворон и вдруг узнал: — А да это ты! — Шиворот-навыворот! Ну ладно скажу, чтобы тебя отвели домой. — С этими словами Ворон захлопал крыльями, как в ладоши.

Тотчас из норки под корнями дерева выскочил полосатый лесной зверек-бурундук и сказал:

— Держись, Зайка, за мой хвост. Я тебя домой отведу. Ну, бежим!

— Нет, не буду держаться за хвост, — ответил Зайка, я и так не отстану!

Прыгает бурундук по лесу, а за ним Зайка скачет, но отстает все дальше и дальше. Наконец отстал так далеко, что опять один в лесу остался. Сел Зайка на задние лапки, озирается кругом, ушами поводит, но нигде не видно полосатого зверька-бурундука. Оглянувшись, а над ним на суку опять Ворон сидит, укоризненно головой качает. Ударил опять Ворон крыльями, как в ладоши. Вдруг откуда ни возьмись прилетел пестрый дятел, застучал по дереву клювом и сказал:

— Зайка! Беги за моим стуком, а если отставать начнешь, то крикни! — сказал это дятел и полетел.

— Нет... не буду кричать. Я и так не отстану, — буркнул Зайка. Застучал дятел где-то недалеко. Зайка на стук бросился.

Бежит по лесу Зайка, а стук все дальше и дальше. Наконец совсем не стало слышно стука. Отстал Зайка. Озирается испуганно. Ему бы закричать, а он упрямо молчит.

Глядь, а Ворон опять над ним сидит на суку и сердито каркает:

— Ну теперь я тебя проучу! — и крыльями захлопал. Сразу на краю поляны показался волк. Остановился, на Ворона смотрит, хвостом виляет.

— Поймать его! — крикнул Ворон и крылом на Зайку показал.

Бросился волк на Зайку, а он в кусты. Волк за ним!

Мчится Зайка по лесу, только кусты и деревья мелькают. Сзади волк гонится, морду опустил и следы зайчика нюхает. Куда Зайка бежит, туда и волк: кругом озерка, под ствол упавшего дерева, через пень — всюду!

В это время зайчики обратно возвращались и полные корзинки грибов несли. Вдруг все разом остановились и начали к чему-то прислушиваться: повернули длинные уши в одну сторону — в лесу шум и топот раздался. Внезапно к ним из кустов выскочил измученный Зайка и повалился на землю около их ног: лапками за сердце держится, рот открыл, глаза закатывает, дышит часто-часто. Едва силы нашел, чтобы сказать шепотом:

— За мной... волк гонится...

— Все в кусты, живо! — крикнул самый старший зайчонок. — Я волка за собой повожу по лесу, а потом ты меня сменишь! — и он показал лапкой на одного из зайчат.

Подхватили зайчики Зайку за уши, за лапы и уволокли в кусты. Но один зайчик на полянке остался сидеть на самом заметном месте.

Выскочил из леса волк, следы на земле нюхает, а язык на бок свесил. Увидел волк зайчика, сразу на него бросился, зубами защелкал.

Но зайчик так быстро по лесу помчался, что волк сразу отстал.

Долго зайчики волка по лесу водили, сменяя один другого. Наконец волк так измучился, что прекратил погоню и в лужу пить бросился. Но волк так разогрелся, что вода в луже закипела, заklubилась паром и сразу высохла.

Опять знакомая поляна в лесу. Зайчики играют в мячик, бросая друг другу шишку. Зайка с ними.

— Зайчики, давайте играть в догонялки, — предлагает один из них. — Будешь, Зайка, с нами играть?

— Буду! — отвечает Зайка, и все начали гоняться друг за другом.

— Зайчики! Давайте лучше в прятки играть, — предложил другой зайчик. — Зайка, будешь с нами прятаться?

— Буду! — отвечает Зайка.

— Пойдемте за грибами, зайчата?

— Согласны.

— Зайка, пойдешь с нами?

— Пойду!

— Зайчики, — воскликнул один из зайчат, — не будем больше Зайку «шиворот-навыворот» звать — ведь он исправился!

— Правильно, не будем! — хором ответили другие.

ХОРОШИЕ ДЕЛА НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

Мудрый Ворон весной всех встречал, всем помогал выбирать места для гнезд, то и дело повторял:

— Живите дружно, помогайте друг другу. Если кто-то первый заметит хищника, поднимайте по тревоге весь лес. Только в дружбе ваша сила и счастье!

— Пушинка к пушинке — выйдет перинка, — отвечали малые птицы. — Спасибо, мудрый, что ты напомнил нам простую истину!

На заре примчались в лес ремезы-синички. Что делать весной? Строиться! Посидели, потолковали. Черноглазка-ремезиха говорит:

— Я выбрала место над озером еще с осени, где

ветки тальника висят над водой, будем домик делать точь-в-точь как у мамы с папой: легкий, удобный, незаметный.

— Хорошо!— говорит ремез-Черноклювик и потирает лапкой носик.— Я совершенно согласен. Тебе видней, в каком домике жить.

— Умница ты у меня,— похвалила ремезиха.— Хорошо, что ты не возражаешь. Самое главное — достать вовремя строительный материал. Его сейчас большая нехватка.

— Еще бы,— сказала другая ремезиха-Кареглазка.— Вон грачи какие здоровенные дома строят. Даже береза качается. А у сорок просто дворцы с крышами.

— Не будем завидовать сорокам,— возразил ремез-Кареклювик.— Сороки сами по себе, мы сами по себе. Полетим-ка, соседushка Черноклювик, принесем, что нам для домика нужно, а наши хозяйюшки пусть проверят, много ли мух да букашек в лесу.

Ремезы улетели. Ремезихи сели рядом на веточке ивы, поглядывая на свое отражение в зеркальном озере и обсуждали всех птиц соседей.

Характер у Черноглазки был очень насмешливый. Чуть прищурившись, она смотрела своими круглыми блестящими глазами на другой берег озера, где разгуливал угод и говорила:

— Разоделся, как павлин, и все кланяется. К чему бы это? И зачем ему летом такая нарядная шляпа с перьями?

— Ах эти самцы! Они готовы на себя надеть что угодно, лишь бы казаться красивыми. Вон смотри: селезень плывет. Расфуфырился. Погоди, они еще будут под самочек одеваться, у них хватит на это выдумки. Говорят, в соседнем лесу уже носят наши перья и прически,— вторила соседке Кареглазка.

— И ничуть не удивляюсь. Только лебеди одеваются скромно и достойно, он и она — оба белые.

— И гуси тоже,— добавила другая ремезиха,— оба серые!

Так, перебирая по косточкам всех своих соседей, болтали они без умолку полдня, а в это время их старательные мужья работали, не складывая крыльев.

Пока ремезихи судачили, ремезы торопливо махали крылышками, мелькая между деревьями.

— Полетим к оврагу, там я приметил, есть пух от семян ивы и тополя.

— Это то, что нам нужно, сосед. Скорей туда!

Ремезы сели на ветви ивы и торопливо стали набивать в клювики то ивовый пух, то узкие длинные ленточки листьев злаков. С пучками пуха и ленточек они вернулись к своим гнездам на тонких веточках тальника над лесным озером и начали строительство.

— Без труда — нет плода,— сказал дятел, наблюдая за работой ремезов.— Хороший у вас материал. Прочный и красивый.

Ремезы ничего не могли ответить — ведь клювы были заняты. Они начали быстро кружиться вокруг веточки, перехватываясь лапками, крепко наматывая волокна.

— Ох, молодцы, вот молодцы,— хвалил дятел.— Как это ловко у вас получается?

Волокна плотно наматывались на веточку, концы их ремезы старательно закрепляли, точно стамеской, нажимали клювами.

— У меня уже кончился материал,— закричал сосед.

— И у меня тоже.

— Полетим снова к болоту. Я там приглядел отличное место, строительного материала на десять гнезд хватит!

Ремезы старались. Они хотели сделать свои гнезда уютными, теплыми, мягкими, чтобы их хозяйшкам не на что было ворчать.

— Сегодня мы закончим основание,— сказал Кареклювик,— а завтра будем таскать пух от семян ивы.

Надо все проконопатить, чтобы дырочки не было, малыши сквозняк не любят.

Ремезы работали от зари до зари. Постройки приняли форму плоских, неглубоких корзиночек, более толстых и широких у основания, чем вверху. Не хуже опытных портных ремезы сшивали свои гнездышки. Они вплетали в стенки все новые и новые ленточки. Каждую надо было несколько раз продернуть взад-вперед в стенки гнезда, а кончик умело закрепить чуть ли не... морским узлом.

Молодые хозяйки осмотрели, что сделано, и похвалили мужей.

— За неделю, пожалуй, мы справимся,— сказал ремез-Черноклювик, убирая лапкой пух ивы со лба.

— Мы вам поможем,— обещали хозяйки,— но пора отдыхать.

— Ладно, помогите нам в легкой работе,— согласился ремез-Кареклювик.— Достаньте овечьей шерсти, чтобы вам же было помягче сидеть на яичках, а входное отверстие тоже сами сплетите, как трубочку-сени.

В лесу быстро наступили сумерки. Смолкли голоса птиц. Только пел соловей в черемуховом кусте, да печально кричала совка-сплюшка свое «сплю-сплю». Лес засыпал. Ремезы на веточках барбариса, обняв крылышками ласковых хозяек, задремали.

— Вставай, сосед. Смотри какое утро!

Ремез протер глаза и выглянул из-под листочка. Под ним он прикрывался от росы вместе со своей ремезихой. Майское небо на востоке пылало, точно было усеяно цветущими тюльпанами.

— Ай-яй-яй, как я сладко спал. Такие видел сны, будто я с ястребом сражался.

— Лучше бы такой сон не видеть.

— Почему?

— Потому, что сны иногда сбываются.

— Но во сне-то я победил ястреба!

— К сожалению, победить ястреба можно только во сне. У ястреба каждый коготь больше, чем мы сами. Нет, уж лучше никогда не встречаться с ястребом-перепелятником!

— До свиданья, хозяйюшки, мы полетели за строительным материалом,— воскликнули ремезы и весело замахали крылышками.

Ах, как было хорошо в овраге. Словно кто-то нарочно приготовил им столько тополиного пуха, что можно было построить целый городок.

Быстро набили клювики пухом. Вдруг черная тень стремительно пересекла овраг — это был ястреб-перепелятник!

— Внимание — опасность. Все по убежищам! — тревожно простучал по стволу сосны дятел.

Ремез-Черноклювик от ужаса раскрыл клювик, уронил пух и, сложив крылышки, упал в куст шиповника под деревом!

Кареклювик был так занят делом, что не услышал сигнала опасности. Вдруг когти хищника внезапно сжали его...

— Ой, спасите! — пискнул ремез, но было уже поздно... Ястреб-перепелятник унес его к своему гнезду.

Домой, к недостроенному домику, Черноклювик вернулся без доброго соседа...

Одинокая Кареглазка-ремезиха теперь сама летела за строительным материалом, без всякой помощи стала вить гнездышко. Но сколько она ни носила пуха от семян тополя и овечью шерсть, строительство шло медленно.

— У тебя воруют строительный материал,— однажды предупредила белочка,— ты уже на два гнезда его принесла, а работа все на месте.

— Нет, просто я ослабла от горя и ношу в клювике меньше, чем положено.— И она снова полетела вместе с соседом ремезом-Черноклювиком к оврагу. Огляделась, нет ли ястреба-перепелятника, а потом сказала:— Сосе-

душка, возвращайся один, я немного передохну и буду следом.

— Хорошо,— сказал ремез.— Ты устала, должна подумать и о себе. Скоро ты сядешь на яички и почти безвылетно проведешь в гнезде двенадцать дней. Береги себя, ты нужна своим птенцам.

С этими словами он захватил пух от семян ивы и полетел обратно. Кареглазка съела двух мошек, выбрала путь между кустов, полетела за соседом-ремезом. Около места, где она начала строить гнездышко, раздавался птичий крик.

— Уж не ястреб ли напал на соседей?— испуганно подумала Кареглазка.

Бедная вдова затаилась около ствола яблони и осторожно высунула голову. Прямо напротив нее сидели соседи, Черноглазка-ремезиха и ее хозяин. Он гневно размахивал крылышками, то и дело открывал клювик и крики его возмущения звенели по всему лесу.

— Как тебе не стыдно? У несчастной вдовы воровать из гнезда строительный материал!?

— Ну и что ж? У нее все равно ничего не получится. Кто ее будет кормить? Разве она сможет вырастить пятарых малышей? Даже дом она одна не построит!

— Стыд, позор. Я никогда не думал, что ты такая красивая и такая — ах... даже слов нет, какая ты! У бедной маленькой птички таскать то, что она добыла с таким трудом. Я не знаю, в каком лесу ты росла. Кто были твои мама и папа?

— Обыкновенные ремезы. Только я у них была одна и они выполняли все мои желания.

— Эгоизм,— простучал с сосны дятел.

— Себялюбие,— сказал черный дрозд.

— Мещанство,— крикнул лесной конек.

— Подлость,— заметил ежик, фыркнул и убежал, так ему было стыдно, что на ветке ивы из ворованных материалов вьет себе гнездо эгоистка.

— Так вот, хочешь ты или не хочешь,— закончил ремез,— а я никогда не брошу в беде соседку, несчастную вдову, подругу моего товарища. Я буду делить с ней все поровну.

— Ну и дела,— фыркнула Черноглазка и повернулась к нему хвостиком.

Этот разговор услышал мудрый Ворон. Он очень его взволновал. Ворон бросил все свои дела, прилетел к озеру и прокаркал:

— Ничего тебе, Черноглазка-ремезиха, поворачиваться к мужу хвостом. Правда светлее солнца. А он говорит правду. Крепко запомни лучше: в ком честь, в том и правда. Правда по свету летает. Правда всегда перетянет и нельзя от нее отворачиваться.

Ремезиха хотела что-то возразить, она, конечно, не против правды, но зачем ее муж об этом говорил на весь лес?

— Не ищи в других правды, коль в самой ее нет,— сказал мудрый Ворон и улетел в свои горы на самые вершины.

Ремез полетел к вдове, погладил ее крылышком:

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Все будет хорошо. Вы пока вот эту стенку делайте, а я вам еще пуха принесу.

Он стал помогать вдове и поровну приносить строительный материал: то одной ремезихе, то другой. Дятел на весь лес простучал:

— Теперь дела везде сплрится!

Вскоре были готовы стены, возведена крыша, закончены отделочные работы. Новоселье справляли в двух гнездах сразу. Конечно, Черноглазка дулась, но боялась показывать недовольство и высказывать его вслух, а то над ней начинали смеяться поползни и трясогузки, лесные коньки и щеглы. Они все хотели жить дружно, помогать друг другу в беде, вместе радоваться, вместе справлять свои лесные праздники.

Солнце стояло высоко-высоко и лес был наполнен

теплым светом. Одинокая Кареглазка-ремезиха старательно заканчивала внутреннюю отделку своего гнездышка. Кто-то осторожно постучал клювиком в стенку.

— Заходите, заходите, зачем стучать — дверь открыта, — сказала ремезиха, всовывая клювиком пучок баньей шерсти в щелку и утапывая его лапками.

Вошла Черноглазка-соседка. Вид у нее был печальный. Крылышки и клюв опущен. Смотрела она виновато, долго не могла произнести ни звука, переминаясь на одном месте у входа.

— Что с тобой, соседка? — спросила хозяйка. — Садись, пожалуйста, будь как дома.

— Мне очень стыдно, — призналась ремезиха. — Прости меня, пожалуйста.

— Что я должна прощать?

— Я у тебя таскала пух — это очень нехорошо.

— Подумаешь, один комочек.

— Не один, а одиннадцать, — поправила ремезиха. — Это же очень позорно, у одинокой вдовы отнимать последнее.

— Не будем больше говорить об этом.

— Меня тогда отругал муж, а я надулась и повернулась к нему хвостиком, а потом всю ночь не спала: ведь ястреб перепелятник мог второй лапой ухватить и моего Черноклювика. Тогда мы обе были бы вдовы.

— Как хорошо, что остался живой твой Черноклювик, — ответила хозяйка гнезда Кареглазка.

— Все же ты прости меня и знай, что я глубоко осознала свой нехороший поступок. Больше я никогда ни у кого без спросу не возьму ни одного перышка, а если возьму, то непременно отдам.

— Давай об этом больше не говорить. Лучше вспомни, какими мы были хорошими подругами, тогда, давно, когда еще не имели семьи.

— Да, это было очень хорошее время, — сказала ре-

мезиха и принялась рассказывать последние лесные новости.

В лесу был строгий распорядок дня. Все птицы женского пола высиживали новое поколение, все самцы добывали пищу, охраняли гнезда, кратко, очень кратко обменивались друг с другом новостями, иногда пели песни собственного сочинения. Только черный дрозд распевал песни из репертуара Синей птицы, да скворец — звукоподражатель — иногда так подражал крику ястреба, конечно, в шутку, что у малых птиц мгновенно душа уходила в пятки.

Незаметно промчалось двенадцать дней. Ремез очень похудел. Всю свою добычу он делил поровну и обе самочки были вполне сыты. И вот июньским утром десять птенцов близнецов появились в двух гнездышках. Первое слово, которое они пропищали было не «дай», хотя это слово, как известно, очень любят многие не только в детском возрасте. Первое слово птенцов ремезихи-Карглазки, было «спасибо». И совершенно правильно, нельзя было тут сказать другого слова, ведь добрый старательный сосед — ремез-Черноклювик всем птицам в лесу показал пример, как надо заботиться о семьях друзей. Птенцы двух соседних семей сдружились, вместе пели детские песни, вместе перелетали с ветки на ветку и вместе осенью собрались улететь на юг, чтобы вернуться в родной лес следующей весной.

Осенью их провожал мудрый Ворон и советовал:

— Берегитесь бед, пока их нет... Конечно, на всякую беду страху не напасешься, но вспомните, что ваша сила в дружбе да умении. Ваше счастье на крыльях летает и надо смотреть зорко вперед и назад, чтобы ястреб перепелятник счастье не сцапал.

— Спасибо за советы, мудрый Ворон! — отвечали молодые ремезы. — Мы будем всегда учиться. Мы знаем, что к большому терпению придет умение и будем всегда

стараться... Мы понимаем, что какво волокно, таково и гнездо, и будем строить его прочно и умело.

— А главное — помните, что без труда нет плода, а без дружбы нет радости,— сказал мудрый Ворон и полетел провожать на юг других птиц.

Ремезы улетели, а добрая слава о них осталась. До сих пор все помнят благородного ремеза-Черноклювика. Хорошие дела никогда не забываются.

ПТИЧКИ-НЕВЕЛИЧКИ

Осенний рассвет наступал словно нехотя. Черные тени ночи оставались только под кустами, но с каждой минутой отступали все глубже и глубже в чашу. От лучей еще невидимого солнца порозовели дальние вершины гор.

Крошечная Пеночка, всегда с полворобья, вылетела из куста смородины и осмотрелась.

Вокруг пламенели плоды шиповника и барбариса. Среди еще зеленых диких яблонь пестрели оранжевые деревья абрикосов, березы отливали золотом.

— Встава-ай, Пен! Как хорошо кругом!— пискнула Пеночка и занялась утренним расчесыванием серых перышек.

Пен выпорхнул из-под нижних веток боярышника. Сел рядом с Пеночкой, повернул головку вправо и влево:

— Я не вижу ни одной мухи, чем мы сегодня будем завтракать?

— Попробуй семена шиповника, они, говорят, очень вкусные!

— Нет, нет,— меня интересуют только мухи.

— Напрасно,— капризно взмахнула хвостиком Пеночка.— Мне хочется найти такое, что я еще не пробовала!

Оставив Пена, она полетела в гущу леса и встретила там знакомую клестиху. Она озабоченно перепархивала по елке с места на место, что-то рассматривая на сучке около ствола. Пеночка вспорхнула на соседнюю ветку:

— С добрым утром! Что ты ищешь?

— Подыскиваю место для гнезда,— объяснила клестиха.

— Ты с ума сошла?— пискнула Пеночка.— Кто поздней осенью думает о гнезде? Уж не думаешь ли ты зимой снести яйца?

— Вот именно, мы с клестом решили выводить птенцов зимой, когда в лесу тихо и нам никто не мешает.

— Видала я сумасбродных птиц, но такой никогда,— удивилась Пеночка. Но клестиха ничуть не обиделась, а спокойно объяснила:

— Когда ты сидела на яйцах, я не поучала тебя, а ведь если разобраться, разве это умно? Все вокруг цветет, поет, а ты забралась в свое гнездо и сидишь, носа не высунешь. Я же весной наслаждаюсь теплом, летаю по горам и лесам, а детей вывожу зимой.

— Это верно,— вздохнула Пеночка,— обидно сидеть в гнезде весной, но что поделаешь? Мы же кормим малышей мошками.

— А я семенами елок и сосен. Они очень вкусные, но поспевают только зимой.

— Так вот в чем дело? Извини, если я тебя обидела?— сказала Пеночка.

— Ты снег видела?— спросила Клестиха.

— Нет, никогда!

— А лед?

— Что такое — лед?

— Слышишь, как звенит по камешкам ручей. Скоро он остановится, по нему можно будет бегать, даже не замочив лапок — вот что такое лед.

— Неужели?— удивилась Пеночка.

— Да, да! Зимой елки в лесу накроются белыми

снеговыми шапками. На солнце снег сверкает ярче, чем озеро летом, а по ночам при луне серебрится голубыми искорками.

— Я даже представить не могу, как это может быть,— вздохнула Пеночка и тревожно спросила:— Но, говорят, зимой холодно?

— Пересчитай мои перышки, а потом свои, и ты убедишься, что у нас одинаковые шубки. Если я не мерзну, почему должна мерзнуть ты?— сказала Клестиха.

— А ведь и в самом деле, почему я должна мерзнуть?

— Останься с нами на зиму в лесу и ты увидишь много удивительного,— предложила Клестиха.

— Да, да, я непременно останусь и уговорю Пена.

Осень в этом году была особенно нарядная и долгая. Березки неторопливо роняли свой золотой наряд, листья спокойно и величаво кружились над лесной поляной и падали на колючую сухую траву или на сонную гладь сине-зеленого лесного озера. Оранжевые, бурые, красные, желтые — они походили на перья жар-птицы.

Пеночка-подружка перелетала с ветки на ветку и ей было немного грустно: все подружки-пеночки улетают, а она останется. Рядом сел Пен. Она тронула его своим маленьким клювиком и нежно пискнула:

— Давай, Пен, останемся. Починим гнездышко. Вот клесты зимой даже птенцов выводят, чем мы хуже их?

Пен поднял свою черную лапку, озабоченно почесал затылок:

— Наше гнездышко давно смыло дождем!

— Ну и что же!— возразила Пеночка.— Сейчас сотни гнезд пустуют. Выберем любое, никто нас за это не осудит.

— А чем мы будем питаться? Ты подумала об этом? Синицы говорили, что зимой летают только белые мухи, которые называются снежинками, но их не едят.

— Смотри, сколько на рябине плодов!

— Это для снегирей и свиристелей,— объяснил Пен.
— Тогда погляди на елку. Вся она увешана шишками. Клестиха говорит, нет вкуснее пищи, чем семена елок и сосен.

— Семена елок тоже не для нас,— сказал Пен.

— Но я должна тут остаться, я обещала Клестихе,— твердо сказала Пеночка и так глянула на Пена, что у него невольно задрожал хвостик.

— Послушай,— вдруг сказал Пен, хлопнув себя крылышками по бокам.— Идет зима. Ты знаешь, что это такое? Щеглы говорили мне, что зима шутить не любит: загудят метели, кружится снег. Всю землю закроет. Даже эти кусты, и нас! Что такое маленькая птичка для зимы, да еще такая капризная, как ты?

— Ты пугаешь меня?— гордо спросила Пеночка и повернулась к нему спинкой.

— Если не веришь мне, спроси снегиря,— вздохнул Пен.

— Снегирь, Снегирь!— закричала Пеночка.

Никто не отзывался. Только желтые последние листья один за другим слетали с деревьев.

Но вот послышался легкий шумок крыльев и на ветку рябины опустился снегирь. Он был очень наряден— красная манишка, черные берет и черные сапожки.

— Я к вашим услугам,— вежливо свистнул Снегирь.

— Прошу тебя, Снегирь, уговори Пеночку не оставаться здесь на зиму. Расскажи ей, что такое зима!

— О, зима— это прекрасно!— воскликнул Снегирь.— Представьте себе, сяду я на ветку, а меня все снегиряхи видят за сто шагов.

— Вот видишь, как хороша зима,— сказала Пеночка.

Между тем снегирь, усевшись поудобнее, стал так живописно разрисовывать все прелести зимы, что теперь Пеночка ни о чем другом и слышать не хотела.

На поляну прилетели две чечетки. Клестиха сказала

им, что Пеночка остается на зиму. Чететки покачали головками:

— Ты пропадешь, милочка, с голоду и от холода. Право-слово пропадешь!

Пеночка свысока поглядела на чететок:

— Что вы за птицы, что так рассуждаете! Вы-то не пропадете?

Чететки засмеялись:

— Чем будешь питаться? Букашек и червячков зимой не будет. А ты когда-нибудь семена берез пробовала?— серьезно спросила чететка.

— Нет, ни разу!

— А вот попробуй,— и чететка показала березовые сережки. Пеночка, недолго думая, уселась на сережку и начала клевать. Чететки с ветки березы наблюдали за ней да посмеивались.

— Фу, какое твердое и невкусное семечко! Нет, это не для меня!

Чететки переглянулись и улетели, а снегирь все продолжал уговаривать Пеночку остаться, расписывая ей на все лады красоты зимы. Наконец запел от радости, что скоро будет зима.

— Смотри, летит паучок,— показал Пен.

Он летел, держась за паутинку. Так молодые паучки переселяются осенью на новые места в солнечные дни «бабьего лета».

— Это летят седые волосы осени,— сказала Пеночка.— Съешь такого паучка и сам поседеешь, а я хочу всегда быть молодой.

— Сейчас, поздней осенью, ничего вкусного ты уже не найдешь,— сказал Пен, съел паука и добавил:— Давай лучше полетим на юг, как все порядочные птицы.

— Нет, ни за что, а ты лети. Я остаюсь здесь!— твердо сказала Пеночка.

— Нет, я тебя не брошу,— вздохнул Пен и нежно взглянул на подругу.

С каждым днем делалось все холоднее. Листья на деревьях облетали. Травы высохли. Ночи стали длиннее.

Однажды утром Пеночка качалась на ветке и взглянула вниз:

— Какие там кочки белеют, уж не снег ли? Смотри, Пен, они прыгают!

На черной земле с места на место перескакивали белые комочки.

— Да, да, это снег,— согласился Пен.— Но откуда взялся, ведь небо такое голубое.

— Ха-ха-ха,— засмеялась Клестиха, услышав этот разговор.— Это не снег, а зайцы. Они поторопились надеть зимние шубки. Зима-то где-то заболталась с дедом Морозом, зайцам-белякам приходится прятаться в чаще: в белой шубке лиса и волк издалека заметят. Да и ястреб не проморгает.

Осенний ветерок пролетел по лесу. Листья так и посыпались с деревьев.

— Почему деревья так легко дают себя раздеть?— спросила Пеночка.

— Как ты любишь почемукать!— ответил Пен и задумался. Когда он не знал, как ответить на вопрос, он всегда любил отмалчиваться.

— Пен, послушай, березка сама просит ветер раздеть ее!— воскликнул Пеночка.

И в самом деле, березка чуть слышно шептала:

— Ветер, раздень меня, пожалуйста, скорее прошу тебя. Скоро выпадет снег и поломают мои ветки, если на них будут листья! Дунь еще, ну, пожалуйста, дунь!

Ветер старался изо всех сил и уж насыпал целый ворох золотистых листьев около белоснежного ствола березы. Они прикрыли землю над корнями теплым цветным одеялом.

Утром пеночки первым делом приводили в порядок свои костюмы. Они ловко перебирали перышки клювиками, как гребешками. Солнце только что поднялось

над вершинами сосен, но в лесу было необычайно тихо. Совсем не то, что весной или летом, когда кругом перекликалось и пело множество знакомых птиц.

Рыжая белка Цок-Цок спустилась с дерева, прыгнула на середину поляны и занялась грибом. Она старалась отгрызть шляпку у гриба, чтобы высушить, наколов на сухой сучок сосны.

Вдруг крупная серая птица вылетела из-за вершин деревьев. Пеночки не обратили никакого внимания на незнакомку и продолжали спокойно заниматься своими костюмами. Они еще не знали, что это был беспощадный крылатый хищник — ястреб-тетеревятник. Он сразу заметил белку, занятую хозяйственными делами. Ястреб сложил крылья и камнем спикировал на полянку. Когтистые лапы в один миг сорвали с земли белку и хищник улетел с добычей в лес.

Только теперь пеночки поняли, какой страшный враг был только что перед ними. Они в ужасе прижались к ветке и замерли без движения.

— Как вам не стыдно, пеночки?! — возмутилась только что прилетевшая синица-лазоревка. — Вы же видите, что летит ястреб и не предупредили тревожным писком-сигналом опасности белочку!

— Летом мы никогда не видели такой птицы и не знали, что это кровожадный разбойник, — робко ответила Пеночка. — Мы с Пенком до сих пор не можем прийти в себя от ужаса...

Слетелись другие птицы и наперебой стали упрекать пеночек:

— Хорошо, что вы такие маленькие, как мыши, вас ястреб даже и не заметил. А если бы я, Дрозд, сидел на поляне? Он сцапал бы меня из-за вас! По законам леса вы обязаны были издать сигнал опасности, а не молчать, словно воды в клюв набрали.

— Долг всех птиц в лесу заботиться не только о себе, а вы...

— Что с ними разговаривать? Гнать их из леса, раз они не хотят жить в коллективе, где все сигналият друг другу об опасности,— громче всех пищал, поползень и ухватил за крыло Пена своим клювом, острым, как шило.

— Что вы к ним пристали? — возмутился дятел. — Ведь ястреб прилетел к нам с севера зимовать. Пеночки видели его впервые в жизни: летом ястребов-тетеревятников у нас нет. Пеночки не знали, что это пернатый волк. Вот и все. Перестаньте к ним придирааться!

Долго еще перекликались птицы, напуганные ястребом.

День проходил за днем, листья на деревьях облетели, а теплая солнечная погода все еще стояла в лесу. Но все перелетные птицы давно улетели на юг.

Первыми решили, что зимы не будет в этом году, одуванчики и лютики на берегу лесного озера. Они распустили свои желтые цветочки и поворачивали их с утра до вечера вслед за солнцем, все время смотря на него. Глядя на них, зацвели ветки дикой яблони и зашумели босыми ветвями:

— Зимы нынче не будет, зацветайте, соседки!

— Пен, вместо зимы наступает весна! — уверенно сказала Пеночка.

— Возможно... — уклончиво ответил Пен.

Боярка и шиповник поверили яблоне и поспешили выкинуть цветы. Ведь яблонька-то уже расцвела! И они снова стали тянуть из земли соки и потом выхвалялись друг перед другом, кто красивее и кто наряднее.

Даже старый тетерев в бору обманулся осенним теплом. Приподнял красные брови, распустил веером хвост, да как забормочет на лесной полянке.

— Вот видишь, вот видишь! — кричала Пеночка. — Я права, а ты, Пен, просто очень ненаблюдательный. — Она гордо махнула хвостиком, опять поймала муху и тут же ее проглотила.

— Подожди, подожди, спросим барсука,— не унимался Пен. Он услышал шуршание среди листьев и спустился на самую нижнюю ветку. По лесу, переваливаясь на своих коротких ногах, неторопливо шел старый барсук. Он нюхал землю и о чем-то про себя ворчал.

— Мудрейший из всех лесных зверей, правда ли, что весна начинается?— спросил Пен.

— Нет, весной и не пахнет,— вздохнул барсук и остановился около муравьиной кучи.— Совсем другие запахи в лесу, не весенние. Сыростью несет, грибами, опавшими листьями.

— Ты, ошибаешься, дедушка барсук!— возмутилась Пеночка.

— Нет, не ошибаюсь. Как только солнце садится, с каждой минутой становится все холоднее. Вы как хотите, а я пошел в свою нору. До свидания, пеночки. Не забудьте разбудить меня, когда настоящая весна придет.— С этими словами барсук закосолапил к норе.

Через несколько дней подул холодный ветер, деревья закрипели. Пен озабоченно взглянул на свою подругу. Она была все так же весела и казалась беззаботной.

— Вы все еще не улетели?— пискнула птичка Королек, такая же невеличка, как и они.

— Как видишь,— мрачно ответил Пен.

— Сегодня мы проводили лебедей,— сказал Королек.— Они улетели последними вместе с пеночками— самые крупные из птиц и самые маленькие.— Только вы две остались.

— А ты почему остался?

— Я не перелетная птица, как вы, а зимующая!— Королек повернулся клювом к стволу, извлек из трещины в коре жирную личинку жука, наступил на нее лапкой и в три приема проглотил.

— Делайте как я, и вы всегда будете сыты. У вас такой же клювик-шильце, как у меня,— сказал Королек.— Мы ведь дальние родственники: есть на свете ко-

рольковые пеночки!— Он вспорхнул на самую вершину елки и весело запел.

— Королек такой же маленький, как и мы, а смотри, будет зимовать,— сказала Пеночка.— Давай попробуем!

Под чешуйкой коры Пеночка вскоре заметила личинку, но она оказалась слишком крупной. Вытащить ее из-под чешуйки Пеночка была не в силах.

— Пен, помогай! Тяни меня за хвост, тяни! — закричала Пеночка и вцепилась клювом в личинку.

— Раз, два — взяли, еще раз — взяли,— командовал сосны дятел. Но у маленьких птичек не хватало сил. Дятел спустился пониже и так долбанул по стволу своим могучим клювом, что чешуйки коры градом полетели в разные стороны. Не одна, а много личинок упало на землю.

— Спасибо, лесной доктор! — поблагодарила Пеночка.— Как хорошо иметь такого сильного друга!

— Не стоит благодарить!

Пен попробовал усесться, как дятел. Но это получилось совсем не так: он все время скользил вниз по стволу. Чечетки рассмеялись, а дятел строго заметил:

— Опирайся на хвост, а потом уже стучи!

Хвост у Пена был слишком мягкий и все время подгибался.

— У меня не получается как у дятла,— вздохнул Пен и повернулся к Пеночке:— Полетим на юг, пока не поздно. В лесу стало так скучно. Все наши знакомые улетели...

— Ах, Пен, ты опять за свое? Я ведь сказала, что буду зимовать здесь. Последний раз говорю тебе: немедленно улетай, а я остаюсь, понял?

— Подумай хорошенько, что ты говоришь: я не могу улететь без тебя,— начал сердиться Пен.— Еще несколько дней и будет поздно!

— Пеночка, неужели твоё крылышко все еще болит и ты не можешь улететь на юг? — посочувствовал дятел.

Пеночка испуганно взглянула на Пена, нахохлилась, поникла и ничего не ответила дятлу — он выдал ее тайну!

Пен бросился к своей подруге:

— Ты скрывала от меня, что у тебя болит крылышко?!

— Я не хотела тебя огорчать...

— Никогда не прощу себе, что называл тебя капризной при всех птицах! Милая моя, дорогая крошка, конечно, мы останемся вместе, будь что будет!

— Нет, оставь меня и улетай, — оживилась Пеночка. — Пусть я одна погибну, если не переживу зиму.

Пен бросился к дятлу.

— Дяденька доктор, что делать? У Пеночки болит крылышко и она не может летать! — воскликнул Пен.

— Я это давно знаю. Она обращалась ко мне, но я ведь лечу деревья, а не птиц.

— Но что же делать? Ведь мы погибнем зимой от голода!

— Как вам помочь? Пожалуй, этого не сможет ни одна птица в лесу. Впрочем, вот что: на огромном дубе живет столетний вещий Ворон. Он дает мудрые советы всем, кто попал в беду. Обратитесь к нему! Дорогу к нему знают все птицы в лесу. Они покажут!

Вершина дуба-великана поднималась выше всех деревьев. На самой макушке дремал громадный ворон. Отсюда ему был виден весь лес.

С ветки на ветку Пен поднялся на вершину дуба и взволнованно запищал:

— Дедушка Ворон, как нам быть с Пеночкой? У нее болит крылышко и она не может улететь на юг!

— Не пищи так громко, я не глухой. Об этом несчастье с Пеночкой я давно знаю и ждал, что ты прилетишь ко мне за советом.

— О, мудрейший из всех птиц, умоляю тебя, скажи что делать? Я принесу тебе самого вкусного паучка!

— Хо-хо-хо,— захохотал на весь лес Ворон.— Вот рассмешил, чудака! Я брезгую пауками! Полетай в черемуховые заросли около речки. Найди там соловья. Он поможет!

— Но соловьи все давно улетели на юг...

— Делай, как я сказал, не мешай мне думать!

Пеночки вдвоем полетели в черемуховые заросли на берегу лесной речки. К своему удивлению, они в самом деле увидели своего летнего знакомого соловья. Он рылся в упавших листьях на земле, разыскивая букашек.

— Соловушка, здравствуй, почему ты не улетел на юг до сих пор?— удивилась Пеночка.

— У меня так и не поправилось крылышко, я могу только перепархивать.

— Где же ты питаешься?

— В птичьей столовой.

— Ты шутишь?— удивился Пен.

— Полетимте — покажу!

Соловей направился в большой сад на склоне горы. Следом за ним порхали коротенькими крылышками Пеночка и Пен. В саду они увидели навесик из досок под деревом. Там старательно работали клювиками синицы, крапивник, зарянка, щеглы похрустывали конопляными семенами, а снегири семечками подсолнуха.

— Вот видите, здесь все находят для себя корм,— пояснил соловей.

— Кто же открыл такую щедрую столовую?

— Те, кто любит птиц! Я пою им песни весной, а зимой меня кормят мучными червями и муравьиными яйцами. Только не здесь, а вон около открытой форточки дома. Воробьи и синицы туда боятся садиться, а то бы они весь корм для нас съели! В прошлом году здесь кормились всю зиму две садовые заболевшие славки. А теперь вы будете эту зиму питаться со мной!

У пеночек как гора свалилась с плеч!

Вскоре с неба полетели белые мухи. Пеночки забрались под крышу над кормушкой и наблюдали. Стемнело, а снег все шел и шел. Деревья стояли не шелохнувшись, точно радуясь, что наконец-то они оденутся в зимний наряд.

Утром все было покрыто снегом. Пеночки даже растерялись, так все изменилось кругом. Они позавтракали на кормовом столике и полетели в лес.

Небольшая речка весело журчала в снежных берегах. Над ней низко склонились ветви елей под тяжестью шапок. Теплые ключи не давали речке замерзнуть всю зиму. Под нависшими сугробами зеленела трава. Прозрачная теплая вода кишела насекомыми, улитками, червячками и мелкой рыбешкой. Над водой летали мухи, по берегам бродили длинноногие комарики. Здесь пеночки хорошо пообедали.

Над водой быстро пролетела носатая птичка, сверкая бюрюзовым оперением.

— Зимородок! — воскликнул Пен.— Вон он сел на склоненной ветке.

Зимородок камнем упал в воду — легкий всплеск и он улетел с рыбкой в клюве.

— Видишь, не одним нам пришлось зимовать дома, — сказала Пеночка и ласково посмотрела на Пена, счастливая, что он ее не бросил в трудную минуту. — Теперь нам не страшна зима: летим ужинать на кормовой столик!

СЕРЕБРИСТАЯ БАРЫС

Весна медленно поднималась в горы Северного Тянь-Шаня. На южных склонах уже не было снега. На них раскрылись белые звездочки крокусов. Начали лопаться почки на осинах. Замелькали первые бабочки.

Самка снежного барса — Барыс лежала в густых зарослях арчи на горе Кумбель. Еще выше были скалы и кромка вечных льдов. Возле Барыс возились два маленьких барсенка. Причмокивая, они сосали теплое молоко. Барсята походили друг на друга, как две капли воды.

— Пушистую крошку я назову Кешкене, — решила Барыс, — а ее братец пусть будет назван Когтистым — Тырнакты, а короче — Тырнак.

В это время по вершинам гор крошечные расписные синички разнесли новость:

— У Барыс два наследника!

— Желаем им быть такими же дружными, как мы, — кричали кеклики.

— Пускай понимают множество языков! — щебстали скворцы, пролетая над горами с южных курортов.

В арчевник прилетели красноносые альпийские галки, желтоносые клящицы, снизу из ельников поднялся дятел, и много других птиц. Каждая на своем языке желала маленьким барсятам всего самого лучшего, о чем мечтала бы для себя.

— Почему такой шум? — спросил Сурок, протирая глаза. Он вылез из норы на альпийском лугу и озирался по сторонам.

— Как, ты не знаешь? — удивилась расписная синичка в нарядном фиолетовом платье. — У Барыс два малыша: Тырнак и Кешкене!

— О, это важная новость! — испуганно воскликнул

Сурок.— Надо скорее предупредить всех родственников. Барыс начнет учить барсят охотиться и, конечно, в первую очередь за нами. Выставим часовых для безопасности. Когда живешь с такими соседями — зевать нельзя!

Весь день продолжались поздравления. Последний прилетел Лысый Гриф и проклекотал:

— Пусть один из барсят попадет в капкан, а другой упадет в пропасть, тогда я вкусно пообедаю!

— Уходи, противный пожиратель трупов! — закричали птицы. Но Барыс даже не подняла головы, показывая свое полное презрение к Лысому Грифу.

В долинах зацвел урюк, потом дикие яблони, боярка. Деревья расправляли свои веточки, распускали листочки, нежились на ярком солнце после холодной зимы. Вечерами долго и звонко перекликались черные дрозды с яркими желтыми клювами. Они продолжали петь колыбельные песни маленькими барсятам, даже когда стемнело. По северным лесным склонам гор загугукали сычи, встречая весеннюю ночь.

Барыс чувствовала, как около нее ворочаются малыши. Она ласково промурлыкала:

— Спать, спать, дети!

— Расскажи мне сказку, — сонным голосом попросил Тырнак.

— И мне тоже! — прошептала Кешкене, но глаза у нее так и закрывались.

Барыс начала мурлыкать им сказки. Она слышала их от своей мамы. Малыши уснули, уткнув носики в ее мягкую серебристую шерсть.

Утром Барыс накормила барсят молоком и строго сказала:

— Без меня не шалите. Пожалуйста, не воображайте, что вы самые храбрые. Из арчевых зарослей ни шагу, поняли?

— Даже на полянке нельзя побегать?
— Ни в коем случае! Прилетит Лысый Гриф и съест вас.

— Ты куда, мама, а нам с тобой нельзя?
— Всею свое время,— твердо сказала Барыс и бесшумно покинула заросли арчи.

Барсята остались одни.

— Когда я вырасту большим, буду самым храбрым,— размечтался Тырناق.

— Это мы еще увидим, хвастунишка. Храбрые не говорят, что они храбрые!— ответила Кешкене и начала играть со своим хвостом.

Заросли арчи зелеными потоками вклинивались по ущельям в ельники, а на вершинах гор уживались с вечными снегами. На каменистых россыпях пересвистывались горные индейки—улары. Они поздравляли друг друга с добрым утром. Внезапно закричали альпийские галки:

— Барыс идет на охоту!

Она поднималась на перевал, чуть виляя кончиком хвоста при каждом шаге. Барыс легла среди камней и сразу сделалась незаметной, настолько цвет ее серебристой, пятнистой шкуры сливался с окраской скал, камней и пятен снега. Горные козлы пойдут непременно там, где притаилась Барыс.

Медленно поднималось солнце, а козлов все не было. Облака, как туман, то окутывали вершины горы, то уплывали. Тогда вершины сверкали вечными снегами. Вдруг раздался стук покотившегося камешка. По тропе шла коза с козленком. Еще несколько шагов и она рядом с камнем, где притаилась Барыс. Прыжок— и охота окончена.

— Молодец Барыс!— крикнул из-под облаков Лысый Гриф.— Надеюсь, что сегодня ты меня хорошо угостишь?

Барыс ничего не ответила и молча потащила добычу своим барсятам. Лысый Гриф кружился над ней и кричал:

— Обедай здесь на поляне. Хватит баловать детей!

Барыс остановилась передохнуть и сердито крикнула:

— Не вмешивайся в чужие дела. Я знаю, ты учишь своих птенцов питаться объедками с чужого стола, а это очень нехорошо.

Лысый Гриф сел на уступ скалы с обиженным видом. Он смотрел вслед Барыс злыми глазами, но Барыс исчезла в зарослях арчи с козленком в зубах. Все звери и птицы на вершинах гор хорошо знали, что у Лысого Грифа на уме только одно — пообедать за чужой счет. Уже четыре года ему не давало покоя желание съесть серебристую Барыс. Он пытался прикинуться другом, чтобы потом принести ей несчастье, но у него это не получилось, настолько он был злым и отвратительным.

Барсята, как и все дети, были пугливы. В вечерние сумерки таинственный крик сыча заставил их спрятаться под мать. Им казалось, что так гугукать мог только кто-то очень страшный.

Барыс заметила это. Нарочно она поведла барсят в ельник прямо туда, где кричал сыч. У барсят дрожали усы от страха, но они послушно плелись за матерью. Крик сыча раздался над самыми головами. Барсята прижались к земле, затряслись от ужаса, хотели поджать хвосты, но они были слишком длинными и не слушались.

— Мне стыдно за вас, — сказала Барыс. — Хорошо, что все спят и не видят, какие вы трусишки.

Барыс рывкнула. Сыч испугался и улетел неслышно, как большая бабочка.

— Ну что, убедились, ведь он на вас не бросился?—

притворно сердито сказала Барыс.— А теперь марш домой в арчевник!

Но у Тырнака все еще тряслись усы, а Кешкене не могла заставить зубы перестать стучать. Все неизвестное казалось им страшным.

Утром семейство барсов отправилось на учебу. Вдруг на скалу прямо перед ними сел Лысый Гриф. Тырнак изогнулся дугой, вздыбил шерсть не только на спине, но и на хвосте, чтобы казаться больше. А у Кешкене отнялся язык от страха и она спряталась за мать.

— Если ты приблизишься ближе — останешься без хвоста! — грозно прорычала Барыс.

— Все равно съем твоих барсят, если хоть на миг останутся одни, — крикнул Лысый Гриф и улетел, задыхаясь от злости на самого себя, что проговорился о своих черных замыслах.

— Идемте, дети, я научу вас, как охотиться на сурков, — сказала Барыс, когда убедилась, что Лысый Гриф скрылся в облаках. — Надо отлично знать правила охоты за сурками.

— А какие это правила?

— Вы сейчас все увидите, смотрите и запоминайте!

— Барыс идет охотиться, — кричали альпийские галки. — Сегодня она будет охотиться за сурками.

Услыхав тревожную новость, главный сурок три раза свистнул и приказал занять круговую оборону. Были предупреждены все сурки. То один, то другой сурок на несколько минут превращался в сторожевой столбик, внимательно обозревал местность. Но Барыс все не появлялась. Главному сурку надоело это дежурство. Он решил попастись. Другие увидели, что главный сурок завтракает, и последовали его примеру. Трава свежая, покрыта росой, как было не полакомиться?

Вдруг горный склон ожил от лающих криков. Сразу три сурка заметили барсов, бросились к норам, замерли

около входов. У главного сурка даже крик в горле застрял. Он никак не мог проглотить травинку, вместе с ней нырнул в подземелье, а там спрятался глубже всех. Сурки-наблюдатели кричали:

— Идет Барыс, прячьтесь, идет Барыс с барсятами.

Услышав эти крики, Барыс сдала вид, что они ее не касаются, будто она не интересуется сурками, а идет мимо. На самом деле все было не так. Барыс шла не спеша, чуть прищурив глаза, и смотрела себе под ноги... Тырناق наступал след в след, и тоже смотрел под ноги. Также шла и Кешкене.

— Ложитесь,— внезапно скомандовала Барыс и неподвижно растянулась на земле.

— Что такое, куда пропали барсы?— арчевая расписная синица удивилась их исчезновению. Она видела только уступы скал, каменистые россыпи, но куда же девалась Барыс с детьми? На помощь ей прилетела альпийская галка:

— Вон где они— между кустами арчи, на совершенно открытом месте.

— Нет, не вижу,— призналась синица.

— Смотри лучше!

— Да, да, кажется, они,— поблагодарила расписная синица.— А зачем они так вытянулись и стали такими плоскими?

— Барыс — большая умница, просто так ничего не делает.

Тырناق сгорал от нетерпения. Ему очень хотелось поднять голову и посмотреть, что же происходит вокруг. Кешкене прижалась к земле и слышала, как там, в норах, совещаются и спорят сурки: ушла Барыс или не ушла?..

— Ушла,— сказал главный сурок.— Она шла, шла и ушла. Вот я сейчас посмотрю.

— Нет, лучше не смотри, вдруг она тут!

— Около своей норки я хозяин и ничего не боюсь.

Сурок высунулся из норы, огляделся. Ничего подозрительного. Уже два соседних сурка вылезли и пощипывали травку.

— Давай, давай скорей, а то эти двое всю траву съедят!— кричали сурки.

Из ближней к Барыс норы высунулась молодая сурчиха и повела усиками:

— Главный сурок и другие едят траву, а я поверила слухам и спряталась.

Встав на задние лапки, она осмотрелась, провела передней лапкой по рыжим усикам и побежала пасться.

Барыс видела, что сурчиха бежала прямо на нее. Оставалось только ударить лапой... Но если так охотиться, то чему можно научить малышей?

Нет, она не ударила сурчиху лапой, а прыгнула к ее норе. Сурчиха тоже бросилась туда. Вот тут-то и попала!

Тырняк внимательно наблюдал за этим ловким приемом. Он тоже прыгнул к другой норе, но опоздал: сурок нырнул в отвесный вход и скрылся.

— На первый раз хорошо, — заметила Барыс. — Прделаем все это еще. Они теперь не скоро вылезут, мы их напугали. Однако надо иметь терпение. Сурки любопытны и в другой раз повторят эти ошибки.

— Неужели они такие глупые, что не могут научиться?

— Да, не могут... и все из-за своего любопытства.

Прошло несколько дней после того, как барсята учились охотиться на еурков. Однажды утром Барыс сказала:

— Пошли, дети!

И все двинулись за мамой. Шли долго.

Сзади, приседая на толстых лапах, шагал Тырняк. Ему очень хотелось спать, он клевал носиком на ходу.

— Лапки устали, — захныкала Кешкене.

Барыс остановилась и сказала:

— Мы еще не дошли, а вы уже устали. Может быть, отложим охоту.

— Не надо откладывать,— попросил Тырнак.— Мы идти устали, а охотиться мы никогда не устанем!

— Тогда ложитесь и ни звука — будто вас нет, а сами наблюдайте. Барыс снова стала показывать малышам приемы охоты на сурков.

Барсята еле передвигали ноги, но шли домой в арчевник гордо, радуясь, что охотились вместе с мамой.

Вечером малыши уткнулись в материнскую шубу своими круглыми, усатыми мордочками.

— Хорошо, когда рядышком мама,— сказала Кешкене, устраиваясь поудобнее.

— Конечно,— подтвердил Тырнак.— С мамой везде не страшно.

— Сегодня я покажу вам, как охотиться на кекликов. Они облюбовали тропинку около ручья, там мы и заляжем,— сказала утром Барыс.

— Сурки лучше, чем кеклики. У них перьев нет!— сказала Кешкене.

— Сурки и кеклики — не пища барсов! Вы должны быть могучими охотниками, а это только начало, первые уроки.

Учение шло непрерывно. Мать рассказывала, с кем надо дружить, что они могут есть, как к кому должны относиться. Она делала большие прыжки, залегала, следом за ней тоже прыжками, только маленькими, передвигались барсята.

— Не так, давайте все сначала. Барс должен оттолкнуться сразу четырьмя лапами! Он обязан прыгать из любого положения. Если враг подходит сзади, вы должны в воздухе круто развернуться и тут же напасть. Часто жизнь зависит от мгновения. Неуклюжий барс — это насмешка природы, а над барсом никто не должен смеяться! Кто первый?

Тырняк с сестрой, будто в них была вставлена неведомая пружина, без усталости повторяли прыжки.

— А теперь покажите, как вы научились маскироваться. Предположим, ты, Кешкене, заметила горную индейку у того камня? Как будешь охотиться?

Кешкене неуклюже поскакала к камню; ее длинный хвост почти волочился по земле.

— Вот я и поймала горную индейку, — радостно объявила Кешкене.

— Нет, не поймала! Она заметила тебя и улетела, — сказала мама.

— Я покажу! — вызвался Тырняк.

Он прижался к земле и по-пластунски пополз к камню, перебирая лапами, ворочая белыми усами.

— Не так, — поправила мать.

— Я все делал по правилам!

— А вот и не все. Сперва сделай несколько спокойных шагов, но в сторону. Пусть горная индейка думает, что ты ее не видишь. А потом мягко упали там, где пятнистые тени падают на землю, тебя не заметит даже Лысый Гриф. Потом жди. Все зависит от твоего терпения. Любопытная индейка подойдет, посмотрит, куда ты девался. Тут и лови ее.

— Хорошо, — сказал Тырняк и повторил все снова.

Легкие облака медленно двигались над вершинами. В старых тяньшанских елях сновали белки. Лето было в полном разгаре. Солнце разогрело снег, реки стали бурными и холодными.

Барыс повела барсят по тропе мимо черных отвесных скал. На повороте остановилась. Скала была в рисунках, выбитых чем-то острым. Многие тысячи лет тому назад это сделали жившие здесь люди.

— Сюда приводила меня мать, а ее — бабушка, и так все поколения серебристых барсов приводят сюда своих

детей,— сказала Барыс.— Смотрите, на скале рисунок человека, а кто стоит рядом?

— Барс! — уверенно ответил Тырняк.

— Ты прав, сынок! В далекие времена мы дружили с человеком и помогали ему охотиться. Быть может, когда-нибудь эти времена вернуться.

— А почему мы не дружим теперь с человеком?

— Потому что невозможно отличить доброго человека от злого.

— Я хочу дружить с добрым человеком,— сказал Тырняк.

— Ты глупый и не разберешься, где добрый, где злой. Злые часто притворяются добрыми. Заклинаю вас, живите подальше от людей. Вон на тех вершинах, куда людям не забраться.

— Нет, нет, я обязательно найду доброго человека,— сказал Тырняк и решительно ударил хвостом.

— Упрямство может погубить тебя,— сердито вздохнула Барыс и, втянув когти, шлепнула сына мягкой лапой.

Однажды по узкой тропе высоко в горах ехал лесник Лукич. Он делал осмотр своего участка. Привычная к горам лошадь неторопливо приближалась к перевалу, позвякивая подковами о камни.

Цветы кипрея розовым туманом покрывали лесные поляны. Железное дерево прилепилось на голых скалах, пустив корни глубоко в расщелины. Тропа поднялась выше ельников и нырнула в густые заросли на альпийских лугах.

Вдруг лошадь захрапела, вскинула голову и наострила уши.

Это Барыс выскочила из-под куста на крутом повороте тропы, перемахнула одним прыжком через полянку и скрылась в зарослях. Следом за ней прошмыгнула Кешкене.

Под кустом арчи лежала растерзанная молодая архарка. За ней что-то серело. Это был барсенок Тырнок, не успевший убежать.

Лукич прыгнул с коня и поймал барсенка за хвост. Тырнок перевернулся на спину, зашипел и замахнулся лапкой. Но Лукич без труда затолкал барсенка в мешок и привязал к седлу. Вскочил в седло и поехал на кордон.

«Хороший подарок будет алма-атинскому зоопарку!» — подумал Лукич.

Барыс долго не приходила в этот вечер в свое логово в арчевнике. Она возвратилась ночью, хмурая, молчаливая, и бросила перед Кешкене горную индейку — улара.

У нее остался теперь один барсенок...

Дни летели за днями. Кешкене подросла, но была все такой же добродушной и всюду следовала за матерью.

Кешкене любила понежиться. Играет, играет, потом вдруг ляжет, вытянет свой длинный хвост и тут же заснет.

— Разве днем спят? — кричали расписные синицы. Но она не слышала. Только лапка у нее подергивалась во сне, а иногда светлые усики приподнимались, точно она улыбалась.

Кеклик с говорливой стайкой кекличат увидел спящую Кешкене.

— Смотрите, детки. Это — снежный барс. Красивый, но будьте осторожны, иначе съест.

Кекличата подошли ближе.

— Так недолго и в зубы попасть, — предупреждала мать.

— А мы столбиком взлетим, а мы столбиком! — хвастались кекличата.

— Мы ошибаемся только один раз, — напомнила мать.

— А зачем нам ошибаться, мы столбиком!

Кешкене пошевелила усами во сне; и кекличата от страха взлетели столбиком и исчезли среди каменистых россыпей.

Высоко в горах, под самыми облаками, в каменных ладонях скал сверкали синие озера. Они отражали облака и Лысого Грифа в вышине. Он кружился, отыскивая падаль.

В ущелье Лысый Гриф увидел овечку. Она отстала от своей отары и не знала куда идти. Овечка была живой. Лысый Гриф не смел на нее броситься. Он поедал только мертвых.

Змея — гадюка — медленно протягивала свое длинное тело среди камней. Лысый Гриф закричал:

— Кусай овечку, кусай ее, милая, кусай. Она еле жива от страха!

Змея подняла голову и прошипела:

— Хорошо, я ее ужалю — люблю кусать!

Змея подползла к овце и укусила ее за ногу. Овца бросилась вниз в ельники.

— Спасибо, дорогая гадюка! — в восторге закричал Лысый Гриф. — Сейчас овца умрет и мы хорошо поедим!

— Я овец не ем, на них слишком много шерсти и они велики для меня. Кроме того, мой яд их не убивает, а нужен мне для мышей.

— Укуси барсиху Барыс, — упрашивал гриф. — Ох, как я ее ненавижу. Будь у меня поострее когти, я давно бы схватил ее малышей, а с этих вершин сбросил бы на скалы.

— Какой храбрый, — зашипела змея, — мне Барыс ничего плохого не сделала и пусть живет на здоровье со своими барсытами.

Змея, шурша, уползла по своим змеиным делам.

По каменистой россыпи прыгала веселая птичка, кивая головкой, словно здороваясь. Вот с каким-то кор-

мом в клюве она нырнула под камни и оттуда раздался дружный писк ее птенцов.

— Это Завирушка,— сказала Барыс.— Она кормит птенцов черными пауками. Их много кругом под камнями, даже на льду.

Кешкене с интересом наблюдала, как пауки медленно передвигали лапками, ходили по снегу и льду далеко от его кромки. Казалось, вот-вот они сожмутся в комочки и замерзнут. Но завирушки и пауки спокойно жили на самой границе вечных льдов. Больше ни одного живого существа не жило здесь постоянно.

— Но если на черте жизни и вечного покоя завирушки питаются пауками, то чем же могли питаться пауки? — спросила Кешкене.

— Смотри лучше,— сказала Барыс.

— Вон летит бабочка! — воскликнула Кешкене.— Как она сюда попала?

— Их принес теплый ветер с долин,— сказала Барыс.— Каждый день бывает такой ветер, а здесь он стихает, бабочки падают на лед и цепенеют. Ветер кормит пауков и завирушек.

Кешкене внимательно поглядела в глаза матери и подумала: «Она все знает, все умеет объяснить!»

Однажды Кешкене весело бегала среди камней, пряталась, прыгала, играла в охоту. А мать любовалась дочкой, разлеглась на плоском камне, а солнце серебрило ее пеструю шкуру.

Лысый Гриф увидел из-под облаков барсов, спустился и злорадно заклекотал хриплым голосом:

— Барыс, Барыс!

— В чем дело? — спросила Барыс.

— Твой Тырнак живет у человека! Как ты терпишь — убей его.

— Ты врешь, старый мошенник! Больше ты от меня не получишь ни одной кости!

— Если я вру, разорви меня на части! — поклялся Лысый Гриф. — Иди вниз к другому плоскому камню и ты увидишь Тырнака, который лижет руки девочке. Растерзай ее! Верни себе сына.

— За сына я готова сражаться даже с тигром, — ответила Барыс и помчалась к плоскому камню. Она бежала, задыхаясь от ненависти и злости. Она готова была растерзать того, кто отнял у нее ее сына. Барыс верила в свои силы и знала, что битва будет короткой и решительной. Даже если у человека в руках будет огненная молния. Она бросится на него.

Кешкене отстала от матери: «Не понимаю, почему она такая взволнованная? Нашелся Тырнак — это большая радость! Стоит ли выпускать когти — и показывать свои острые зубы. Конечно, если человек будет злым, если он обидел Тырнака, я тоже наброшусь на него!».

Кусты арчи тихонько раздвинулись. Барыс увидела картину, которая привела ее в замешательство. С молоком матери впитала она решительность и молниеносность в выборе действий. Она всегда точно знала, что она хочет. Но сейчас? Перед ней была девочка в синем платье, а рядом у ног ее, свернувшись, как домашний котенок, спал Тырнак.

Что на девочке было синее, нарядное платье, этого, конечно, Барыс не могла знать. Она не разбиралась в моде и цветах, понятия не имела, что мир вокруг такой цветной. Все она видела, как в лунном свете, все казалось ей серо-белым. Девочка ласкала Тырнака, она чесала его за ухом, а он мурлыкал от удовольствия.

С неба снижался Лысый Гриф, тяжело махая крыльями. Он повернул свою голую шею к Барыс:

— Разорви скорей девочку. Мы здорово пообедаем!

Клушицы, альпийские галки и расписные синицы с ужасом наблюдали за этой сценой.

— Проснись, Тырнак, — забарабанил по сухому стволу

пестрый дятел, прилетев из ельников. Он стучал тревогу так сильно, что поднял на ноги все горы.— Девочка очень хорошая,— стучал дятел.

— Неужели Барыс послушает Грифа?— беспокоились синички.

Небольшая птичка — горный конек вылезла из-под камня, где у нее было гнездо, подлетела к Ксюше, села рядом с ее косичкой и закричала.

— Рядом беда на когтистых лапах с зелеными глазами!

Но Ксюша дремала и не слышала. Ей показалось, что птичка поет.

В этот момент орел с зайцем в лапах пролетел мимо к гнезду, где у него сидел единственный птенец.

Увидев Барыс в нерешительности, он заклекотал:

— Как можешь ты, благороднейшая Барыс, слушаться этого стервятника? Как можешь ты жить по его подлым советам?

— Это единственный раз гриф сказал правду — мой сын Тырناк вместе с моим врагом — злым человеком,— ответила Барыс.

— Да какой же он злой человек — это девочка Ксюша. Ее знает в горах каждый зверь, каждая птица. У ней такое доброе сердце. Она этой доброте учит нас всех, и ты, мудрая, прекрасная Барыс, не смеешь дотронуться до нее своими острыми когтями.

— Да, да, не смеешь!— закричали белочки, синички, кеклики, альпийские галки.— Не верь этому гнусному Лысому Грифу и поскорей втяни свои когти, чтобы по ошибке не натворить беды.

— Но мой сын подружился с человеком, хотя это еще ребенок!— горестно фыркнула Барыс.

— Тырнак может дружить с кем хочет,— сказал орел.— По закону гор ты не должна охотиться около своего логова.

Орел отличался смелостью и благородством, его слова действовали на Барыс:

— Ладно,— процедила она сквозь зубы.— Я не буду нарушать закона гор и нападать около своего логова. Но я уведу своего сына от девочки, не трону ее сейчас.

Ударив себя полосатым хвостом по бокам, она скрылась в чаще. Лысый Гриф летел над ней, тяжело махая некрасивыми крыльями, укорял ее за то, что она не нарушила закона гор:

— Для меня не писаны законы, для меня один закон — мой аппетит, мои желания. Я ненавижу этого орла, который может догнать даже самого быстрого джейрана, но никогда не охотится за спящими животными. Он даже не жрет тех птичек, которые выют гнездышки под его гнездом!

— Можешь не кричать, я тебя все равно не слушаю,— сказала Барыс.— С наступлением сумерек ее узкие зрачки стали почти во весь глаз большими и круглыми. Она не ответила на радостное урчанье Кешкене, а молча легла около нее, только кончик хвоста нервно подрагивал, выдавая волнение.

— Мама, ты почему такая грустная?— спросила утром Кешкене.

— А разве тебе никогда не бывает грустно?— спросила Барыс.

— Бывает, но недолго. Мама мы завтра пойдем охотиться на сурков?

— Нет, не пойдем!

— Почему? — удивилась Кешкене.

— Потому что уже пора охотиться на козлов и архаров. Нельзя всю жизнь за материнский хвост держаться.

— Ты видела Тырнака, мама?— нежно спросила Кешкене.

— Не спрашивай меня об этом,— сердито ответила Барыс и раздраженно повела кончиком хвоста из стороны в сторону.

Охотиться всегда интересно. Кешкене жадно шарила глазами по сторонам. Сквозь заросли арчи были видны горные склоны. По желтым бугоркам земли Барыс определила, что тут живет большая колония сурков. Посреди поляны отдыхал в полном одиночестве и без всякой охраны крупный архар.

Кешкене вскочила и хотела ринуться к архару. Он крепко спал на боку, положив на землю голову. Архары обычно отдыхали, выставляя охрану, когда были в табуне. Если дремали в одиночку, никогда не склоняли голову, чтобы слушать даже во вне, что происходит вокруг.

А сейчас архар так крепко спал, что даже храпел. Несколько прыжков — и ужин готов! Но Барыс не пошевелинулась. Она не позволила дочери выскочить на полянку и строго сказала:

— Ты потомок серебристых барсов. Запомни на всю жизнь — никогда не надо охотиться там, где живешь. Это главный закон гор. Пусть эти сурки тебя не боятся.

— А почему сюда пришел архар?

— Потому что хочет выспаться. Вчера я за ним долго гонялась, а он ушел. Если ляжет где-нибудь в другом месте, никто не предупредит его об опасности, а тут его охраняют сурки, у них всегда стоят дозорные. Архар это знает и спокойно спит: чуть какая опасность — сурки тревожно закричат, он вскочит и убежит. Вот посмотри.

Барыс встала и сделала несколько шагов. Дозорный еурук испуганно закричал. Архар вскочил и огромными прыжками умчался за гребень горы. С грохотом покапались по осыпи мелкие камни.

— Догони его!

Кешкене помчалась следом, но вскоре вернулась с высунутым языком.

— А где архар? — спросила Барыс.

— Он так бежит, что не угонишься, — вздохнула Кешкене.

— Если бы он бегал хуже нас — давно бы погиб весь его род, — объяснила Барыс.

— Мама, а почему сурки от нас прячутся, а архара не боятся и он приходит к ним, как домой.

— Сурки прекрасно знают, кто их ест, а кто их не ест. Если бы они в этом не разбирались, то уже давно бы все погибли.

— А можно дружить с теми, кого мы едим?

— И так бывает, дочка. В жизни разное бывает.

— Мама, покажи мне нижний лес, мне очень хочется побывать в лесу, — попросила Кешкене.

— Барсы редко спускаются вниз, но, чтобы ты была образованной, я покажу нижний лес и познакомлю со всеми, кто там живет. Запоминай, за кем ты можешь охотиться, а к кому лучше и не подходить.

— Разве есть кто-нибудь, кого мы должны опасаться? — спросила Кешкене.

— На вершинах гор — нет, а пониже живет силач-медведь Аю. Никогда не знаешь, какую штучку он выкинет. Я всегда обхожу этого толстяка.

— А еще? — приставала Кешкене.

— Об этом потом, — буркнула Барыс и положила, как одеяло, на дочь свой длинный, полосатый хвост.

Барыс спустилась в ущелье. Она прыгала с камня на камень. Там, где ей было достаточно одного прыжка, Кешкене делала три. Она все хотела обнюхать, запомнить.

Опять появился в небе Лысый Гриф и захрипел:

— Барыс, тут бродит старый архар. У него крутые рога выросли так сильно, что спускаются ниже морды, он уже не может щипать траву на альпийских лугах, а должен питаться листьями кустарников. Давай наконец позавтракаем вместе. Эти листья вредны старому архару. С ним ты раньше не могла состязаться в ловкости. Крутые рога приблизили его к гибели. Давай позавтра-

каем. Ты не зря спускалась, научишь дочь свою охотиться за архарами, которые едят листья с кустов.

— Если мои дети будут охотиться за старыми, беспомощными архарами, то незачем тогда им рождаться на свет. Нет, коварный Лысый Гриф, ты никогда не поймешь ни орла, ни барса — потому что ты вырос на падали.

Затрещали ветки.

Кто-то шел по лесу грузно и важно, как хозяин. Барыс принюхалась, прыгнула на полуповаленное дерево тяньшанской ели, вытянулась. Припала рядом и Кешкене, широко раскрыв глаза от удивления. По лесу продвигался, переваливаясь с боку на бок, тяньшанский медведь. Он поглядывал своими маленькими глазками из стороны в сторону.

— Мама, кто это? — прошептала Кешкене.

— Это Аю, — объяснила мать, — хозяин леса, как мы — хозяева горных вершин.

— Почему он такой толстый, косолапый, смешной?

— Это так кажется. На самом деле он силач, если ударит — не встанешь! Его надо обходить подальше.

Аю подошел к дикой яблоне, встал на задние лапы и затряс ствол. Яблоки так и посыпались на землю.

— Он играет сам с собой? — шепотом спросила Кешкене.

— Тсс... молчи! — ответила Барыс.

Медведь подбирал яблоки и отправлял их в рот. Потом неторопливо ушел к речке пить.

— Мама, я побегу поздороваюсь с ним? — спросила Кешкене.

— Что ты? Я только что говорила тебе обходить его подальше. У него очень вспыльчивый характер.

Барыс повела дочь дальше вниз по ущелью. Здесь травы были гуще, выше и нарядней. Желтая иволга увидела барсиху из своего гнезда на березе и закричала:

— Смотрите, друзья. Барыс ходит в одной серебристой шубе зимой и летом. Даже зайцы меняют шубу, а она нет. Я это точно знаю — мне сороки рассказывали!

— Зачем мне менять шубу, если наверху, в горах, всегда ветер, и по ночам холодно, — ничуть не обиделась Барыс.

— Почему ты спустилась к нам в лес? — спросила белка.

— Хочу показать дочке лес, чтобы знала, как себя в нем вести.

— Расскажи ей что можно, а чего нельзя здесь делать. А то я, здешняя жительница, и то ошиблась однажды. Осенью кедровки украли у меня запасы. Но девочка Ксюша всю зиму приносила в лес еду для нас, белок и птичек. Я решила, что все люди добрые. Но пришел другой человек. Я думал и он добрый, а он устроил ловушку, насыпал орехов и я попала туда. Едва вырвалась. До сих пор лапка болит.

Барсы вечером поднялись на вершины гор и ночевали там среди камней, тесно прижавшись друг к другу. Утром Барыс заметила, что по гребню идут козлы, и сказала дочери:

— Лежи здесь, смотри и учись, как надо охотиться на козлов. Они тоже любопытные, как и сурки...

Барыс медленно пошла по склону нижнего гребня. Козлы ее заметили и стали то отбегать от края гребня, то возвращаться опять. Насторожив уши, заглядывали вниз, тревожно переступали и топали копытами.

Когда козлы снова отбежали от края гребня, Барыс несколькими огромными прыжками взлетела по осыпи вверх и опять спокойно зашагала в сторону, будто ей нет никакого дела до козлов, а идет она в сторону по своим делам.

Кешкене затаилась и наблюдала. Барыс была уже недалеко от гребня. Едва козлы отбежали от края, она

десятиметровыми прыжками взлетела под самый край гребня и замерла, спрятавшись за камень, такой же серый и пятнистый, как она.

Любопытные козлы опять прыжками понеслись к краю гребня еще раз взглянуть на барса. В ту же секунду Барыс прыгнула и сбила с ног одного козла.

— Молодец, мама,— закричала Кешкене и помчалась вверх.

— Оставьте и мне, оставьте и мне,— хрипел Лысый Гриф, поспешно махая крыльями, и опустился на камень недалеко от добычи Барыс.

Все были заняты едой. Когда же наконец у Кешкене раздулся живот, она отползла от туши козла и жалобно заскулила.

— Нельзя так объедаться,— с укором заметила Барыс.— Как будто тебя накачали воздухом. Ты же теперь не серебряный барс, а пузырь.

Барыс с дочерью отошли от остатков козла. Со скал слетело несколько грифов. Они отпихивали друг друга, дрались, каждый хотел урвать себе кусок получше. Старый Лысый Гриф от жадности глотал даже кости. Он толкал родичей, шикал на них и даже ударял клювом.

Барыс со своей дочерью, сощурившись, наблюдали за этой сценой, лежа в кустах шиповника. Вокруг было очень хорошо. Горы были могучи и прекрасны. Ни за что бы не сменяла она свой родной Тянь-Шань ни на какие другие места.

На кусте шиповника появилась встревоженная расписная синичка.

— Скоро будет буря, скоро на горы обрушится беда,— сообщала она всем знакомым и незнакомым.

— Мама, какая же может быть буря, когда такое чистое небо? Ни одного облачка.

— Будет буря,— твердо ответила Барыс, прислушиваясь к таинственным звукам гор.

— Откуда ты знаешь?

— От кузнечиков.

— Я не слышу кузнечиков, они молчат!

— Кузнечики всегда замолкают перед бурей. Кеклики поспешно кормятся и не болтают друг с другом. Взгляни на небо. Солнце над самой головой. А ты когда-нибудь видела, чтобы кеклики кормились в полдень?

— Нет, мама, не видела,— ответила Кешкене.

— Кеклики кормятся даже днем, только перед наступлением ненастной погоды.

— И ты поверила кекликам и кузнечикам?— удивилась Кешкене.

— Мы живем здесь не одни,— мягким голосом промурлыкала Барыс.— Надо прислушаться к тому, что говорят соседи, иначе можно попасть в беду.

— Мама, а что там за зверюшка сидит на берегу реки, на меня уставилась и глазами ворочает?

— Лягушка. Она тоже сказала мне, что будет дождь.

— Лягушка? И ты ей веришь?

— А как же. Всегда лягушки перед дождем вылезают на берег. Это я сама наблюдала.

Из-за горы медленно выползло черное облако. Оно росло, надвигалось и закрыло все небо. Стало сумрачно, как поздним вечером. Грянул гром. Кешкене прижала уши и бросилась к матери.

— Скорей к той скале, сейчас хлынет дождь!— приказала Барыс.

Большими прыжками они достигли места, где камень нависал над небольшой площадкой, подобно козырьку.

Снова молния перечеркнула небо. Она смертельно ранила одинокую тяньшанскую ель. Сразу, как из ведра, хлынул дождь.

Все живое попряталось в дупла, норы, под уступы камней. Сделалось еще темней. При каждом ударе гро-

ма Кешкене вздрагивала, прижималась к матери, даже заползла под нее.

Дождь шел всю ночь и опять зарядил на весь день. Земля в горах на крутых склонах так набухла, что в любую минуту могла поползти вниз, в ущелье. Дождевая вода подтекала под уступ скалы, где укрылись барсы. Кешкене промокла, замерзла, задрожала и прижалась к матери, а зубы застучали у нее от страха.

Но под вечер выглянуло солнце. Барыс вышла из укрытия, огляделась и пошла «домой» — к вершинам гор.

Прошло три года.

Детство Кешкене давно кончилось, но она по-прежнему чувствовала себя маленькой. Все еще спала, уткнувшись в теплый материнский бок. Наступил день, когда Барыс строго сказала дочери:

— Ты уже взрослая. Узнала законы гор. Хорошо научилась охотиться, изучила все приемы и хитрости. Достаточно ходить за мной. С этого дня живи самостоятельно: скоро у меня появятся опять барсята, такие же крошки, как когда-то была ты. Прощай!

Барыс большими прыжками исчезла за перевал, в другое ущелье. Кешкене бросилась вдогонку, нюхая следы, но они исчезли на берегу речки. Кешкене села на камень и заплакала.

— Чего глупая, ревешь? — заклекотал Лысый Гриф. Слетел с вершины и подсел ближе. — Подумаешь, беда какая — мать прогнала, давно пора. Вон ты какая выросла, с мать ростом.

— Замолчи, негодяй! Я люблю свою маму! — гневно рывкнула Кешкене.

— Надо любить только то, что можно съесть. Вижу, и ты похожа на Барыс, от тебя тоже не дожидаться остатков сурка или козла, — и, тяжело махая крыльями, он улетел искать падаль.

Кешкене ушла в заросли арчи и печально лежала там, переживала свою горе. Расписные синички утешали Кешкене.

— Не плачь. Иди умойся. Твой отец и мать никогда не плакали. Не забывай, что ты из рода самых сильных здесь серебристых зверей.

Утром Кешкене спустилась на альпийские луга. Над ними кружил Лысый Гриф. Он увидел Кешкене и заклекотал:

— Сюда, на джайляу, пригнали много баранов. Я покажу тебе отару с ленивым чабаном и старой собакой. Ты схватишь барана и мы хорошо поедим. Будь сговорчивей твоей матери!

Кешкене сделала вид, что не расслышала Лысого Грифа, и продолжала брести ниже по тропинке без всякой цели, куда глаза глядят.

Горькое чувство одиночества удручало ее...

Как жить без матери? Печальные мысли прервал стук копыт коня на тропе. Кешкене увидела всадника и собаку.

— Сейчас я расправлюсь с этой собакой!— решила Кешкене.

Шерсть на загривке у нее поднялась, когти сами собой обнажились. Она притаилась около тропинки. Всадник проехал мимо. Кешкене не обратила никакого внимания на всадника, но в ней все закипело от ненависти к собаке: это они, собаки, заменили нас около людей!

Но прыжками по тропе мчался, догоняя всадника, ее брат Тырнак, а не собака!

Кешкене не верила своим глазам. Но это был он! Она крикнула:

— Тырнак!

Он остановился, узнал сестру и бросился к ней.

Они радостно обнюхивали друг друга, брат лизнул мордочку Кешкене и с тревогой спросил:

— Почему ты такая худая, болеешь?

— Я сначала не узнала тебя, Тырнак, какой ты стал большой и солидный. А я живу одна, это очень трудно.

— А где мама Барыс, что с ней?

— Она хотела убить Ксюшу, но все птицы гор уверили ее, что она добрая, а не злая девочка и тебе с ней хорошо. Вчера мама решила, что настала пора мне жить одной. Она покинула меня...

На глазах Кешкене блеснули слезы.

— Идем со мной к человеку. Ты видишь, как я хорошо живу. Мы с Ксюшей живем в городе на станции юных натуралистов. Она поехала к знакомому чабану и я с ней.

— Нет, пойдем лучше со мной в горы. Я уже видела людей, готовых убить нас, как сурков!— и Кешкене поглядела на сверкающие льдами вершины гор.

— Дружить с человеком хорошо! Помнишь, мама Барыс показывала нам рисунки на скалах, как раньше барсы помогали людям охотиться на козлов? Вот и я подружился с ними! Идем?

— Нет, я хочу жить по законам гор вдали от людей! Я не могу жить с человеком: барсы тысячу лет находятся в ссоре с людьми.

Лысый Гриф кружился над вершинами и кричал:

— Тырнак, загрызи свою сестру, она тебя не слушается!

Но Тырнак гневно сверкнул глазами на Лысого Грифа и ничего не ответил ему. Тогда злобная птица стала уговаривать Кешкене:

— Ты—хозяйка гор и должна рассчитаться с братом-изменником. Он тебя зовет в неволю к человеку. Хочет, чтобы ты мурлыкала, как ничтожная домашняя кошка. Загрызи предателя Тырнака и мы хорошо пообедаем его презренным мясом!

Кешкене не выдержала и закричала:

— Отстань от нас, отвратительный Лысый Гриф! Ты хочешь, чтобы все враждовали, чтобы мы ненавидели друг друга? Но этого никогда не будет! Пускай Тырناق с людьми, а я буду ждать его в горах. Он не должен забывать, что он не тихая домашняя кошка, а могучий серебристый снежный барс, хозяин горных вершин!

— Я это помню! И ты не забывай, что у тебя есть брат, который готов на все ради тебя!

Брат и сестра могучими прыжками направились в разные стороны — Тырناق догонять Ксюшу, а Кешкене вверх, в скалы. Лысый Гриф кружил, высматривал добычу и злился на барсов.

Горы жили своей особой жизнью. В них для каждого есть место, только нужно уметь постоять за себя!

NYT FELLECT.
BEHHARKA

КАК ДУБРОВНИК ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ СТАЛ

Жил-был на лугах Дубровник: маленькая птица в желтом кафтанчике и коричневой шапочке. Песенки у него были такие приятные, что все удивлялись. Только филин ухал и грозился — он ему спать днем мешал!

Едва солнышко глаз приоткроет, Дубровник заливается-поет. Сядет на травинку, согнет ее, качается — это для него зарядка. Проглотит жемчужину-росинку, промочет горлышко и поет. А в это время солнышко второй глаз открывает. Дубровник поет всем на радость.

Красноголовому самцу чечевицы очень нравились песенка Дубровника. Сам-то он только и умел одно и тоже петь: «Витю видел!». Принес он Дубровнику ягодку-вкуснику, просит спеть, да погромче.

Журавль слушал, слушал и говорит:

— Вот тебе, Дубровник, северная ягодка морошка — попробуй и еще спой!

Ласточке тоже песня понравилась. Она Дубровнику двенадцать комариков принесла и еще просит петь.

Поклонился Дубровник и вежливо отказался:

— Большое спасибо, ласточка! Но комариков отнесите, пожалуйста, своим птенчикам. Не смогу я комариков есть, когда вижу, что ваши птенчики есть просят!

— Вы очень добры! Я сейчас отнесу комариков моим птенчикам. А вы спойте еще! Все хочу вас спросить, почему у вас такая фамилия лесная — Дубровник, а живете на лугу?

— Это потому, что мои прадедушки жили в дубра-

вах, а потом переселились на луга и поля. Нас даже стали звать овсянками. Знакомый грач советовал мне письма подписывать так: «С наилучшими пожеланиями Овсянка-Дубровник».

— Нет, лучше пусть «Дубровник-Овсянка», так правдивее звучит,— поправила ласточка.— Спойте, пожалуйста, еще!

Дубровник запел.

Вдруг из дупла зауהל филин:

— Я тебе задам, Дубровник-Овсянка, ты у меня последний раз поешь. Наступит ночь и тебе не поздоровится!

— А я так спрячусь, что меня не найдешь!

— Если не найду, змею пошлю — она проглотит!

— Ах, зачем вы так его пугаете, уважаемый филин. Что он вам сделал плохого? — защелкала ласточка.

— Я только глаза закрою, а он смеет свои песни горланить, сон мне разгоняет. Мне днем спать полагается в тишине.

— Ты, певец, знаешь, где будешь, если не замолчишь? — погрозила сова.— Покою нет весь день от этого Дубровника!

— Не объясняйте ему, тетушка сова, то, что он сам может догадаться, где он будет,— сказал дятел,— но, предупреждаю вас, если вы будете притеснять моего друга Дубровника, я вам такой концерт устрою барабанным боем, что от бессонницы вы совсем с ума сойдете.

После этого предупреждения, сова что-то прошамкала про себя и задремала в пустом сорочьем гнезде. Филин недовольно сказал «угу», залез в дупло и заткнул уши крыльями. А змея ничего не слыхала: она подавилась, заглотила очень крупного птенчика и, как ни растягивала свою резиновую глотку,— птенчик ни туда ни сюда!

Но Дубровник опустил клювик. Песни у него не стали получаться. Да и то правда, как можно петь, когда тебя ругает сова, угрожает филин, хотят натравить змею?

— Советую тебе переселиться на луга около молодого соседнего леса. Туда еще не успели поселиться филин, совы и змеи. Там очень хорошо петь. Вот увидишь сам!

— А в какую сторону лететь? — спросил Дубровник.

— На запад — где солнце спать прячется.

Послушался Дубровник ласточку и полетел на запад. Летит, летит, крылышками машет. Долго ли, коротко ли — наконец увидел: молодые березки около озера полужалками зелеными замахали и зашумели:

— Сюда, сюда! Мы очень рады. Нам как раз такой звонкой птички не хватает!

Понравились Дубровнику новые луга около лесочка. Поселил здесь свою семью и родственников. Чечевица прилетела, тоже одобрила, похвалила, свою семью поселила.

Вдруг однажды сестра Дубровника из соседнего гнезда прилетела, а сама плачет:

— Зачем ты меня сговорил переселиться сюда, всякие страхи слушать?

— В чем дело? Здесь все соседи приятные. Чечевица, на что придирчивая, но и она похвалила эти места. Чем ты встревожена? Перестань плакать и расскажи!

— Как же мне не плакать? Только мы с мужем гнездышко свили, я на яички села, его песенки слушаю, а вечером вдруг — угу! и еще три раза — угу! Нам так страшно стало. А из-под большой кучи нарубленных веток кто-то грубым голосом говорит:

— Перестаньте петь, а не то я вас ночью вместе, с гнездом съем!

— Это филин. Ему наши песни не нравятся, — вздохнул Дубровник.

— Тогда пой другие песни, которые ему нравятся.

— Таких песен я не знаю. Дубровник может петь только свои песни. А так страшно ухоть даже скворец не сможет.

— Что же нам делать?— совсем загрустила сестра Дубровника.

— Вот что, ты скажи своему мужу, чтобы пел вполголоса, а я полечу дальше в ту сторону, где солнце спать ложится, поищу место, где нет страшного филина, совы и змей, а свободных мест для гнезда сколько угодно.

— Хорошо, братец. Только вполголоса петь трудно, это вороны и сороки весной только вполголоса про себя шепчут.

— А все же надо постараться во имя будущего.

Улетел Дубровник новые места искать. Летел, летел над полями, лугами и горами, пока неожиданно не встретил знакомую Чечевицу. Обрадовался и спрашивает:

— Куда это ты путь держишь?

— Родственников развелось много. Все лучшие места для гнезд заняли. Ищу новые места, где посвободнее.

— Я тоже ищу, где бы пожить спокойно, в тишине, а моим песням были бы рады.

— Рассказывали мне про такое место — туда и лечу,— ответила Чечевица.

— Полетим вместе, быстрее найдем!— предложил Дубровник.

Полетели они вдвоем в сторону, где солнце спать ложится. Впереди Чечевица, а за ней Дубровник.

Нашлось такое место. Заливные луга, озерки, небольшие лесочки. Журавли танцуют, радуются, лягушек ловят. Цветы везде. Пчелы на них гудят. Крохотные чеканчики-луговые распевают. Такие луга — одно загляденье!

Рассказал Дубровник чеканчикам о своем горе, а они отвечают:

— Живи у нас, переселяйся, пожалуйста! Мы тебе самый замечательный кустик покажем, под ним делай гнездышко!

Поблагодарил. Дубровник чеканчиков. Семью и родственников устроил на постоянное жительство.

Вокруг птицы жили мирные, веселые, вместе с Дубровником распевают. Другие соревнуются — кто быстрее летает. Журавли в скакалочки играют, кто выше подпрыгнет, ниже присядет.

Прожил в этом месте Дубровник год, прожил второй. Песни новые сочинил. Каждую весну гнездышко строил. Заячьей шерсткой устилал. На третий год весной запел утром и слышит, ушам своим не верит:

— Угу, угу! Это я филин. Ты меня опять разбудил на новом месте. Покою от тебя нигде нет. Ночью съем тебя вместе с гнездом. Так и знай!

— Но ведь я дома гнездо свое бросил. Сюда переселился, чтобы вам не мешать!— воскликнул Дубровник и чуть было не заплакал, да вовремя вспомнил, что он мужчина.

— А мне именно это место нравится. Болотный лушь сказал, тут мышей и птичек таких, как ты, много. Понял?

— Ну если вы так требуете, почтенный филин, то я уступлю вам этот лесок и луга.

— Какой нахал!— заухал филин, — он еще смеет мне говорить, что уступит мне, когда у него нет ни мощных когтей, ни крепкого острого клюва — таких, как у меня. Я съем тебя и все тут. Никто меня не осудит, потому что я сильный.

— Но разрешите мне допеть мою песенку и выучить летать моих малых птенчиков?

— Никаких песен, чтобы не смел и заикаться. Вот если хочешь угукай, как я. Моим подголоском будешь.

— Я не могу угукать, я у соловья учился, а у него алябьевская школа.

— Чепуха какая! Моя школа — филиновая — самая модная — ухай, шуми невпопад, чем громче, тем больше славы.

Снова полетел Дубровник искать места, где не меша-

ли бы ему петь песенки и не грозили смертью. Летел летел в сторону, где солнце спать ложится. Перелетел реку Урал и опять встретил ту же знакомую Чечевицу.

— Здравствуйте, тетя, как вы сюда попали?

— Опять родственники выжили, развелось их видимо-незидимо, вот и полетела новые места искать. А ты зачем здесь? Ведь лететь сюда дорога не ближняя. А у тебя лесок и луга были замечательные.

— Лучшего я и желать бы не хотел. Но вот филин опять выгнал! Пожалуйста, не говорите никому, что я здесь вместе с вами. Сейчас столько сплетников развелось. Узнает филин и выгонит, а то и съест ночью, если плохо спрячешься.

— А я филина не боюсь,— ответила Чечевица и добавила: — Оставайся здесь. Я никому не скажу. Тут певчий дрозд живет, советую с ним подружиться. У него можно поучиться хорошим песням.

Поселил здесь Дубровник свою семью и родственников. Стали жить да поживать. Его песням никто не мешал, наоборот, все слушали и хвалили. А что дальше было — неизвестно. Может быть, опять и здесь филин появился, и петь запретил. Опять Дубровнику пришлось менять место жительства и дальше переселяться в ту сторону, где солнце спать ложится. А может быть, в это новое место филин не прилетел, потому что тут трактора грохочат на полях, работают, а на них не угукнешь!

Ребята, сами посмотрите, как живет веселый Дубровник.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛОСЕНКА

Лосиха щипала листья на черемуховом кусте, а ее лосенок, как и всякий любознательный малыш, интересовался не тем, что вокруг него, а тем, что дальше.

И вот за этим «подальше» он сделал двадцать шагов влево, потом двадцать шагов вперед и, наконец, потерял мать из виду. А когда вдруг захотел вернуться к ней, то пошел совсем в другую сторону, потому что он еще не умел ориентироваться в огромной и таинственной тайге.

У лосенка были длинные ноги, он неуклюже выбрасывал их вперед, когда бежал. Длинная морда была с маленькими глазами, далеко поставленными друг от друга. А верхняя губа нависала над нижней и ноздри были тоже длинные, вздувались как бугры, когда лосенок втягивал в себя воздух.

Очутившись один, он огляделся. Матери поблизости не было и лосенку стало страшно. Без матери всегда страшно: и утенку, и тигренку, и лосенку... Он тревожно закричал:

— Мама, где ты?

Но его крик услышала не мать, а старая, голодная рысь. Она была опытной и только ждала случая, чтобы напасть внезапно на того, кто этого не ожидает. Поняв, по какой тропинке идет лосенок, она мигом вскарабкалась на старый тополь, вытянулась стрункой, прижала уши назад и стала ждать. Вскоре рысь услышала, как кто-то сопя пробирается по тропке.

Хищница выпустила когти, сощурила глаза, приготовилась. Между деревьев показалась спина лосенка с высокой холкой — рысь прыгнула ему на спину!

Конечно, малыш страшно испугался. Страх удесятирил его силы. Он рванулся дальше по тропе и случайно промчался, чуть пригнувшись под толстым сучком полу-сваленного бурей дерева. Сук этот оказался спаситель-

ным. Он ударил рысь по голове и сбросил с лосенка. Хищница свалилась на землю и сразу не могла понять, что с ней случилось, так ее ошеломил удар по голове. Когда же рысь пришла в себя, от лосенка и след простыл. Не солоно хлебавши рысь пошла обратно к старому тополю.

В это время лосенок из последних сил все бежал и бежал вниз по ручью, пока, наконец, не увидел полянку с высоким стогом сена.

Только здесь он остановился и лег, еле переводя дыхание.

До самой ночи лосенок пролежал в кустах на опушке.

Когда над лесом поднялся тоненький молодой месяц, лосенок встал, подошел к стогу, поужинал мягким душистым сеном. Потом отправился искать мать, жалобно пища, как птица. Он прислушивался к различным шорохам, то и дело останавливался и поводил ушами. Ничего подозрительного не было. Только под утро в воздухе чем-то запахло в тайге. Этот запах шел от дыма из трубы дома лесника, над чистой, как роса, речушкой. Залаяла спрсонок собака.

На всякий случай лосенок сделал крюк, далеко обошел усадьбу, откуда доносился лай* и плыл запах дыма.

Долго лосенок плутал по тайге, отыскивая свою мать. За каждым кустом чудилась рысь. И вот, наконец, он услышал знакомый шум. Так обычно ходило по лесу только одно существо, смело, напролом, раздвигая ветки широкой грудью. Это была его мать. Она бежала, нюхая его следы. Лосенок бросился к ней навстречу и сразу почувствовал себя таким маленьким.

— Здравствуй, мама!— сказал он.— Не ругай меня, я заблудился и не знал, где ты... Мне на спину рысь прыгала...

— Вот видишь, как нехорошо ты поступил — самовольно ушел и заблудился. Не смей больше так делать! Но как я рада, что нашла тебя наконец. Что только я не

предумала! Всю ночь не спали ни я, ни отец. Он ищет тебя по берегам рек.

Лосиха осмотрела малыша и стала зализывать его рану на спине от когтей рыси, приговаривая:

— В наш лес рысь никогда не заходит. Ее уже однажды твой папа поддел своим крепким рогом, и она стала вежливее.

— А что же она на меня напала?

— Это потому, что ты зашел на чужой участок.

— А как это знать, где чужой участок, а где свой?

— Ты должен зарубить на своем длинном носу, что издавна вся тайга разделена между семьями лосей. Мы никогда не переходим на участок, где живет другая семья, но и на свой чужих не пускаем.

— А почему?— спросил лосенок.

— Потому что иначе нам трудно жить. Не хватит пищи, дети будут слабыми. На нас могут напасть волки, а мы не сможем защищаться.

— А ведь здесь нас никто не гонит. Давай тут жить. Тут так красиво. Мне очень нравится питаться травой, которая сложена в кучи.

— Хорошо,— сказала мама,— будем жить здесь, пока нас не найдет отец. Назад мы просто вернуться не можем: пока я тебя искала, на нашем участке поселился огромный старый лось. Его прогнали другие лоси за невозможно злой характер. Его зовут «одином». Нас он, конечно, прогонит. Нечего теперь и думать возвращаться.

Лосиха с малышом бродили вдоль протоки, где плавали, поблескивая чешуей, золотистые караси, а над берегами свисали ветви черемухи. Лосенку очень понравился громадный камень. Когда солнце вечером скрылось, он подошел к этому камню и грелся около него. Камень нагрелся за день и долго оставался теплым после за-

хода солнца. Красноватые ягоды шиповника пришлось по вкусу лосенку и он затягивал их в рот длинными гудами, обсасывая куст и поводя от удовольствия ушами.

Лес этот немного отличался от того, где они жили. Он был не такой мрачный. Островками среди елок выделялись белые стволы берез.

Лосиха не прочь была бы остаться здесь на все время. Вдруг послышался треск валежника под чьими-то тяжелыми шагами. Из леса выскочила разъяренная лосиха, а следом медленно вышагивал ширококоргий лось. Вид у него бы мрачный и грозный.

— Уходите отсюда, иначе будет плохо,— закричала лосиха.

— А разве мы вам мешаем?— примирительно ответила мама лосенка, закрывая его своим телом.— Почему вы так сердиты?

— Это наш участок леса, и вам тут нечего делать.

— Ну, если это ваш, то мы уйдем, только не надо кричать.

— Вот видишь,— сказала лосиха, поворачиваясь к своему лосю.— Какая невежа! Нет, чтобы извиниться, она еще в рассуждения пускается!

Нагнув головы, лоси смотрели изподлобья.

Малыш, чуть прихрамывая на правую ногу, пошел впереди своей большой, красивой мамы. Они так шли пока не очутились на опушке леса. Вдруг встретился, наконец, лось-отец! Он бросился к малышу, даже застонал от радости, долго облизывал его — это у лосей означало поцелуй.

— Глупенький, ты так напугал меня и мать. Ну теперь мы с тебя, шалуна, глаз не будем спускать!

— Отец, ты знаешь, наш участок занял лось-одиноц, и нам надо искать новое пристанище в лесу,— сказала лосиха.

— Знаю. Он и меня не пустил. Ну, ничего, наш малыш нашелся, это самое главное. Найдем себе другой участок

в лесу. Если наш малыш сумел вырваться из когтей рыси, значит из него выйдет настоящий лесной богатырь.

— Я, папа, сам не знаю, как это случилось.

— Вон в зарослях на берегах этой речки мы укроемся не хуже, чем в лесу, а покушать там сможем тальник, черемуху, молодые березки, разные кустарники,— сказала лосиха.

— Ну что же, если нам нет места в лесу, проживем в зарослях у речки,— согласился лось.

А лосенку было все равно, лишь бы рядом была его мама.

Изгнанники пошли по берегу речки от одних зарослей к другим и не заметили, что речка вышла из леса. Она теперь струилась по бескрайней степи с севера на юг.

Наступил вечер. Это был первый вечер, когда в кустах тальника собралась семья на ночлег. Малыш лежал между мамой и папой, чувствуя, как от их тел шло тепло. Где-то вдаль проносились с криком кряковые утки, но он не видел их. Он только слышал всплеск воды и гортанное кряканье. На горизонте ярко-багровую зарю черными точками усыпала летящая стая галок.

Ночь была темной и длинной, как та река, вдоль которой шли лоси. Вдруг в высоте загремел гром, а потом начался дождь. Лось вздрогнул от упавших на его уши и нос капель, повернулся к малышу, стараясь его прикрыть своим телом. Дождь все шел и шел, словно напоминая, что скоро наступит осень, все станет в природе желтым и красным. Лосенок еще не знал, что такое осень, ему казалось, всегда будет лето и тепло. Дождь его очень удивил, а потом обидел. Он никак не мог понять, почему он его так сечет? Что он сделал плохого небу? За что оно так сердится на него?

Только под утро дождь стал стихать и медленный, вялый рассвет стал заполнять небо светом. Подул ветер, зашуршали ветки лозняка. Лось стоял, не шевелясь, пог-

руженный в тяжелые думы. Мать тихонько тронула его носом, говоря:

— Уже утро, пора подумать о завтраке!

И они пошли вдоль речки, срывая ветки ивняка и полувysохшую траву.

Вдали показался лес в сторонке от реки. У лосихи даже заблестели глаза. Лес будет их! Она ускорила шаг и побежала по степи, энергично выбрасывая ноги. За ней мчался сынишка, а сзади поспедал отец семейства.

Как хорошо, что они снова оказались в лесу. Тут все было так привычно, так здорово. Осинник, тальник в болотце, березняк. Все деревья были низкими, так удобно было наклонять их и скусывать кончики ветвей. Но лесок этот оказался совсем крошечным. Как островок среди безбрежной степи. Через несколько дней лосям стало здесь нечем кормиться. Малыш уже привык к этому лесу. Вдруг мама строго сказала:

— Собирайся, пойдем дальше!

— Я не хочу дальше, мне и тут хорошо!

— Больше нам тут нечего делать, малыш,— спокойно, словно не замечая капризов маленького, ответил лось.— Мы уже тут все съели. Если останемся еще, погибнем с голода.

— Как плохо быть большим,— сказал малыш, неохотно следуя за мамой.— Вот мне бы тут хватило кушать еще надолго.

— Это небольшой лес,— объяснила мама.— Зайцу в нем хорошо, а для нас нужен, знаешь, какой лес?

— Какой?

— Мама тебе объяснила, а ты все спрашиваешь. Не хорошо заставлять маму повторять два раза,— сказал лось, останавливаясь и строго глядя на малыша.

Итак, семейство лосей продолжало свой путь на юг, снова вдоль реки. Им встречались птицы и звери, но какие-то другие. Раньше лосенок на моховых болотах в родном лесу видел крупных куропаток, они были с бе-

лыми брюшками летом, а теперь почему-то куропатки были маленькие и серые, хотя разговаривали почти на одном и том же языке. Потом лосям встретился заяц. Он тоже был похож на знакомого зайца, которого звали беляком. Здесь заяц был вдвое крупнее ростом, а когда лосенок спросил у мамы:

— Почему здесь зайцы такие крупные?— она уверенно ответила:

— Этот заяц, наверное, родственник нашему. Ну, как у нас дома в лесу живет ворона и галка. Они тоже родственники, но галка меньше вороны.

— Теперь понятно,— ответил малыш, хотя в голове у него была сплошная путаница.

— Мама, а все, кто живет не в лесу, бывают крупнее, чем те, кто в лесу?

— А не все ли тебе равно?

— Нет, мамочка, я хочу знать.

— Бывает и наоборот,— сказал, помолчав, лось. — Вон, видишь, бежит по степи зверь?

— Вижу, очень похож на лисицу, только маленький.

— Это степной родственник лисы. Перелетные утки говорили мне, что в степях живут небольшие лисицы-корсаки и, наоборот, крупные зайцы-рузаки, не то, что наши лесные зайцы-беляки.

Лоси шли все дальше и опять лосенок задавал десятки вопросов — то матери, то отцу. Если бы они отвечали на все вопросы, то у них не было бы травинки за целый день во рту.

Лоси подошли к озеру, в нем плавали желтые и белые кувшинки.

Малыш, конечно, залез в воду первым и с удовольствием стал есть кувшинки одну за другой, вырывая их со дна. Вслед за ним забрели в воду мать и отец. Вскоре часть кувшинок неподалеку от берега исчезла. Лоси все ели и ели вкусные водяные стебли с корневищами.

И опять они пошли вдоль речки к югу. То там, то

здесь из земли выскакивали суслики. Поднявшись на задних лапках, с немым удивлением смотрели на лесных великанов. Они шагали один за другим по степи, вдоль реки, мимо их норок.

— Эх вы, бурундуки, а куда делись черные полосы у вас на спинках?— спросил лосенок.

— Мы суслики, а не бурундуки. И нечего обзывать-ся!— обиженно ответил старый суслик.

— Извините,— смутился лосенок,— вы так похожи на наших лесных зверьков-бурундуков. Только у них хвосты длинные, пушистые и полосы на спине...

— Шагай дальше, верзила, откуда пришел. Мы понятия не имеем ни о лесе, ни о бурундуках. Мы степные зверьки, суслики! Понятно?—с достоинством ответил зверек. Лосенок смущенно побежал догонять маму-лосиху. Она шла впереди, за ней бежал малыш, а лось замыкал шествие.

День проходил за днем.

— Когда же мы придем в лес?— приставал лосенок к взрослым.

— Не ной, я сама не знаю, сердито отвечала лосиха.

Лоси всё шли и шли. Казалось, степным просторам не будет конца. Наконец вдали от реки показался небольшой лесок. Лоси прожили в нем несколько дней.

— Отец!— позвала лосиха,— посмотри, вон там виднеется еще лесок, идем туда!

— Я давно поглядываю на этот лесок, но он еще дальше от реки,— ответил лось.

— Ну и пускай дальше! Все равно берега на реке сделались голыми, даже кустиков нет!

Лоси зашагали по степи к далекому лесочку. Он оказался совсем небольшим. Но за ним виднелось еще несколько лесочков, а дальше еще и еще.

В одном из таких лесочков лоси неожиданно встрети-

лись с лесными знакомыми: две косули спокойно бродили по болоту в глубине лесочка.

— Здравствуйте, земляки! Как вы здесь оказались?— обрадовалась лосиха.

— Мы давно здесь живем, тетенька лосиха. В родном лесу стало тесно. Мы переселились сюда и живем чудесно. Переходим из одного лесного островка в другой.

— А нас выселил лось-одинец с нашего участка в лесу. Соседние лоси к себе не пустили. Вот и мы пошли по берегу реки навстречу солнцу!

— Будем жить вместе, друзьями по несчастью,— приветливо пригласили косули,— серые куропатки говорят, что здесь лесостепь.

— Будем привыкать жить по-новому,— решил лось, обернулся к лосихе и сказал:— Дальше не пойдем! С новосельем, вас!

ПОЧЕМУ ЧЁМГУ НАЗЫВАЮТ ПОГАНКОЙ

На самом берегу песчаного острова в огромном озере построила свое гнездо чайка. Как и положено молодой сильной чайке, она снесла зеленоватое яичко с крапинками и села на него. А потом подумала-подумала и снесла еще одно яичко, чтобы у сестренки был братик. А потом еще подумала-подумала и снесла еще одно яичко, чтобы у сестренки была еще сестренка. Приподнялась на своих высоких лапках, наклонила головку и пересчитала: раз, два, три! Теперь все в порядке, можно согреть яички своим теплом. Наверное, все малыши ее вырастут сильными, смелыми и отзывчивыми.

Сидит чайка день, сидит другой, смотрит, как солнце поднимается с восточной стороны озера и, обогнув небо, медленно опускается в озеро с западной стороны, будто оно водолаз и хочет походить по дну.

Чтобы получились и вылупились хорошие малыши, надо отдать много материнского тепла. Чайка терпеливо сидела, распушив перья и прислушиваясь к тому, что происходит в яичках. В них уже зарождалась жизнь. Если отдать яичкам столько тепла, сколько отдавала эта чайка, тогда наверняка появятся птенцы.

Чайка-мама поняла, как это важно. Ей очень хотелось иметь пушистых маленьких ребятешек. Она относилась очень серьезно к тому, что происходит под ее серебристыми крыльями.

Погода не всегда была ясной, иногда с севера приплывали наполненные дождем тучи, ветер сталкивал их. Из туч, как из рваных мешков, вытряхивалось сто миллионов дождинок, они падали, а поля и сады глотали эти дождемки. Озеро пенилось и пузырилось. Сазаны высовывали толстые носы из воды и ловили эти дождемки, сладко причмокивая: «Вот здорово!»

Дом у чайки был без крыши. Вот ремезы-синички строят такой домик, что в нем тепло и не дует, как вязаная рукавичка. Дятел построил себе дом в громадной сосне: выдолбил квартиру, прямо загляденье, а его дятлихе чем-то не понравилось это дупло и она заставила дятла выдолбить еще одно, а то отдали синичкам.

Итак, над чайкой не было крыши. Конечно, в хорошую погоду неплоха и звездная крыша над головой, что может быть лучше?! Но когда дождь и ветер — тут уж продует до последнего перышка. Но и в дождь и в ветер чайка терпеливо сидела на гнезде, отдавая свое материнское тепло яичкам.

Однажды в ненастную дождливую ночь появился незнакомец. Откуда он появился и как отыскал во тьме гнездо чайки? Но вот нашел. Толкнул своим клювом в бок, забрался под крыло, улегся среди теплых яичек и притих.

Чайка пыталась разглядеть маленького незнакомца,

но видно было плохо, капли скатывались по ее лбу и клюву, ведь зонта-то у чаек не бывает.

«Пусть погреемся, утром выясним, в чем дело», — подумала она и еще шире растопырила крылья.

К утру выглянуло мокрое солнце и долго еще просыхало в светло-голубом небе.

— Ты откуда, малыш? — спросила чайка, нагибая свою точеную головку.

— Я с озера Кара-куль, — пропищал из-под крыла малыш.

— Хочешь есть?

— Хотя бы самую маленькую рыбешку!..

В это время на озеро прилетел муж чайки, сильный и смелый Чай.

— Посиди за меня, — сказала чайка, я слетаю за рыбой и приведу себя в порядок.

— Откуда малыш? У нас вроде было только три яичка?

— Наверно, маму потерял. Дождь-то какой был ночью. Тут не только маленький, и большой испугается.

— Да, — сказал Чай. — Когда молния ударила в воду, я подумал, что озеро расколется или испарится.

Чайка улетела, а Чай сел на гнездо, растопырил крылья и стал спрашивать чайченка-пухлячка о его беде.

— Вчера на маму напал болотный лунь. Мама смело сражалась, а мы успели спрятаться в камыши. Я видел, как раненая мама упала в воду, она звала на помощь, в то время, как другие чайки гнали хищника. Внезапно из камышей выплыла нарядная-пренарядная птица, на голове у ней был пышный хохолок. Она плыла к маме и говорила:

— Я тебе помогу, потерпи, я тебя спасу! А сама ждала, когда мама умрет.

Уже темнело, но я видел, как нарядная птица клевала маму.

— Живи у нас, — сказал добрый папа Чай. Где трое, четвертый не будет лишним. И чайчонок остался. Вскоре вылупилось три малыша. Он был старше их всего на неделю, но это было большой разницей в их возрасте. Он чувствовал себя взрослым и учил пухляков, что делать, когда надвигается опасность.

Малыши были очень похожи друг на друга. Только мама могла их отличить от других точно таких же малышей. А надо сказать, что этой весной у чаек появилось по три, по четыре и даже по пять пуховичков, все они просили рыбок, ссорились из-за пустяков. На острове было шумно, весело, беспокойно, и, пожалуй, не каждый мог бы долго выдержать шумное общество чаек.

И вдруг на озеро приплыла незнакомка-путешественница. Высоко держа голову, она неторопливо перебирала черными лапками, клюв у нее тонкий и острый, а на спине сидел пестрый птенец. Никто не знал, откуда она, но вскоре с большинством чаек она была на «ты», и пошел по острову слух, что это необыкновенно умная птица, и птенец ее чрезвычайно одарен, и нуждаются они в особых условиях. Доверчивые чайки поспешили к незнакомке за советами. Незнакомка заявляла, что это озеро — ее вторая родина, что нигде она себя так хорошо не чувствует, как среди чаек. Ей предоставили лучшее место для гнезда и всячески старались помочь.

Неизвестную птицу, путешественницу по озерам, звали Чёмга. Через две недели всех, кого она ненавидела, должны были ненавидеть и молодые чайки. Всех, перед которыми она преклонялась, должны были превозносить молодые чайки. Авторитет Чемги был такой, что она стала главным судьей на празднике песни, главным судьей по плаванию и даже по высшему пилотажу, хотя сама летала весьма скверно, а подняться на воздух могла только с разбега, не то что чайки!

Везде она своя, эта ловкая Чёмга, везде она подает голос, властный и звонкий, к ней прислушиваются и чай-

кн, и утки. Куда им до этой выдающейся птицы! Вы только посмотрите, как она плывет на своем гнезде. На спине восседает птенец, конечно, выдающийся наследник ее ума и таланта, сын Чемги совсем не то, что сын кряквы-утки или чайки. Сын Чемги природный талант! Он возвышается над всеми, должен быть вожаком и поучать других. Все должны слушать, делать, что он прикажет и воспевать его на все лады. Всю черную работу по охране озера, по защите его от врагов пусть делают другие птицы, отважные, но не талантливые, дружные, но не пронирующие.

Итак, Чемга прижилась среди большой дружной семьи чаек — вошла к ним в доверие, на всех праздниках она находилась рядом с самыми знатными птицами.

Каждую чайку Чемга милостиво хлопала крылом по плечу, залезала в любое гнездо, словом, всем была кумой и сватьей. Это продолжалось бы бесконечно, но однажды на остров налетел болотный лунь: разбойнику захотелось полакомиться птенцами.

Чайки бросились на врага. Этот бой трудно описать, можно сказать одно, чайки соревновались в мужестве и ловкости, никто не отступал, не спасался бегством, каждая стремилась выгнать врага.

Когда же луна прогнали и чайки врачевали друг другу раны, кто-то заметил, что в сторонке под ивовым кустом сидит нарядная Чемга, уплетая рыбу, украденную из соседнего гнезда чайки.

— Ты почему не защищала наше озеро? — спросили чайки.

— Это озеро ваше, вы его и защищайте, — потупила глаза Чемга.

— Разве ты тут не живешь, разве ты не пользуешься всеми его благами? Ты говорила, что кончила путешествовать!

— Я не могу рисковать собой, потому что мой выдающийся птенец еще не оперился.

— Смотри, сколько могло погибнуть наших птенцов! Разве среди них будет мало талантливых ныряльщиков и летунов?

— Воевать — это не мое дело, — фыркнула Чемга.

Этот разговор слышал птенец, которого приютила в грозовую ночь чайка. Он слышал, как то надменно, то сладко говорила Чемга и вдруг захлопал крыльями:

— Вот птица, которая кричала моей маме, что спасет ее, а на самом деле она клевала ее грудь и проглотила белоснежное перо!

— Ты врешь, ты глуп и мал, — злобно воскликнула Чемга. — Я требую, чтобы тебя наказали. Ты оскорбил мою незапятнанную честь, я не проглатывала белоснежного пера с груди твоей матери. Я ухожу, я уплываю от вас путешествовать!

— Ты не уйдешь так просто! — воскликнули возмущенные чайки.

— Не уйдешь, пока мы не узнаем доподлинно, кто ты есть и зачем жила у нас.

Самая быстрая чайка полетела в лес и вскоре вернулась с доктором дятлом. Он под правым крылом держал волшебное зеркальце, оно помогало ему видеть даже то, что было укрыто под корой дерева. Он приставил волшебное зеркальце к животу Чемги и тут все увидели в ее желудке белоснежное перо с груди погибшей чайки.

Предгрозовая тишина воцарилась над островом.

— Это перышко с груди моей матери, — печально сказал осиротевший птенец.

— Вот она какая, Чемга! Может ли она жить среди честных, дружных и смелых птиц? — закричали чайки.

— Не может, — донеслось со всех концов острова. — Вон ее с нашего острова!

Чемга старалась держать голову повыше, поплыла со своим важным птенцом путешествовать по другим озерам. Чайки разнесли по всему миру весть о том, какая Чемга поганая — ест мертвых птиц!

С тех пор эту птицу зовут поганкой и только те, кто не знает, что скрывается за ее яркой внешностью, могут назвать ее Чемгой.

СИНИЧКИНО НОВОСЕЛЬЕ

Первый день

В начале июня в бору над Иртышом было шумно и хлопотливо. Во всех гнездах птицы справляли дни рождения.

Большая синица волновалась сильнее всех. В дупле старой сосны у нее вылупились в это утро пятеро желторотых, полуголых птенцов-близнецов.

Мама-синица так беспокоилась, что отец птенчиков совсем сбился с крылышек, разыскивая зеленых гусениц на зеленых листьях черемух по берегу извилистой речушки.

Едва первые лучи солнца освещали стволы сосен, как птенцы просыпались и разом кричали:

— Есть! Есть! Есть!

— Что же ты сидишь? У нас ведь теперь семья! Нужно кормить детей,— торопила мама-синица.

Папаша, с желтой грудкой, с черной полоской посередине, что есть силы взмахивал коротенькими зеленоватыми крылышками и летел на речку в черемуховые заросли.

Но сколько бы ни носил он гусениц — все было мало. Аппетит у малышей рос с каждой минутой! Наконец синица-мать не выдержала их крика и сказала:

— Сидите тихо, чтобы вас соболев не съел, а я полегчу, помогу отцу.

За день синицы слетали за гусеницами двести раз, и когда, наконец, солнце закатилось, у них подкашивались

лапки от усталости. А крылышки отказывались махать.

Птенцы забрались под маму, уткнулись в ее мягкие перышки и уснули.

Сумерки быстро сгустились. Бор наполнился ароматом свежей сосновой хвои. Папаша устроился на ночлег на ветке около входа в дупло. Он спрятал головку под крылышко и сразу уснул. Но синичке-маме не спалось, и она пискнула:

— Иди сюда!

— В чем дело? — спросил папаша, оглядываясь.

— Залезай в дупло. А то тебя сова может съесть. Не хочу быть вдовой!

Он торопливо юркнул в гнездо.

— А ты подумал, как мы назовем наших малышей?

— О, это очень трудно. Ведь надо придумать сразу пять имен!

— Давай назовем их именами наших дедушек и бабушек, — предложила неугомонная мама.

— Как твоего дедушку звали?

— Толстоклювик.

— Это чудесное имя. Пусть вот этот малыш, который съел сегодня больше всех гусениц, и будет Толстоклювиком, — решил отец.

— А как звали твою бабушку?

— Белошечкой.

— Значит, назовем и мы так нашу маленькую дочку. А третьего мы назовем, как моего папу — Короткохвостиком.

Страшный враг

В это время за дуплом что-то зашуршало, и синички испуганно притаились, не успев придумать имена другим птенцам.

— Это очень подозрительно, сейчас все порядочные птенцы спят,— шепнул папа.

— Уж не лезет ли к нам убийца-соболь?— прошептала мама.

— Не беспокойся, милая, я все предусмотрел. У нас маленький вход — к нам не залезут ни соболь, ни сова! В дупло заглянула чья-то хищная мордочка с тонкими усами и маленьким носиком. Этот носик шевелился.

— Соболь!— испуганно прошептала мама и еще плотнее прикрыла своих малышей.

Короткохвостик услышал разговор родителей и приоткрыл глаза. Он еще не понимал, что такое опасность. И поэтому пискнул на все дупло:

— Мама, это кто-то нам гусениц принес?

— Тсс... Молчи, глупенький, ни звука!— прошептала мама.

Снаружи царапались, но Короткохвостика надоело ждать. Глаза сами собой закрылись. Он не умел бояться и уснул как убитый. А соболь уже просунул в дупло лапу.

Вдруг захлопали крылья, в дупло пахнуло ветерком. Синицы услышали, как соболь прыгнул прямо в колючий куст шиповника под сосной. Наступила тишина.

— Как я испугалась, вся дрожу. А что если бы соболь пролез к нам в дупло? — прошептала мама-синица, от страха стуча обеими половинками клювика.

— Успокойся, родная!— со вздохом облегчения сказал папа. — Это нам помог филин. Он ведь может съесть соболя. Жаль, что это ему не удалось. Но соболь, конечно, здорово поцарапался о колючий шиповник.

— Так ему и надо! — ответила мама. — А наш Короткохвостик такой любопытный, что может быстро попасть в беду.

Синицы успокоились.

Папа засунул головку под крыло и заснул так крепко, что даже не видел за ночь ни одного сна.

Прощай, дупло!

Ох, и длинными же были эти восемнадцать дней жизни птенцов в гнезде.

Золотой лучик солнца по утрам заглядывал в дупло, и тогда там было светло и весело. Короткохвостик с изумлением замечал, какими красивыми становятся его братья и сестры. Раньше они были голыми и большемерными. Сейчас с каждым днем крылышки у них лоснились все больше, носики стали смешными, с желтыми оторочками по краям, а в глазах засверкали веселые огоньки. Им было уже тесно в маленьком гнездышке, они толкались и часто ссорились.

— Неужели я всю жизнь проведу в этом дупле? — возмущался Короткохвостик, расталкивая сестер и братьев. Он пытался выглянуть из дупла, чтобы узнать, куда каждый день убегает лучик.

Но лучик убегал за другие деревья и больше не возвращался до следующего утра.

Однажды утром мама принесла гусеницу, и все птенцы разом потянулись к ней. Гусеница досталась сестренке — Белощечке. Тогда остальные начали хором кричать:

— А мне, а мне!

Но мама почему-то совсем не торопилась улетать, она села на ветку недалеко от дупла и долго приводила в порядок свои перышки. За весь день птенцы получили всего по несколько гусениц. Короткохвостик же так проголодался, что готов был съесть всех гусениц на свете!

На третий день мама появилась с аппетитнейшей гусеницей в клюве. Но она не залетела в дупло, а села на сучок рядышком и заманчиво потряхивала вкусным завтраком.

— Смотрите, что у меня есть, хотите дам?! Вылезайте из дупла. Ну, кто самый смелый?!

Как на это решиться? Страшно! И все-таки Короткохвостик высунулся из дупла. Уж очень хотелось есть.

— Прыгай ко мне на ветку, прыгай! Это совсем не страшно!— звала мама и показывала гусеницу с разных сторон.— Взмахни крылышками! Вот так, как я, смотри!— и мама перелетела на соседнюю ветку.

Короткохвостик, замирая от страха, прыгнул и замаха крылышками. Нет, он не упал. Наоборот, его так и подбросило на ветку к маме!

Короткохвостик крепко вцепился в ветку лапками и тут же забыл о всяком страхе: рядом, в клюве мамы, была гусеница. До чего же она оказалась вкусной, как никогда!

Мама улетела. Короткохвостик оглянулся, сорвался с ветки и, что есть силы, замаха крылышками. В ужасе он чувствовал, что под ним ничего нет, только воздух. Он поджал лапки и пролетел до соседнего сучка. Всего метров пять, но какое это было счастье!

Снова появилась мама с гусеницей, уселась перед входом в дупло и выманила из него Белощечку, потом Толстоклювика и остальных синичат. Как они смешно махали крылышками и неловко цеплялись лапками за ветки!

А Короткохвостик с любопытством оглядывался. Все кругом казалось таким необычным! Везде яркий свет, голубое небо над головой, чудесный запах хвои сосен и свежих клейких листочков берез. Оказывается, солнечный лучик никуда не убежал и он не один, а множество их пронизывают листву. Как все это замечательно после душного, темного дупла! Нет, он больше ни за что не вернется в него из этого чудесного мира!

Птенцы с этого дня уже не сидели в гнезде. Теперь можно не ждать! Знай гоняйся за мамой или папой с ветки на ветку, трепещи крылышками, пищи и вперед всех получишь гусеницу! Синичата быстро усвоили эту возможность и пискливой стайкой гонялись за родите-

лями. А они выдавали гусениц, как премии, самым смелым и ловким. Обучение летному мастерству продолжалось до вечера.

Лесная жизнь

Лесной мир был такой огромный и прекрасный. Короткохвостик сначала очень неуверенно перепархивал с ветки на ветку, срывался, отчаянно трепетал крылышками и с трудом усаживался прочно. Но скоро он уже не отставал от папы и мамы. Летел точно на их зов, хотя в густой хвое трудно было что-либо разглядеть.

Однажды что-то забурчало на лесном озере:

— Ква-ква-ква!

— Папа! Где наше дупло? Надо скорее прятаться. Эти звери, наверное, пострашнее соболя?!— испуганно запищал Короткохвостик.

— Не бойся, глупышка! Это кричат лягушки. Глаза у них навывкате, рот до ушей, а сами безобидные. Они едят, как и мы, всяких мошек и червячков. Тебе пора различать по голосу, кто враг и кто друг.

— А это кто кричит на березе, такой желтый-прежелтый?— спросил Короткохвостик.

— Это иволга, она не кричит, а поет. Все ее родственники живут в теплых странах, а она прилетает к нам на лето. У нее и окраска птиц жарких стран. На зиму иволги обязательно улетают к своим родственникам. Ты внимательно прислушивайся, сынок, и учись узнавать птиц по голосам, а сам пой свою песенку. Не бери в пример скворца, он всем подражает. Над скворцом все наши птицы смеются и зовут его пересмешником.

Никто из синичат даже не вспомнил больше о душевной комнатке в дупле. С каждым часом они все увереннее перепархивали с ветки на ветку и даже пробовали сами схватывать гусениц.

На берегу лесного озера началось оживление. Запересвистывались кулички. На другом конце озера закурлыкали журавли.

Из прибрежных зарослей осоки выплыла дикая утка с утятами. Нескладные, шустрые утята еще не умели летать и только с шумом и плеском гонялись по воде за стрекозами. Один утенок заплыл дальше всех. Вдруг из осоки выскочил селезень, бросился на утенка и стал его клевать.

— Мама, мама! — жалобно запищал утенок. В один миг утка была около него. Вытянув шею, она громко зашипела по-змеиному и бросилась на селезня. Селезень нырнул и показался уже далеко от утят. Потрепанный утенок больше не отплывал от матери.

Все это произошло на глазах синичат. В это время они искали гусениц на соснах у самого берега.

— За что селезень так больно наказал утенка? — пискнула Белошечка со слезами на глазах.

— Селезень, дочка, несчастный вдовец, — ответил папа. — Я сам видел, как весной браконьер застрелил его подругу — уточку. Теперь селезень с завистью поглядывает на счастливые утиные семьи. Характер у него совсем испортился от одиночества. Свою злость он готов излить на ком угодно из-за постоянного плохого настроения.

— А что такое браконьер? — спросил Короткохвостик.

— Это очень плохой человек. Он убивает птиц, когда у них семьи, а маленькие сироты гибнут без родителей. Берегитесь, дети, браконьеров!

Солнце садилось все ниже и ниже. Наконец оно совсем скрылось. Над березами закружились крупные майские жуки. Они совсем не умели молчать и непрерывно гудели.

— На сегодня хватит, дети. Давайте устраиваться

на ночлег. Полетим вон к той густой сосне!—скомандовала мама.

Синичата полетели за своими родителями.

— Садитесь все на этот сучок!— распорядилась мама.— Так, так, еще ближе к стволу. Теперь нас даже самая глазастая сова не заметит.

— А соболю?— спросил Короткохвостик.

— Тци-и! Ни звука!

Ночь была наполнена разными звуками. Ухал филин, иногда кричала совсем близко сова, и тогда мама испуганно выдергивала головку из-под крылышка и тревожно прислушивалась. Лягушки на озере оглушительно кричали. Луна, большая и круглая, все залила голубоватым светом. Лес был окутан легкой дымкой тумана.

Короткохвостик несколько раз просыпался и все удивлялся, почему еще нет солнышка, зачем оно уходит так надолго?

Но вот солнце показалось над бором. Сразу произошло чудо: лес проснулся, птицы запели на разные голоса. Короткохвостик хотел проснуться раньше всех, но опоздал и открыл глаза последним. Все синичье семейство уже занималось утренним туалетом — приводило в порядок свои перышки.

— Живу, живу!— зачирикал полевой воробей.

Белобровый дрозд сел на верхнюю ветку старой ели, посмотрел на лесные дали и запел оглушительно громко.

Удод гордо расхаживал по поляне, вскинув к солнцу головку с пестрым хохолком. Он все время кланялся, точно здоровался со всеми.

— Тут, тут!— заявил он обрадованно, воткнул клюв в мягкую землю до глаз и вытащил белую гусеницу с желтой головкой. Удод ударил ее несколько раз о землю и проглотил, как пилюлю.

— Пеу-пеу-пеу!— и над вершинами сосен стремительно пронесся сокол-чеглок. Все птицы смолкли. Синички тоже сразу притаились, словно по команде.

Спасение белки

Белка нашла около пня гриб-масленок и потащила его на дерево. Там она наколола гриб на сухой сучок.

— Зачем белка наколола гриб, ведь она и так могла его съесть?— спросил Короткохвостик.

— Это зверек очень расчетливый. Летом он делает запасы на зиму. Ну, сиди тихо, а я полечу, принесу тебе что-нибудь покушать.

Между тем белка опустилась опять на полянку и отыскивала замечательный гриб-подосиновик с коричневой шляпкой, на толстой ножке. Он был такой огромный, что белочка стала его перетаскивать по частям, большими кусками. Она так увлеклась работой, что не заметила, как над поляной промелькнула тень ястреба.

Пернатый разбойник сразу заметил добычу и бросился на нее.

Короткохвостик задрожал от ужаса и запищал изо всех сил, напрягая свое горлышко:

— Беда, беда, беда!

Его крик сразу подхватили сестры и братья на соседних деревьях.

Белочка подняла голову и кинулась на ближайшую сосну. Она винтом поднималась по стволу. Ястреб решил поймать ее во что бы то ни стало. Но ему приходилось каждый раз облетать ствол дерева, делая значительно больший круг, чем белочка.

С волнением Короткохвостик следил за белкой, пока она не скрылась в дупле.

Пернатый разбойник улетел ни с чем.

— Цок-цок-цок! Спасибо, синички, что предупредили вовремя!— донеслось из глубины дупла.

Снова наступил вечер. Солнце медленно скрылось за вершинами леса. Все реже перекликались — «рюмкали» зяблики. Пускали звонкую трель вьюрки. С каждой минутой становилось прохладнее. От лесного озера потя-

нуло сыростью. Хор лягушек опять сменил голоса птиц.

Тихие сумерки начали сгущаться. Семья синиц расположилаь на ночлег среди густых ветвей старой сосны на самом краю просеки. Они заботливо приводили в порядок свои перышки перед сном.

— Хор-хор-хор...— захоркала какая-то носатая птица и пролетела поперек просеки. Странные звуки утихли вдали.

— Мама, почему этот носатый дядя плачет?— спросила Белощечка.

— Папочка, он подавился?— удивился Короткохвостик.

— Отец, объясни им, я занята прической перышков,— сказала мама усталым голосом,— и пожалуйста, чтобы это были последние вопросы на сегодня, пора спать!

— Это, дети, лесной кулик-вальдшнеп, он не плачет и не кашляет, а поет!

— Ха-ха-ха!— засмеялись синичата.

— Вот так певец!

— Не лучше лягушки!

— Хрюкает, а не поет!

Когда веселье стихло, папа объяснил:

— Вы еще малы и это рано вам знать, скажу только, что жена у этого вальдшнепа сейчас сидит на гнезде и греет четыре яичка. Ей приятно слышать песню мужа. Не сегодня-завтра у них появятся на свет птенцы и тогда будет не до развлечений.

— А что такое любовь?— спросил кто-то из синичат и зевнул.

— Будете постарше — узнаете. А сейчас, дети, спать пора.

В это время опять раздалось хорканье и лесной кулик темным силуэтом показался на фоне гаснущей зарн. Он свернул и полетел над просекой.

— Мой старый друг вальдшнеп сломал вчера лапку,— сказал папа утром.

— Бедненький вальдшнеп, он теперь умрет?— жалобно спросила Белощечка и в глазах у нее сверкнули слезинки в лучах гаснущей зари. Она была удивительная плакса. Братья постоянно подсмеивались над ней и говорили, что у нее глаза всегда на мокром месте.

— Нет, дочка, если вальдшнеп ранен только в лапу, он вылечится. Мы непременно завтра навестим его и справимся о здоровье. Я давно знаком с вальдшнепом, огорчен неприятностью с ним. А теперь всем спать. Тсс-сс... ни звука больше!

Синичата успокоились. Глаза у них стали сами собой закрываться. Они дружно уснули.

Утро выдалось росистое и прохладное. Белые цветы подмаренника прянно пахли медом. На влажной траве поблескивали росинки. Они свисали с кончиков травинок, а солнечные лучики сверкали и переливались в них, как в фонариках огоньки.

Синицы наскоро позавтракали и заторопились навестить больного вальдшнепа. Папа всегда все знал. Он уверенно заперепархивал с дерева на дерево все дальше в лес и привел синичат в сырой темный овраг.

— Где ты, старик?— пискнул папа над оврагом.

В ответ кучка сухих листьев в овраге зашевелилась. Оказалось, что это совсем не листья, а лесной кулик-вальдшнеп. Окраска его перьев была очень похожа на листья. Заметить его было невозможно, пока он не пошевелился и не ответил:

— Ах, это ты, приятель? Я всю ночь не спал от боли. Но под утро я забинтовал ногу толстым слоем грязи. Боль утихла. Теперь раненая нога у меня спокойно срастется. Я это хорошо знаю.

— Я очень рад за тебя, старик. Поправляйся скорее. Мы будем навещать тебя ежедневно.

— Спасибо, синички, я тронут таким вниманием с вашей стороны. Вы первые, кто навестил меня.

Синицы полетели домой. По дороге Короткохвостик спросил:

— Папа, это доктор Айболит научил вальдшнепа как лечить лапку?

— Нет, сынок, это умение передалось вальдшнепу по наследству, как тебе умение летать. Белочки тоже так лечат сломанные лапки, только бинт они делают из серы деревьев.

Первый знакомый

Как же хорошо было в лесу! Впрочем, соболю, ястребу и браконьер мерещились Короткохвостик за каждым деревом. Он поэтому внимательно осмотрелся, когда подлетел к озеру напиться. Набирал несколько капелек в клювик, поднимал голову и глотал. Потом опять осматривался по сторонам. И все же Короткохвостик не слышал, как раздвинулась трава и появилась плоская, рыжеватая птица с носом, похожим на шило. Короткохвостик на всякий случай отскочил в сторону и вежливо поклонился:

— Здравствуйте, дяденька, я — Короткохвостик!

— Добрый день, Короткохвостик! Будем знакомы — я коростель.

— О, я так много слышал о вас! Еще когда был совсем маленьким, мне рассказывали, что вы к нам из Африки приходите пешком!

— Крэк, крэк, крэк! — засмеялся коростель так громко, что в лесу отозвалось эхо. — Как смешно, милый мой, когда сочиняют про нас всякую ерунду! Посмотри на мои лапки, они внизу совсем мягкие и нежные. Ты спроси этого болтуна, который рассказывает про меня всякие небылицы, видал ли он хотя бы один раз корос-

теля в степи, пустыне или в горах? С такими лапками там и километра не пробежать.

— А сколько вы можете пройти пешком?

— Сколько угодно по болотам и сырым лугам, а по сухой земле и камням совсем не могу. Видишь, какая у меня обувь? Я босая птица. И с зимних квартир в теплых странах лечу напрямик домой, на родные луга, где родился и вырос.

— Но ведь это же очень далеко!

Коростель грациозно расправил крыло:

— Посмотри, какое у меня заостренное крылышко, как у любой перелетной птицы. А знаешь, какое у меня могучее сердце? Оно работает, как часы, и я могу без отдыха пролететь сотни километров.

— Но ведь вас могут схватить ястреб или сокол?

— Что ты, милый. Я днем не летаю, а только ночью. Поэтому про меня и сочиняют всякую чепуху!

Вечером Короткохвостик рассказал об этой встрече синичатам:

— Подумать только, коростель облетел полсвета и ничуть не зазнается. Разговаривал со мной, как будто и у меня такие же крылья и сердце и я могу летать, куда захочу.

Гибель Белощечки

— Короткохвостик, смотри, что я нашел!— позвал его братец Толстоклювик из густой кроны сосны.

Короткохвостик подлетел и увидел, что Толстоклювик с любопытством рассматривает колючую гусеницу. Она медленно ползла на ветке, задрав вверх хвост.

— Скажи, братец, как бы мне ее съесть, такую колючую?— спросил Толстоклювик.

— Во всяком деле есть свои приемы,— солидно ответил Короткохвостик. Он схватил гусеницу и стал хлест-

тать ею по веткам до тех пор, пока с нее не слетели все волоски.

— Теперь попробуй, как это будет вкусно!— сказал он и подал брату гусеницу.

Толстоклювик проглотил и только головкой покачал:

— До чего же вкусно! Вот спасибо-то! Кто это тебя научил?

— Папа, он всегда так делает!

Тут же на стволе сосны синичата нашли целые склады яичек ночной вредной бабочки — соснового шелкопряда и начали поедать их.

— А ну, кто больше съест!— задорно кричал Короткохвостик.

Соревнование закончилось победой шустрой Белощечки. Это было признано всеми синичатами. Неутомимый на выдумки Короткохвостик предложил:

— Теперь давайте соревноваться, кто быстрее перелетит вон до той сосны. Три, четыре — начали!

Синички дружно вспорхнули. Но Белощечка так наелась, что не смогла высоко подняться и полетела над самой травой. Она последней села на нижнюю ветку, тяжело дыша. Но тут с ней произошло что-то необыкновенное: она странно затрепетала крылышками и посмотрела вниз на землю. Только теперь Короткохвостик увидел под веткой змею-гадюку. Она приподняла голову и устремила свой страшный взгляд на его сестренку.

— Выше, выше, поднимайся выше!— закричал что есть силы Короткохвостик, а за ним и другие синичата. Но было поздно. Беспомощно растопырив крылышки, синичка вся поникла на ветке.

— Белощечка, что ты делаешь? Маши крылышками, лети к нам!— взволнованно пищал Короткохвостик.

Но сестренка уже ничего не слышала. Леденящие, немигающие глаза гадюки притягивали Белощечку как магнит. Змея сделала молниеносный бросок, и синичка оказалась в ее пасти.

Ошеломленный Короткохвостик увидел, что змея сделалась немного толще в одном месте. Но у нее было еще много места для других птичек. Гадюка теперь в упор смотрела на Короткохвостика, и ему вдруг неудержимо захотелось прыгнуть пониже...

В это время в траве под деревом раздалось посапывание и шорох. На поляне появился зверек, вся спина и бока которого были густо покрыты иголками. И тут случилось неожиданное — страшная змея испугалась маленького зверька и быстро заструилась по траве в сторону. Но зверек догнал ее, схватил за хвост, а сам свернулся в клубок. Гадюка извивалась, шипела, пыталась укунить колючий шарик, но всюду натывалась на иголы. А зверек спокойно ел змею, начиная с хвоста.

— Дяденька, нельзя ли выпустить из ее живота мою сестренку? — жалобно пискнул Короткохвостик. Он сразу пришел в себя, как только змея перестала смотреть на него.

— Нельзя. Мы немножко запоздали, — басом ответил зверек.

— Ты отомстил за мою сестренку, благородный незнакомец. Скажи, как тебя зовут?

— Зови меня Ежиком и ты не ошибешься.

Шли дни. Синичата теперь часто встречались с ежиком, и колючий зверек удивлялся проворству Короткохвостика.

— У тебя чудесный аппетит! Удивляюсь, как много ты ешь гусениц и мошек.

— Вы правы, дядя Ежик! Я съедаю за день насекомых больше, чем мой собственный вес.

— Удивительно! — воскликнул ежик и даже почесал за ухом задней лапкой, весь изогнувшись, чтобы не уколоть пальцы.

— А я, представьте себе, справляюсь и даже не очень толстею!

— Да, бывают чудеса, — задумчиво ответил ежик. — Ну, мне пора спать, уже утро, и я опять задержался! Ежик громко вздохнул и полез, сопя, под кучу хворос-га.

Летят перелетные птицы

Дни становились холоднее. От северного ветра деревья стонали и раскачивались, словно хотели вырвать из земли свои корни и убежать куда-то без оглядки.

Незаметно лес изменялся. Каждый день приносил какие-нибудь новости молодым синичкам. Вчера еще на берегу озера бегали веселые кулички-черныши, а сегодня их нигде не видно. Остались только следы, но и их холодный ветер замел песком.

— Куличков больше не увидите, они улетели в теплые страны, — сказал папа.

Листья на осинах, прежде зеленые, упругие, теперь стали красноватыми, жесткими. По всему лесу, с едва заметным шорохом, они сыпались с деревьев, как разноцветный дождь.

Насекомых становилось все меньше, они прятались в трещинах коры и по другим укромным местам.

Осень неудержимо наступала на лес, а за ней и зима.

Высоко над лесом летели дикие гуси на далекий юг. Над ними, еще выше, звенели крыльями и величественно плыли лебеди под самыми облаками. Ниже всех то-ропливо летели стаи уток.

— На юг, на юг! — печально трубили журавли: — Что нам делать на болоте, если оно замерзнет?!

Короткохвостик сидел на дереве и наблюдал за отлетом птиц. Ему тоже хотелось лететь куда-то далеко-далеко, в неведомые страны. Но что можно было сделать

с такими коротышками-крылышками? Только порхать по лесу.

— Напрасно ты мечтаешь о каких-то странах!— сказал однажды отец.— Выбрось это из головы. С незапамятных времен большие синицы жили только там, где родились.

— Вдруг где-нибудь есть наши родственники, а мы просто не знаем об этом?

— Да, родственников у нас много. Это верно,— согласился отец.— Но мы особые, нас зовут большими синицами. Нас уважают люди за то, что мы съедаем очень много вредных насекомых. Зимой будет мороз до сорока градусов, но мы его переносим легко, ведь температура нашего тела тоже сорок градусов тепла. Так что мороз не так уж страшен, был бы только корм. Ты должен гордиться тем, что синицы не боятся холодов.

— А скоро начнутся морозы?

— Через три дня. Видишь, воробьи с утра начали утешать свои ночлеги перьями и пухом. Значит, наступят холода.

Зимний друг

Ночью пошел снег. Утром Короткохвостик увидел, что летят белые мухи. Он пытался их ловить, но они сразу таяли у него в клювике, словно их и не было!

Короткохвостик облетел весь знакомый участок леса, но с трудом только ненадолго утолил свой голод. Вдалеке раздался стук дятла. Зимнее солнце едва поднялось над бором и озарило красную шапочку дятла. Он работал, опершись на свой твердый хвост. Его белое брюшко выделялось, как жилетка.

Стук дятла услышали и другие синицы. Они слетелись с разных сторон и образовали дружную бригаду.

Дятел долбил старый ствол сосны и доставал длинным язычком короедов из-под коры. Ее кусочки летели вниз на снег вместе с личинками короедов, жуков-дровосеков и яичками бабочек. Синицы прыгали по снегу под сосной и торопливо завтракали.

Так синицы и летали с утра до вечера за дятлом.

А снег все шел и шел. Казалось, небо хотело все покрыть толстой снеговой периной, чтобы земля не промерзла глубоко. Поверх зеленых лап сосен и елей легли пышные снежные шали.

В плену

В это раннее морозное утро Короткохвостик увидел в городском парке новую сетчатую кормушку с открытыми дверцами. Там был насыпан особенно вкусный корм. Короткохвостик не подозревал, что это западня. Он спокойно прыгнул в открытую дверцу. И, о ужас! Дверца с громким стуком захлопнулась. Короткохвостик отчаянно забился в тесном помещении.

Подошел человек в зеленой куртке и в фуражке с золотыми перекрещенными веточками над козырьком. Он просунул в ловушку огромную руку и схватил Короткохвостика. Еще минута, и пленник оказался в большом деревянном ящике с сетчатой стенкой. Там уже билось множество таких же синиц, как он. Все они были перепуганы, возмущены, щебетание, писк разносились по всему парку. Скоро возле ящика собралась толпа.

— Это браконьерство — ловить птиц в городском саду! Немедленно выпустите их! — возмущенно говорил пенсионер человеку в зеленой куртке.

— Гражданин, нельзя держать в неволе наших друзей! — бурно протестовала учительница с портфелем. — Вы подаете дурной пример детям!

— Давайте разломаем клетку и выпустим синиц! — предложил парень в шинели, только что демобилизованный из армии.

— Подождите, товарищи, не волнуйтесь! — остановил их человек в зеленой куртке. — Мы совсем не хотим причинять зла синицам. Через несколько часов все они будут на воле!

— Зачем же тогда вы их ловите?!

— По просьбе садоводов! Читай вслух, чтобы все слышали, — и он протянул мальчику какую-то бумажку со штампом.

«У нас много садов, — начал мальчик. — Наши яблоки апорт славятся на весь Союз. Но мы каждый год недобираем урожай, потому что тонны плодов гибнут от нашествия вредных насекомых...»

— При чем же тут синицы? — перебил военный.

«...И мы решили привезти к нам из Сибири больших синиц, — продолжал читать мальчик. — Из всех синиц они самые крупные. Большие синицы помогут нам очистить сады от вредных насекомых».

Все начали понимать в чем дело.

— А как же вы повезете их? Ведь до Алма-Аты поезд идет двое суток, — спросила учительница.

— Зачем же везти их в поезде? — ответил человек в зеленой куртке. — Через два часа отлетает самолет, и все синицы сегодня будут в садах Алма-Аты! Мальчик, ты можешь проводить синиц до самолета и написать казахстанским юннатам; чтобы сообщили, как будут себя чувствовать птицы на новом месте. Можешь? Тогда помоги погрузить клетки на машину.

Пассажиры «ИЛ-18» удивленно оборачивались, слыша доносящийся из ящиков писк и щебет. Заработали двигателями, самолет разбежался по бетонной дорожке и взвился в небо.

Синицы над облаками

Ящик с синицами находился около самого окошечка. Короткохвостик очень удивился: все стало уменьшаться, дома и деревья остались внизу. Короткохвостик понял, что летит, и замахал крылышками.

— Что ты машешь, дурачок?— проворковал его сосед по клетке — почтовый большеносый голубь.

— Как что? Мы же летим и можем упасть, если не махать!

— Невежда! Мы на самолете, ты можешь спокойно спать. Меня уже третий раз везут.

— Зачем?

— Я почтовый голубь. Меня отвезут за тысячу километров, отпустят, а я найду дорогу домой и вернусь на крышу голубятни юных натуралистов.

— И вы не заблудитесь?

— Ну если попаду в туман или близко к мощной передаточной радиостанции, тогда конечно, могу заблудиться. Но потом все равно найду дом, только с опозданием.

— Тогда и я найду дорогу в родной бор!— обрадовался Короткохвостик.

— Нет, не надейся даже на это — ни за что не найдешь!

— Почему?

— Ты не перелетная птица, которая еще лучше меня находит дорогу. Посмотри на свои крылышки: они такие коротышки, что тебе думать нечего лететь далеко!

Короткохвостик вздохнул и грустно посмотрел в окошечко.

Внизу была громадная припорошенная снегом степь, очень ровная. Кое-где стояли высокие элеваторы, виднелись русла замерзших рек. Лесов совсем не было.

— Здесь совершенно негде жить!— удивлялся Короткохвостик. Он хотел было сказать об этом соседу голу-

бую, но не смог из-за гвалта синиц. Они волновались, ссорились, пищали:

— Куда нас везут?

— Что с нами будет?

— Уж лучше бы соболей дома съел!

Короткохвостик совсем оглох от этого шума, у него зарябило в глазах. Он даже не заметил, как самолет трянуло, гул двигателей изменился; а внизу замелькали дома и деревья. Самолет приземлился.

Свежий весенний ветер ворвался в открывшуюся дверь самолета. Ящики с синицами подняли и понесли.

Свобода!

Машина мчалась по широкому проспекту. Он как стрела уходил в сторону гор со снеговыми вершинами. По обеим сторонам проспекта у подножия огромных пирамидальных тополей весело журчали арыки с прозрачной горной водой.

Еще утром Короткохвостик грел то одну лапку, то другую у себя в перышках на брюшке, прыгая по глубокому снегу. А здесь на деревьях весело распевали скворцы. Они свистели и кричали на все голоса.

Синицы притихли и с удивлением поглядывали через решетчатую стенку ящика-тюрьмы.

— Вот и мы как перелетные птицы!— удивлялись синицы.

— А я-то завидовал коростелю,—вспоминал Короткохвостик,— куда ему до нас! Он не пролетает и ста километров в час, а сосед голубь сказал, что мы летели со скоростью 900 километров.

Машина въехала в широкие ворота, над которыми красовалась вывеска «Зоопарк», и остановилась около пруда. Множество уток, гусей и еще каких-то незнако-

мых птиц плавало там вместе с белыми и черными лебедями.

— Привезли! Привезли!— вдруг раздались задорные детские голоса.— А мы уже кольца приготовили!

Что произошло дальше, Короткохвостик плохо помнил — настолько он был напуган! Какая-то огромная ручища схватила его так, что только клювик высовывался между двух пальцев. Потом другая ручища оттянула его правую ножку и он ощутил на ней что-то холодное.

— Готово, отпускай!— раздался громкий голос.

Ручища разжалась. Короткохвостик несколько мгновений приходил в себя на широкой ладони. Потом отчаянно замахал крылышками и вспорхнул на ветку карагача. Он долго осматривался, а рядом садились другие синицы, такие же перепуганные, взлохмаченные, с серебристыми колечками на лапках. Они ошеломленно озирались, попав сразу из зимы в весну.

Новые друзья

Короткохвостик скоро успокоился, перелетел на пруд к длинной кормушке у самой воды. На краю ее сидела длиннохвостая птица, похожая на голубя.

— Разрешите познакомиться, я большая синица — Короткохвостик, — отрекомендовался он. — А вы кто?

— Ах, и не спрашивайте, Короткохвостик. Я ташкентская горлица. В какой ужасный край я попала! Представьте себе, здесь снег выпадает в конце декабря, а лежит до конца февраля! Ну как жить в таком ужасно холодном Семиречье?

— Вы шутите, Горлица?— удивился Короткохвостик. — У нас в Сибири снег выпадает в октябре и лежит до апреля. К тому же морозы до сорока градусов и бураны по несколько дней.

— Какой ужас! Как вы там не замерзаете?!

— Надо только побольше есть и двигаться!

— Вам хорошо, синицам, вон вы какие пушистые! А я, как балерина, вся на виду, перышки у меня редкие, прозрачные. Я все время мерзну. Просто не представляю, как перенесла зиму! Домой, в Ташкент, мне не улететь — я ведь не перелетная птица. Придется теперь жить здесь всегда.

— Послушай, Горлица! Говорят, нас привезли сюда, чтобы мы очищали сады от вредных насекомых. А вас зачем?

— Для украшения города, мы ведь очень нежно воркуем и совсем не боимся людей!

Женщина в белом халате вышла из двери зверокухни и насыпала корм в кормушки. Сразу же прилетели дикие утки. У каждой утки на лапке было алюминиевое колечко с номером, такое же, как у синиц, только большее.

Около кормушки толпились разные птицы. Многих Короткохвостик видел впервые. Птицы ссорились, схватывая корм. Короткохвостик прошмыгнул совершенно спокойно между ног большого лебедя, под его белым брюхом, как под самолетом, только приготовился схватить зернышко подсолнуха, как услышал радостное восклицание:

— Здравствуй, большая синица!

Короткохвостик обернулся и увидел маленькую голубоватую птичку, чем-то похожую на его сестру Белошечку.

— Право, я не узнаю... извините! — смутился Короткохвостик.

— Я твоя двоюродная сестричка — белая лазоревка, тоже синица, только маленькая. А как тебя звать?

— Короткохвостик. Почему ты такая маленькая?

— Мы такими рождаемся. По тонким веткам яблонь даже удобнее перепархивать маленьким. Мы ведь целые

дни спасаем сады от вредной яблоневої моли. У нас так много работы, что мы не справляемся.

— А сколько ты можешь съесть гусениц яблоневої моли за день?

— Столько же, сколько вешу сама, даже чуточку больше!

— Я тебе обязательно помогу,— пообещал Короткохвостик.

— Ведь нас за этим привезли из Сибири.

— Вот и отлично! Ты здесь быстро привыкнешь, обживешься, увидишь много интересного. Хочешь, я покажу тебе зоопарк. Я ведь живу здесь уже два года и все знаю!

Хорошенько позавтракав, синицы полетели осматривать зоопарк.

Около клеток с орлами лазоревка важно пискнула, подражая девушке-экскурсоводу.

— Вот хищные птицы!

— А почему они хищные?— спросил Короткохвостик.

— Не спрашивай, а слушай, что тебе старшие говорят.

— Подумаешь, старшая!— Короткохвостик надулся. Синички расселись по разным веткам и занялись приглаживанием перышек. Экскурсия по зоопарку явно не клеилась. Но лазоревка и Короткохвостик были ужасные непоседы и не могли долго спокойно сидеть. А тут еще внизу под ними павлин раскинул веером свой замечательный хвост! Короткохвостик не выдержал и спросил:

— Кто это павлину так хвост разрисовал?

— У него хвост не нарисованный, а настоящий!

— О!

Синички полетели дальше.

— Посмотри, вон у того гривастого зверя какие зубы— ужас! — пискнула лазоревка.— Ведь это Лев. Царь зверей.

— Медведь!— вдруг удивился Короткохвостик.— Вот

интересно: а у нас в Сибири медведи еще спят в берлогах. Мой папа узнавал по медведям, какая будет весна.

— Как это по медведям?— удивилась лазоревка.

— Если медведь с осени берлогу делает в ложине, значит, весна будет затяжная, без большой воды. А если выбирает место для берлоги повыше—весна будет дружная, с большой водой.

— А как медведь узнает это?— еще больше удивилась лазоревка.

— Об этом надо у него самого спросить, когда он будет в хорошем настроении. Сейчас лучше не надо—вон он какой страшный, наверное, потому, что не выпался!

Долго еще лазоревка и Короткохвостик летали по зоопарку. Тут было чему удивляться. Никогда не думал Короткохвостик, что на одной земле могут жить столько разных животных. Увидев яйцо страуса, он ахнул:

— Ай-ай-ай! Какая гора! Моей маме за всю жизнь не снести столько яиц, чтобы они уместились в яйцо страуса!

— Одно яйцо старуса равно двадцать пяти куриным яйцам. Я слышала, как это говорила курица,—сказала лазоревка.— А хочешь, я познакомлю тебя с самой старой жительницей зоопарка?

Они полетели в другой конец зоопарка, где жила черепаха. Ей было сто лет, и она очень гордилась тем, что никто не может ее пережить.

— Вот какой наш городок зверей!— закончила лазоревка экскурсию.

— Я бы не мог так долго прожить взаперти, ничего не делая,— сказал Короткохвостик.

— И я бы тоже. У нас, синиц, слишком живой и деятельный характер.

• Неожиданная встреча

Прошло несколько дней. На южных склонах зазеленела трава. Душистыми белыми шарами качались вишни и черешни, покрытые цветами. Загудели на них пчелы, замелькали бабочки. Пахло сырой разогретой землей. По-весеннему радостно синело безоблачное небо.

Короткохвостик без усталости летал и вдруг заметил под кустом перепелку. Встретить на чужбине знакомую с детства птицу было так приятно, что Короткохвостик так и свалился с ветки к ногам перепелки.

— Здравствуй, дорогая землячка, откуда ты? Вот радость-то!

— Здравствуй, Короткохвостик! И я рада тебя встретить. Но как ты здесь оказался?

— Не должен же я всегда жить на одном месте, — с важным видом ответил Короткохвостик.

— Ты прав. Вот я полжизни в дороге. Зимовала в Африке, а сейчас тороплюсь домой в Сибирь. Но весна там запоздала и приходится здесь пережидать.

Короткохвостик приблизился к перепелке и воскликнул:

— Как ты похудела! Последний раз мы виделись осенью на опушке нашего бора, и ты была такая упитанная, помнишь?

— Ах, эти дороги! — вздохнула перепелка. — Мне пришлось лететь пять тысяч километров. Думаешь, легко лететь над морем, когда присесть негде? Покормиться нечем. Негде взять даже маленького зернышка! Хорошо, что природа устроила нас так хитро, — наш жир во время перелета может поступать по капелькам прямо в кровь, и это восстанавливает наши силы. Мы сами себя едим на лету! — Тут перепелка вытянула одно крыло и улеглась на бок на солнышке. — Нам приходится ждать попутного ветра, он увеличивает скорость полета. Но вот, если он переменится, когда мы летим над морем, тогда

беда. Много гибнет нас в волнах — мы ведь не утки и сесть отдохнуть на воду не можем. Ну, я заговорила! Побегу поищу каких-нибудь зернышек.

— До свидания, перепелочка, увидишь в Сибири наших синиц — передай им привет. Скажи, что я живу здесь хорошо!

— Обязательно передам, до свидания.

Яркое весеннее солнце давно уже согнало снег, надуло почки у деревьев и повесило сережки на березках и осинах. Перелет птиц был в разгаре. Все наполнилось щебетанием птиц, пением скворцов, журчанием ручьев, запахами талой земли и свежей зеленой травы на солныпеках.

Подруга жизни

Короткохвостик нашел себе подругу. На лапке у нее было такое же колечко с номерком. Как она обрадовалась и оживилась, когда Короткохвостик окликнул ее! Они бросились друг другу навстречу и больше не расставались.

— Мы не будем вить гнездышко в саду зоопарка! — сказала синичка Короткохвостик тихо, но решительно.

— Почему? Здесь так хорошо!

— Кругом зоопарк город. Там живут люди. У них много кошек, а я не хочу, чтобы наши птенчики погибли в когтях кота. Мы полетим за город, к диким яблоням. Я давно подыскала там подходящее дупло в старой яблоне, туда не заберется ни одна кошка.

— А соболю?

— Но соболей ведь нет в Тяньшанских горах!

— Тогда полетим. Покажи мне, где ты хочешь жить!

Все желали удачи большому синицам. Зяблик поднял голову и громко запел:

— Счастливого пути, Короткохвостик! Прилетай 'в гости.

Жаворонок пел над пологими холмами, и песня его разносилась далеко.

Воздух был такой чистый и свежий. Вдруг рядом раздался знакомый тоненький голосок:

— Здравствуй, Короткохвостик! Как это ты здесь оказался?

Это была перелетная крошечная пеночка-теньковка, старая знакомая Короткохвостика по сибирским лесам.

— Привет! Как живешь?

— О, чудесно! Живи и радуйся, живи и радуйся, живи и радуйся...

— Еще немного, и мы дома!— сказала Короткохвостик подруга. Она показала отличное дупло с таким маленьким входом, что туда с трудом могла протиснуться только синица. Дупло было почти незаметно в густых ветвях старой яблони.

— Тебе нравится?— ласково спросила синичка.

Семейные заботы

— Чудесная квартира!— Короткохвостик просунул голову в дупло и по-хозяйски осмотрел помещение.— Для пяти яичек места вполне достаточно. Решено, мы будем жить здесь!

Синички хлопотали несколько дней. Раздобыли мягкий пух, немножко моха. Конскими волосками укрепили края гнездышка. Синичка очень торопилась с постройкой и волновалась: она боялась отстать от подружек. Некоторые уже сидели на яйцах.

И вот, наконец, появилось первое яичко — беленькое, с красноватыми пятнышками, такими красивыми, будто их делал опытный художник. Синичка очень обрадовалась. Короткохвостик казалось, что еще не все оби-

татели леса знают об их счастье, и он трезвонил об этом что есть сил!

Синичка улетела завтракать, а Короткохвостик остался сторожить яичко. Он сразу смолк, насторожился и приподнял перышки на затылке.

Вскоре синичка прилетела и затараторила:

— Как здесь хорошо и так много корма для нас! Я нашла без всякого труда и проглотила два десятка мелких гусениц и несколько синих мушек. Пусти-ка, я пролезу в дупло.

— Пролезай, а я слетаю и принесу тебе чего-нибудь вкусенького!

Прошло несколько дней, и в гнезде появилось еще четыре яичка. Короткохвостик носился по лесу и садам, выискивая корм, или сидел на ветке возле дупла и без умолку рассказывал синичке лесные новости:

— Представь себе, я встретил семью больших синиц. Они великолепно устроились в таком же дупле, как у нас, и у них уже восемь птенцов. Земляки показали мне короткую дорогу в сад к доброму человеку. Буду летать туда за гусеницами, это совсем недалеко!

— Очень хорошо!

— Вот съешь эту гусеницу. У нас в Сибири такие не водятся!

— Спасибо! Очень вкусно.

— Я тебе еще сейчас принесу!— Короткохвостик улетел в сад.

Тем временем склоны гор с каждым днем все больше расцветали. Красные тюльпаны, как огоньки, поднимались к солнцу, малиновые пионы яркими пятнами виднелись на изумрудно-зеленом склоне горы, среди лазоревых-голубых полянок незабудок. Огромные южные ирисы и фиалки были сказочно красивы, но почти не пахли. Совсем не то, что в Сибири: там цветы пахучи, но более скромны на вид.

Трудное время

Короткохвостик с каждым днем все с большим волнением ожидал, когда же, наконец, появится первый птенчик? Синичка тоже волновалась. Она уже слышала, как птенцы постукивают клювиками скорлупу изнутри.

— Скоро ли? Скоро?— то и дело спрашивал Короткохвостик, заглядывая в дупло.

И, наконец, он услышал тихий шепот синички:

— Уже...— Она отодвинулась немного в сторону. Из яичка проклюнулся большеротый, почти голый птенец. Он вытянул тонкую шейку, открыл желтый ротик и громко пискнул:

— Есть, есть! Хочу есть!

В это утро в дупле запищало пять птенцов. Синичка тоже полетела помогать Короткохвосту. Теперь у них не было ни секунды свободного времени.

Туристы

Скоро детки Короткохвостика и синички подросли. Короткохвостик повел свое семейство повыше в горные ельники знакомиться с новыми местами.

Здесь оказалось много знакомых. В ветвях тонкими голосками попискивали крошечные синички-московки с белым пятнышком на затылке. Такие же, как и в Сибири, но только с другим, тягучим произношением. Во всяком случае, Короткохвостик прекрасно понял, что они спорят из-за каких-то яичек бабочек в коре ели — каждая уверяла, что нашла их первой.

Узнал он и кедровку. Она села на макушку ели, крупная, как галка, вся в белых пестринах, крикливая и бойкая. В клюве она держала шишку. Кедровка села на поляну, спрятала шишку в мох и улетела. Короткохвостик обратился к своим синичатам:

— Дети, вы видели, где кедровка спрятала шишку?

— Да, папа!— хором ответили синичата.

— Ну, так знайте, что зимой, когда в лесу будет лежать глубокий снег, сюда прилетит совсем не эта кедровка, а такая же другая и без ошибки отроет из-под снега эту шишку, чтобы полакомиться ее семенами. Как кедровки находят запасы, даже ученые не могут разгадать.

Южный склон горы зарос шиповником, бояркой и барбарисом. На опушку из зарослей вышел фазан. Он так сверкал на солнце своим ярким оперением, словно спустился на землю кусочек радуги.

— Кто это, папа? Не жар-птица ли из арабской сказки, которую ты нам рассказывал перед сном?

— Нет, сынок, это настоящая живая птица. Она дальняя родственница нашего скромного тетерева из сибирских лесов.

На горных вершинах

Заросли арчи зелеными потоками спускались с горных вершин и вклинивались в ельники. А вверх они поднимались к самым облакам. Кругом была тишина раннего утра. Только кое-где около самого снега, на каменистых россыпях, пересвистывались горные индейки-улары.

Рядом в арчевнике раздался знакомый синичий писк. Это была крохотная расписная синица совершенно необычной фиолетовой окраски. Она вынырнула из арчовой чащи, посмотрела на гостей и снова нырнула в чашу. Вот и все. Впрочем, где-то из глубины зарослей раздался ее удивленный возглас по адресу Короткохвостика и его семьи:

— Что это за великаны появились у нас в горах?

— Вот так родственница! — возмутилась синица-мать. — Даже не поздоровалась!

— Действительно, нелюдимая особа. Вот что значит жить в полном одиночестве — ведь здесь, кроме нее, не бывает других синиц. Какой дурной пример нашим детям, — проворчал Короткохвостик и перепорхнул из арчевника на ветку ближайшей ели. Семья последовала за ним. Здесь елки были низкорослые, поломанные ветрами, искривленные. А дальше, за зелеными цветущими альпийскими лугами, виднелись горные вершины с вечными снегами.

Недалеко стукнул камешек и покатился по крутому склону. Потом второй, ближе. Из-за поворота горы выскочили и пронесли мимо серые бородатые козлы. Они были похожи на домашних, и Короткохвостик несколько не удивился. Он видел в Сибири козлов и баранов. По следам козлов торопливо прошел такой огромный кот с черными пятнами на серой шкуре, что синицы сразу спрятались за ствол ели.

Лазоревка потом объяснила Короткохвостика, что диких козлов преследовал снежный барс.

Радостная встреча

Совершенно неожиданно Короткохвостик встретился в ельниках со знакомой белочкой. Они очень обрадовались и забросали друг друга вопросами:

— Нас привезли на самолете зимой! — рассказывал Короткохвостик. — Познакомься; это моя семья, — и он представил белочке своих птенцов. Они чинно сидели на ветке, не вмешиваясь в разговор старших, как это полагается воспитанным детям.

— Чудесные птенцы! — похвалила белочка. — Я не успела тогда в Сибири поблагодарить вас как следует за спасение от ястреба, вы вовремя меня предупредили!

— Ну что вы! Мы все должны помогать друг другу!— ответил Короткохвостик.

— Нас тоже поймали и привезли сюда люди,— продолжала белочка.— Я слышала, как они говорили, что мы самые дорогие белки-телеутки и что уж если кого разводить на новом месте, то это нас. Но люди опасались, сможем ли мы найти пищу в горных ельниках Тянь-Шаня—ведь мы жители равнинных сосновых боров. И в самом деле, нам было вначале трудно, пока мы не приспособились к новой пище. А теперь живем даже лучше, чем в Сибири.

— И мы тоже!— ответил Короткохвостик.

Они долго еще болтали, вспоминая знакомых и родных.

— Да, чуть было не забыла предупредить—вчера я видела здесь своими глазами соболя!—вспоминала белочка.

— Какой ужас! Уж не того ли, что заглядывал к нам в дупло, когда я был еще маленьким?—испугался Короткохвостик.

— Очень может быть!

— А как соболев оказался здесь, ведь он не летает? Я первым делом спросил лазоревку, не водятся ли в горах Тянь-Шаня соболев, и она ответила, что даже не слышала про такого врага!

— Соболев попали сюда так же, как и мы. Ведь их зовут королями пушнины, настолько дорога их шкурка! Вот и решили переселить соболев в эти горы. Нам надо быть очень осторожными!

Приятели расстались только к вечеру.

Однажды Короткохвостик со своим семейством устроились на ночлег в ветвях густой ели.

Сначала притихла всякая птичья мелочь: пеночки, корольки, славки. Перестал стучать дятел. Далеко в ущелье среди каменистых россыпей прокричал кеклик. Минуты тишины в лесу все реже нарушались голосами

птиц. Горные ельники стихали постепенно. Только крошечные синички-московки долго еще попискивали тонкими голосками где-то в ветвях да ссорились черные дрозды.

Осенние дни

Наступила осень. Пионеры пришли в сад к доброму человеку помочь собрать урожай фруктов. Весь урожай он передал в колхоз, и на склонах гор увеличился сад ценных южных деревьев и кустарников, которые добрый человек приучил переносить суровую зиму в горах.

По вечерам высоко в небе раздавалось прощальное курлыканье журавлей. Стаи скворцов проносились мимо, и одна из них села отдохнуть около сада. В ней оказался знакомый скворец. Он стал звать Короткохвостика лететь с ними в Африку.

— Я не могу бросить свою семью и новую родину. Мне здесь так хорошо! — отозвался Короткохвостик.

— Ерунда! — уговаривал легкомысленный скворец. — Прилетишь на следующий год весной. Дети у тебя уже взрослые. Вот смотри, иволга летит? Летит! Перепелки — и те летят! Что, ты хуже их, что ли?

— Все равно не могу! — твердо ответил Короткохвостик. — Я дал слово жить недалеко от сада. Ты видишь, сколько плодов на яблонях? Это потому, что мы, большие синицы, так старательно трудились, сберегая каждую яблоньку. Я не могу улететь отсюда. Кроме того, я не знаю ни одного иностранного слова. Это ведь вы, скворцы, знаете много птичьих языков даже чужих стран.

— Напрасно ты так думаешь о нас! Мы умеем петь только исключительно на языках наших птиц. Скажи уж лучше прямо, что у тебя крылышки короткие и ты за нами не угонишься!

Старые друзья на этот раз расстались очень холодно. Скворцы с шумом и щебетом поднялись и полетели на юг. Короткохвостик посмотрел им вслед безо всякой зависти: ему хорошо было на новой родине.

Снова зима

Высоко в горах закружился снег. Он больше не таял. Зима наступала совсем не так, как в Сибири: она больше месяца медленно спускалась с гор. Там, в ельниках, зима наступила давно, а внизу, на городских улицах, люди еще долго ходили в летних костюмах. Цвели крупные георгины, ярко-красные канны и другие осенние цветы.

Большие синицы тоже спускались с гор все ниже и ниже. Они появились в садах и городских скверах вместе с зимой. Сюда прилетели зимовать из Сибири хохлатые свиристели, долгохвостые снегири, чечетки и много других птиц. Они рассказывали новоселам-синицам о новостях сибирских лесов.

Однажды солнечным зимним днем Короткохвостик перепрыгивал с ветки на ветку в городском саду. Ему сегодня посчастливилось. В парке росла целая роща старых высоких сосен, совсем таких же, как в Сибири на его родине. Короткохвостик с удовольствием вдыхал аромат сосновой хвои, уверенно обыскивая ветки и стволы. На соснах под чешуйками коры он быстро находил яички вредных бабочек и других насекомых. Короткохвостик привык к этому за долгую сибирскую зиму. На следующее утро он опять прилетел в парк.

На одной из веток висела клетка-ловушка. Короткохвостик удивленно цвкнул и спустился ниже. Да, он не ошибся — в такую западную его поймал в Сибири человек с перекрещенными дубовыми веточками на фуражке. Семена конопли могли соблазнить кого угодно, но не

его: у Короткохвостика не было ни малейшего желания снова быть пойманным, да и корма на соснах хватало.

Вдруг Короткохвостик заметил молоденькую синичку. Она вывелась этим летом и понятия не имела о ловушках. Короткохвостик поднял перышки на затылке, налетел на синичку с шипением и прогнал ее из сосновой роши, а сам спокойно занялся своим привычным делом, зорко поглядывая по сторонам, чтобы никто из синиц не попался в ловушку.

Удар

Все это видел мальчик. Он спрятался в беседке и наблюдал за Короткохвостиком.

— Ах, ты так?— сказал мальчик.— Сам не попадаешься и других не пускаешь? Ну, погоди же!

Мальчик вытащил из кармана рогатку и подкрался к сосне. Короткохвостик ничего не подозревал. Он искал яички вредных бабочек сосновых шелкопрядов: яички были спрятаны кучками чуть ли не под каждой чешуйкой коры. Он не замечал, как внизу мальчишка прищурил левый глаз и натянул резинку у рогатки — камешек громко стукнул по сучку и отлетел прямо в лоб Короткохвосту. От удара у него потемнело в глазах, и он безвольным комочком упал на снег.

Мальчик подбежал и схватил Короткохвостика.

— Ты что делаешь, а?— вдруг раздалось за спиной мальчишки. Пионерский «Зеленый патруль» бежал к нему из соседней аллеи прямо по снегу. На всех ребятах были красные галстуки и яркие зеленые повязки с вышитыми золотыми буквами «ЗП».

Синицу и ловушку у мальчишки отобрали, а рогатку разломали на мелкие части и бросили.

Жизнь едва теплилась в Короткохвостике. Он тяжело дышал с закрытыми глазками, лежа на теплой ладо-

ни белокурой девочки. Маленькая алая капелька крови вытекла из клювика. Короткохвостика бережно отвезли на трамвае в живой уголок школы. Он забился в угол и просидел там до ночи со спрятанной под крылышком головкой.

Утром ребята пришли в школу и сразу бросились в живой уголок. Белокурая девочка распахнула дверь первая и перешагнула порог. Она захлопала в ладоши и запрыгала:

— Жив! Жив!

Короткохвостик как ни в чем не бывало перепрыгивал с жердочки на жердочку.

Успокоившиеся ребята открыли форточку и выпустили синицу на волю. А в школе, где учился мальчишка, вывесили его фотографию с надписью:

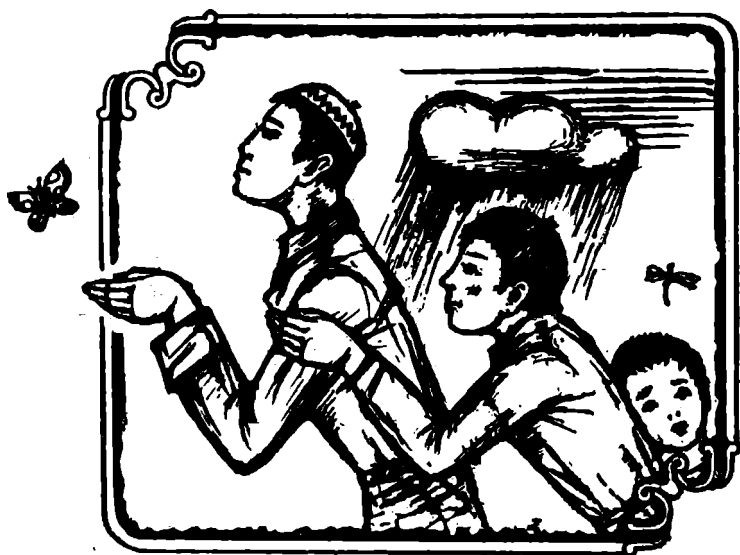
«Рогатка в руках школьника — позор для класса, школы и семьи».

Последние встречи

Шло время. Наступила опять весна. Давно уже не было на свете Короткохвостика и его сородичей — первых новоселов — короток синичий век. Но их потомство увеличивалось из года в год и расселялось по предгорьям Тянь-Шаня.

Кругом на яблонях попискивали большие синицы. Это была молодая смена Короткохвостика и других первых новоселов. Они радовались, что труд их не пропал даром. А из садов города доносилось негромкое воркование красавиц горлиц.

Послышалась песня. Это отряд юных натуралистов шел в горы развешивать домики для синиц и скворцов.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАДЬИРГАНА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАЛДЫРГАНА

Случилось это в выходной день. В редакции журнала для детей «Балдырган» никого не было. На столе редактора лежал новый номер журнала. Вдруг его обложка ожила! Нарисованный на ней мальчик в ярком национальном костюме заморгал глазами, посмотрел по сторонам, оперся руками на края журнала и выскочил на стол! Собачка Майнак на обложке завила хвостом, потянулась и зевнула, а птичка Тургай помахала крылышками.

Мальчик Балдырган прошелся по столу и крикнул:

— Майнак, Тургай ко мне!

Собачка выскочила из обложки, а птичка вылетела и села на плечо Балдыргану.

Мальчик написал на пустой теперь обложке журнала:

«Не ищите нас, мы отправились путешествовать по родному краю. Авиакорреспонденцию будет приносить Тургай, а не срочную — Майнак. Ваш Балдырган».

Вприпрыжку мальчик побежал по коридору на улицу, за ним поскакал Майнак и полетел Тургай.

На столе редактора журнала начался переполох:

— Это возмутительно! Как посмел убежать мальчишка? — булькал канцелярский клей в бутылочке.

Карандаши и ручки в стаканчике стучали наперебой:

— Так и мы можем выскочить и побежать. Чем мы хуже?

Старинная мраморная чернильница тяжело подпрыгивала на одном месте и грохотала:

— В меня мокали перья более полувека, но я впервые вижу такое самовольство. Ну, получают они от меня, когда вернутся!

— Бабушка чернильница, вы давно безработная — теперь пишут шариковыми ручками, — усмехнулась настольная лампа.

В кабинет вошла техничка с мокрой тряпкой и веником. Мгновенно все стихло на столе редактора.

В это время во дворе мальчик играл сам с собой в мячик. Он увидел выбежавшего из подъезда Балдыргана и обрадованно крикнул:

— Эй, давай поиграем в мяч!

— Что ты, Усен, еще чего выдумал?— ответил Балдырган.— Я отправился путешествовать по Казахстану и мне не до мячика..., а впрочем немного можно — бросай!

Мячик летал от одного мальчика к другому. Но вот Балдырган не рассчитал и так сильно поддал мяч, что он подлетел до окна третьего этажа. С подоконника мячик сшиб в комнату горшок с цветком герани.

Из окна выглянула старая бабушка и крикнула:

— Я вам покажу, как цветы сшибать, сейчас спущусь и задам вам!

Балдырган испугался и начал озиаться, ища, куда бы спрятаться. Майнак поджал хвост, а Тургай юркнул в карман Балдыргана.

Но Усен весело засмеялся и крикнул:

— Не успеете, апа! Когда спуститесь, нас не будет здесь!

Усен всунул ноги в туфли. Он их снимал, когда играл в мяч. Вдруг мальчик легко подскочил до третьего этажа дома, сбросил мяч вниз, а горшок с геранью поставил на место. Бабушки в комнате уже не было. Она спускалась во двор по лестнице.

Усен в один миг оказался рядом с Балдырганом и крикнул:

— Держись за пояс!

Балдырган схватил за шиворот Майнака, сунул его в коржун и взялся руками за пояс Усена. Мгновение — и они перепрыгнули через трехэтажный дом на соседнюю улицу.

— Вот это здорово!— удивился Балдырган,— как это ты так ловко прыгаешь?

— Это волшебные туфли переносят меня, куда захочу,— ответил Усен. Снял туфли и положил на землю.

— Давай путешествовать по родному краю в твоих туфлях, знаешь, как это будет интересно,— предложил Балдырган.

— Давай!— сразу согласился Усен.

В это время к ним подбежал еще один мальчик и поздоровался с Усеном, как со старым знакомым:

— Здорово живешь! Куда это ты собрался?

— А, это ты, Сергей!— приветливо ответил Усен.— Знаешь что? Айда с нами путешествовать по Казахстану!

— Идет!— согласился Сергей.— А куда сначала?

— Тебе лучше знать, ты ведь у нас в школе всезнайка!

— Всезнайка-то не я, а мой карманный робот. Сейчас я ему дам задание сказать нам какой самый интересный маршрут.

Сергей вытащил из кармана железную блестящую куколку и нажал пальцем ей на нос, что-то пошептав. Потом дернул робота за ухо. Вдруг кукла заговорила человеческим голосом:

— Отправляйтесь на Балхаш, на Балхаш, на Балхаш,— затараторил робот, пока мальчик не дернул его за другое ухо. В кукле что-то звякнуло и стихло.

— Вот это да!— удивился Балдырган.

— Поэтому-то ты отличник,— позавидовал Усен.

Ребята глазам своим не верили, видя такое чудо!

— На Балхаш, так на Балхаш! Начнем с Балхаша!— крикнул Сергей.

Усен скомандовал:

— Держитесь за меня!

Ребята взяли за пояса друг друга, Усен сунул ноги в туфли и они взвились под облака!

Мальчики быстро неслись по воздуху, обгоняя птиц и самолеты. Из низкого облака пахнуло сыростью. Усен неожиданно громко чихнул. Волшебная туфля свалилась у него с одной ноги. Ребята стремительно начали сни-

жаться, замирая от страха. На дне мрачного ущелья они благополучно шлепнулись на песок: одна волшебная туфля на ноге Усена не дала им разбиться.

— Ой, нога! — простонал Сергей, схватившись за колено.

— Шишка на лбу начала вздуваться! — чуть не плакал Балдырган. Пряжкой от пояса он тер лоб.

— Вот и путешествию конец. На одной туфле не полетим... — огорчился больше всех Сергей.

Но ребят успокоил Балдырган:

— Ничего, туфлю найдем! — Он вытащил за шиворот Майнака из коржуна и приказал:

— Понюхай эту туфлю и найди такую же, понял? — Балдырган показал рукой в сторону, где надо искать туфлю.

— Понял! — пролаял Майнак и умчался на поиски.

Ребята увидели на скалах ущелья высеченные рисунки. Тут были охотники с луками, всадники и много другого.

— Тоже мне, художники: нацарапали как попало, наверно, первоклассникам даже трудно понять, — проворчал Усен и вспомнил: — Сергей, спроси свою куклу пускай нам объяснит, из какой школы так плохо рисовали ребята?

На все ущелье раздался голос робота: «Тысячи лет тому назад художник высек на скале контуры женщин во время доения кобылиц. Мужчин, верхом на лошадях загоняющих скот в загон. Праздники с плясками и оркестром из нескольких человек. Они играли на тетивах луков. Сцены охоты с арканами на диких верблюдов и горных козлов. По наскальным рисункам видно, какие раньше здесь водились дикие животные. Их давно нет — дикие верблюды, дикие кони, джегитан-куланы, олени. Это каменные альбомы далекого прошлого...» — в работе что-то звякнуло и он замолчал.

— Как это интересно! Значит, мы можем видеть, что

делали здесь люди в давно прошедшие времена,— воскликнул Балдырган, сел около камня, как у стола, и быстро что-то написал в блокноте. Потом вырвал листок, дал в клюв Тургаю и махнул рукой. Птичка улетела с запиской в клюве.

— Куда ты ее послал?— спросил Сергей.

— В редакцию нашего журнала к редактору.

Пусть все ребята прочитают, что есть наскальные рисунки древних людей в этом ущелье.

— Ребята, смотрите, рисунки начали оживать, как и ты, Балдырган!— воскликнул Усен.

— С чего ты взял?— не совсем уверенно спросил Балдырган.

— Смотри, смотри, вон тот волосатый начинает в нас целиться из лука!— испуганно крикнул Усен.

— Это, наверно, только кажется, но... давайте-ка убежим за тот поворот скалы,— поспешно предложил Сергей дрожащим голосом.

Ребята побежали, испуганно оглядываясь на скалу с рисунками.

— Верхом, с арканом за нами скачет!— крикнул Усен и первый спрятался за поворот горы. Ребята присели за большим камнем, тяжело дыша, и замолчали, прижавшись друг к другу. За скалой рисунков не было видно. Страх постепенно прошел.

— А как же Майнак найдет нас здесь?— вспомнил про собаку Усен.

— Чудак, собака всегда по следам найдет,— успокоил Балдырган.

— Слушай, Сергей, где ты раздобыл свою куклу?— спросил Усен.

— Это секрет. Я дал честное пионерское слово не говорить, а то школьники заведут такие роботы и не будут учить уроки.

— Что же тут плохого? Тебе ведь кукла помогла стать всезнайкой.

— Ребята, не завидуйте! Если бы вы знали, сколько труда мне стоит заставлять себя готовить уроки — ведь я это тоже обещал. Нажал бы кукле на нос и любой задаче решение готово. — Сергей сунул робота в карман.

— Ну и нажимал бы!

— Конечно, я могу с ним кончить школу на отлично ничего не делая, даже институт, но какой бы из меня получился инженер — певежа...

В это время раздался далекий лай. Он все ближе, громче и к ребятам примчался Майнак с волшебной туфлей в зубах. Собака села на задние лапы перед Балдырганом и подала туфлю.

— Ура! Летим дальше, — закричал Усен.

— Летим! Летим! — захлопали в ладоши ребята. Балдырган даже закувыркался через голову, но вдруг оказался рядом со змеей. Степная гадюка зашипела, приподняла голову и только хотела укусить, но Майнак схватил змею, затряс и далеко отшвырнул в сторону, гадюка скрылась в норке суслика. Майнак яростно начал раскапывать нору. Но Балдырган оттащил его, чтобы змея не укусила собаку.

— Летим же, наконец, — крикнул Усен.

— Погодите, ребята, смотрите, какая крутая песчаная гора. Давайте скатимся с нее, как зимой с ледяной горки, а потом полетим дальше, — предложил Сергей, не подозревая, чем может кончиться такое катанье.

— Усен, запрыгни с нами на вершину горы, — поддержал Балдырган и засунул Майнака в коржун.

— Держитесь за пояс! — крикнул Усен, надел волшебные туфли и ребята в один миг оказались на вершине горы.

Два зайчонка-песчанника сидели под кустом тамариска и только лапками всплеснули:

— Видал, как мальчишки ловко прыгнули?

— Нам бы так, ни одна лисица не поймает!

Побежим расскажем нашим мамам, попросим, чтобы узнали у ребят, как это так высоко можно прыгать.

Ребята стояли на вершине горы. Слегка посвистывал ветерок. Бегали по песку прыткие ящерицы, как на лубом песчаном бархане. Отсюда открывался чудесный вид во все стороны. Справа и слева чернели скалы Большого и Малого Калканов. Вдали синела полоска воды реки Или.

— Ну, покатились!—скомандовал Сергей.

Ребята взялись за руки, прыгнули с гребня горы на крутой песчаный склон и покатились вниз. Вместе с ними поплыла лавина песка. Вдруг произошло неожиданное: гора затряслась вместе с ребятами и раздался необычный звук. Он все нарастал, усиливался, возникая изнутри горы.

Ребята испугались, больше всех Усен и прошептал:

— Это шайтан внутри ревет, мы пропали...

Ребята притихли без движения. Но гора тряслась и ревела ни с чем не сравнимым, «своим» голосом. Наконец звуки стали стихать. Снова кругом наступила тишина. Ребята осторожно поднялись опять на вершину. Каждый шаг вызывал подземный «вздых» горы.

Усен присел на корточки и заплакал, не в силах сдержать нервного напряжения.

— Я не верю в чертей, но что это могло быть?—удивлялся Сергей, с трудом удерживая дрожь в коленях.

— Вспомнил, ребята!—радостно крикнул Балдырган.— Я недавно читал в нашем журнале, что на берегах Или есть Поющая гора, но ученые так и не знают, почему она звучит так громко.

— Фу ты, и я припоминаю, читал об этой горе в «Дружных ребятах»,—обрадованно сказал Сергей.

— Что сразу не сказали, только перепугали вон как,—сердился Усен, вставая и отряхивая песок.

— Мы сами испугались не меньше тебя! Надевай

скорей твои туфли и летим на Балхаш!—сказал Балдырган,—только я запишу в свой блокнот...

—Потом запишешь!—прервал его Усен.—Что ни говорите, а надо скорее выбраться из этого заколдованного места. Хватайтесь за пояс, я надеваю туфли!

Безбрежная даль Балхаша. Вода протянулась до горизонта. Огромные белые птицы-пеликаны плавали полукругом, били по воде крыльями, шлепали клювами и гнали рыбу на мелкое место к берегу. А там хватала ее и проглатывали. Хорошо, что пеликаны не могут нырять, а то рыбам пришлось бы плохо. Белые красавицы цапли, как нарядные невесты, не спеша шагали по берегу и подбирали мелкую рыбешку: со страха их много выскочило на берег, спасаясь от пеликанов. Важные лебеди плавали около тростниковых зарослей, как глыбы льда, среди диких уток и гусей...

Вдруг все птицы насторожились, пристально посмотрели вверх.

Из-за облаков быстро приближалась черная точка, но не самолет и не ракета. Это снижался Усен с ребятами на своих туфлях.

—Самолет сломался и падает на нас!—испуганно закричали пеликаны и пытались нырнуть, забыв со страху, что нырять-то они не умеют.

—Это испортилась ракета и падает, спасайтесь!—вашумели лысухи и зашлепали по воде в тростники, словно там можно спастись!

—Не бойтесь вы, трусики! Это мальчишки из самолета выпали!—догадалась ондатра. Но тут же испуганно пискнула:—Ой, прямо на мою хату падают!—Ондатра бросилась в воду ласточкой—бульк!—и зверек исчез под водой.

Но Усен опустился не совсем удачно, он угодил в воду у самого берега. Со смехом ребята выскочили на песок. Усен снял туфли и повесил посушиться на деревце саксаула и сказал:

— Посидим в тени под тополем, пока сохнут волшебные туфли. Солнце здесь вон как жарит.

— Только это не тополь, а верба. Посмотри, какие у него узкие листья,— поправил Балдырган.

— А это что?— рассердился Усен. Он сорвал с этого же дерева круглый тополевый лист и поднес к носу Балдыргана.

— Не спорьте, ребята, спросим у робота,—остановил спорщиков Сергей.

Робот заговорил, чихая и кашляя (в него попала вода):

— Это дерево сухих пустынь называется туранга. У него круглые листья, как у тополя, а внизу узкие, как у вербы.— Робот звякнул и замолчал.

Громкий треск прервал разговор ребят. Из тростников мчался Майнак с поджатым хвостом, жалобно повизгивая, а за ним гнался огромный кабан. Мальчики, как кошки, взобрались на турангу. Кабан клацкал зубами, брызгал пеной и гневно ухал. Вдруг он начал энергично подрывать корни туранги. Она затряслась. Еще немного и туранга могла бы упасть вместе с ребятами на песок под ноги разъяренного зверя. Но в это время вернулся из редакции журнала Тургай и сел на плечо к Балдыргану.

— Скорей принеси сюда туфли — вон они сохнут на саксауле!— попросил мальчик свою птицу.

Тургай за два раза принес обе туфли. Усен надел их, ребята схватились за его пояс и перелетели на далекий песчаный бархан. Высунув язык, к ним примчался Майнак.

С бархана было видно, что пески кончились. Дальше простиралась равнина. На ней паслись овцы. Верхом на лошадке за ними следил дед — чабан с седой бородкой. На нем был малахай, ватный халат, подпоясанный полотенцем. Рядом на ишаке ехал его внук Суайт.

Недавно в степи прошел дождь. Семицветная радуга перекинулась через небо.

— Дедушка, я сейчас на радугу запрыгну!— фантазировал Суайт, погоняя ишака.

— Не выдумывай, внучек, смотри лучше за овцами!— рассердился дед.

Вдруг овцы бросились в разные стороны, как воробьи от кинутого в них камня. А там, где они только что паслись, появились мальчишки. Майнак выскочил из коржуба Балдыргана и бросился собирать напуганных овец, как заправская пастушья собака.

Суайт подбежал к мальчишкам и удивленно спросил:

— Откуда вы взялись, ребята?

— Я корреспондент журнала. Мы из Алма-Аты отправились путешествовать по родному краю. Не веришь? Мы летаем на этих волшебных туфлях!

— Они каждого могут катать, илц только вас?— спросил Суайт.

— Конечно, каждого!

— И меня?

— И тебя.

— Дедушка! Ты мне не верил? Смотри, сейчас я буду на радуге!— радостно воскликнул Суайт и сунул ноги в волшебные туфли... Но когда голая пятка Суайта исчезала во втором туфле, ребята успели схватить его за пояс. Все четверо взлетели.

Ошеломленный дед испуганно закричал:

— Суайт, внучек, вернись!

Около чабана вертелся и жалобно скулил Майнак. Он не успел вскочить в коржун Балдыргана.

— Мы скоро вернемся, аксакал, не беспокойтесь за Суайта!— крикнул Балдырган.— Майнак, жди нас и слушайся дедушку!

Ребята исчезли по ту сторону радуги.

Ребята опустились среди пустыни Бетпакдала на такыре, ровном, как асфальт. Кругом поднимались

песчаные барханы. Кое-где росли уродливые деревца саксаула. Не успели путешественники опомниться, как раздался топот сотен копыт: ребята оказались среди сайгаков. Сутулые животные на тонких ножках пробежали мимо. Они опустили горбоносые головы и стучали копытцами по твердому тапыру. Мальчики прижались друг к другу и с интересом рассматривали диких животных. Сергей включил робота:

— Это антилопы-сайгаки переселяются с зимних пастбищ на летние за тысячи километров, как перелетные птицы. Сайгаки жили еще вместе с мамонтами миллионы лет назад, но сохранились до наших дней. Они бегают быстрее всех зверей...— Сергей испуганно включил робота и сунул его в карман — рогатый сайгак опустил голову и бросился на ребят. Они кинулись в разные стороны. Волшебная туфля спала с ноги Усена. Сайгак проткнул ее рогом и помчался по пустыне догонять стадо.

Ребята долго бежали за сайгаком с волшебной туфлей на рогах. Но он скрылся за барханами, а солнце жгло, ноги вязли в песке и во рту быстро пересохло.

— Хочу пить!— первым захныкал Суайт.

Ребята остановились на гребне песчаного бархана. Песок осыпался под ними и шуршал: шуру-шуру-шуру. Нигде не было даже самой маленькой лужицы воды.

— Хочу к бабушке... ойбой,— и Суайт заплакал.

Его никто не утешал. Ребята с грустью вспоминали тенистые аллеи Алма-Аты. Журчание воды в арках на всех улицах. Еще нестерпимее захотелось пить.

— Мы никогда теперь отсюда не выберемся!— захлебываясь слезами и причитал Суайт.

— Да замолчи ты!— одернул его Балдырган. Он терпеть не мог хныкалок.— Нужно думать как спастись, а не плакать.

— Пи-пи!— раздалось в кармане Балдыргана и Тургай сел к нему на плечо.

— Тургай, пичуга моя! — обрадовался мальчик. — Ребята! Вот кто спасет нас! Сейчас я с Тургаем пошлю записку в редакцию! — воскликнул Балдырган и быстро написал в блокноте: «Мы погибаем в пустыне Бетпакдала — спасите!», вырвал страничку и дал в клюв Тургаю. Птичка взвилась в воздух и исчезла в облаках.

— Ура! Тургай, скорей лети! — кричали ребята.

Все уселись на песок и приготовились терпеливо ждать. Вдруг Балдырган вскочил и радостно закричал:

— Вода! Вода! — И мальчики со всех ног бросились к озеру. Но оно заколебалось и исчезло. И опять кругом все тот же песок обжигал ноги. Пустыня их обманула: — это было не озеро, а мираж — отражение, как в зеркале, от плотных слоев воздуха какого-то далекого озера.

Сразу обессилев, ребята повалились на песок. Еще больше захотелось пить.

— Это злой волшебник украл воду и спрятал под землю. Я знаю! — уверенно проговорил Суайт.

Ребята угрюмо молчали. Они все готовы были вот-вот заплакать, даже Балдырган.

Между тем солнце спустилось за барханами и начало смеркаться. Сделалось холодно. Ребята закопались в нагретый за день песок. Неизвестные шорохи раздавались со всех сторон.

— Ой, что это?

Белые точки замелькали в темноте, гоняясь друг за другом, совершенно беззвучно.

— Не бойтесь, ребята, это зверьки-тушканчики! — сказал Суайт, у них на конце хвостика белая кисточка, а самих не видно в темноте — они сами такого же цвета, как песок. У нас их много.

С наступлением сумерек пески ожили: тысячи жуков, ежиков, тушканчиков и ночных песчанок забегали всюду, оставляя так много ямок-следов, что казалось их наделал крупный дождь.

Ребята быстро уснули в теплом песке. Волшебную

туфлю Усен положил около себя. Ее-то и заметили два зверька-песчанки, старая и молодая.

— Бабуся, понюхай-ка эту лепешку, она очень вкусно пахнет,— пропищала молодая песчанка.

— Глупышка, какая же это лепешка? Люди носят их на задних лапах, а называют туфлями.

— Все равно, пускай туфля, а пахнет вкусно.— Молоденькая песчанка попробовала откусить от туфли кусочек. Но Усен пошевелился во сне. Песчанка отскочила.

— Унеси туфлю подальше и там ешь! — подсказала старая песчанка и добавила:— Давай, я помогу!

Песчанки утащили туфлю на другую сторону песчаного барха́на, уселись и начали пробовать. Старушка откусила кусочек и выплюнула:

— Фу, какая гадость! С чего ты взяла, что вкусно?

— В самом деле какая-то дрянь!— сморщила нос молодая песчанка.

— Только из-за тебя столько времени потеряли. Бежим искать луковицы тюльпанов.

С первыми лучами солнца подул слабый ветерок и заровнял ночные следы. Насекомые и зверьки спрятались на день в норках. Пески приняли опять безжизненный вид.

— Ребята, и этой туфли нет!— раздался испуганный голос Усена. Мальчики вскочили и забегали взад-вперед. Туфля как сквозь землю провалилась.

— Майнака мы оставили из-за тебя. Он нашел бы туфлю!— обратился к Суайту Балдырган.

— Вдруг Тургая ястреб схватит и за нами не прилетят,— добавил Сергей и погрозил кулаком Суайту. Мальчик испугался, как бы его не отлупили и решил спрятаться за бархан.

— Вот она, туфля,— радостно закричал Суайт.

— Кто-то погрыз туфлю, но все равно на одной не улетим. А ты молодец, Суайт!— похвалил Усен.

Солнце поднималось выше. Делалось все жарче.

— Давайте спрячемся вон в том лесочке!— предложил Балдырган.

Ребята побежали к зарослям саксаула, но там не нашли тени. Оказалось, у саксаула нет ни листьев, ни хвои, а только чешуйки. Балдырган записал это в блокнот. Между страниц заложил тонкую веточку саксаула на память.

Только около полудня в небе показалась черная точка. Это мчался вертолет. Его вел Тургай. Он летел впереди, быстро махая крылышками. За ребятами прилетел сам секретарь редакции, строгий старик в очках. Он долго сердился и ворчал на Балдыргана и его товарищей за самовольное путешествие. Мальчики смущенно молчали, смотря под ноги. По привычке Суайт засунул в рот палец. Наконец старик кончил ворчать, накормил ребят и усадил в вертолет. Железная стрекоза поднялась и низко полетела над пустыней. Ребята смотрели в окна.

— Смотрите, вон там воришка-сайгак с моей волшебной туфлей!— закричал Усен.

И действительно, под вертолетом все увидели сайгака. Он беспомощно кружился на трех ногах. На одном из его рогов была надета волшебная туфля. Сайгак хотел сбросить ее задней ногой, но зацепился копытом между рогов и теперь барахтался совершенно беспомощный. Вертолет опустил на песок. Усен выскочил из машины и бросился к сайгаку. С трудом мальчик вывободил копыто из плена и завладел наконец своей туфлей. Но неблагодарное животное опустило голову, грозя поддеть его на рога. Хорошо, что Усен успел надеть свою волшебную туфлю и в один миг оказался в вертолете, а то бы ему не сдобровать!

Машина поднялась и понеслась над пустыней.

Ребят доставили в совхоз. Отсюда завтра их отправят домой.

Вечером мальчикам постелили спать в кабинете директора совхоза.

— Ну, дети, хватит путешествовать, утром домой, а сейчас всем спать!— сказал директор.

— Хорошо, Александр Семенович!— с грустью ответил Балдырган. Но едва директор вышел, ребята зашептались:

— Давайте путешествовать дальше,— предложил Балдырган,— окно открыто и мы улетим!

— Я не согласен. Если опять потеряем туфлю, что тогда?— запротестовал Суайт.

— А мы согласны!— ответили Усен и Сергей.

— Кто трус, может оставаться!

— Я трус? А вот и нет — летим!— возмутился Суайт.

— Куда же мы полетим? — спохватился Усен.— Спроси у куклы, Сергей!

Робот заговорил так громко, что ребята испугались, не услышал бы директор. Они положили на куклу подушку и посадили сверху Суайта. Все же довольно громко робот сказал:

— На самом юге Казахстана есть заповедник Аксу-Джабаглы. Там очень интересно, даже...— но Сергей дернул куклу за ухо, в ней что-то звякнуло и она замолчала.

— Летим в Аксу-Джабаглы!— скомандовал Усен.

Ребята подбежали к открытому окну, но... раздался стук в дверь и голос директора совхоза сердито спросил:

— Что вы там разговариваете? Пора спать. Откройте-ка дверь.

Ребята испуганно притихли. Но Балдырган махнул рукой и выпрыгнул в окно во двор. Остальные последовали за ним. Схватились за пояса и улетели.

Лететь ночью было страшновато. Но взошла луна и сделалось светлее. Она перечеркнула серебряной дорожкой водохранилище, над которым они полетели. Усен спустился ниже и полетел над землей. При свете луны показались тени сов и сычей, которые искали птичек, но они спрятались.

— Дяденька Сыч!— крикнула молодая ушастая сова.— Смотрите какие чудеса: мальчики летят по воздуху, как мы с вами!

— Что же тут особенного в наш век технической революции?— ответил Сыч.

— Смотрите, у того мальчика из кармана птичка выглянула. Видите? Сцапайте ее. Только чтобы на двоих— ведь я первая увидела!

— Вот за это спасибо! Сейчас поймаю и мы съедем ее. Только мне голову, а тебе хвост!

— Так не справедливо, дяденька Сыч!— запротестовала сова.

— Молчи, пока я тебя не долбанул!— пригрозил Сыч и погнался за ребятами. Тургай очень боялся сов и сычей. Но в кармане у Балдыргана было душно. Пришлось наполовину высунуться подышать свежим воздухом. Сразу нагрянула беда— Сыч бросился на маленького крылатого почтальона. Когтистые лапы протянулись к Тургаю. В ужасе птичка закрыла глаза, вместо того чтобы спрятаться в карман. Сергей вовремя заметил Сыча и замахнулся на него кулаком. Сыча он отогнал, но одной рукой не мог удержаться за пояс Усена— Суайт держался за него и тянул вниз. Пальцы у мальчика соскользнули с пояса и с криком они упали вниз.

— Сергей, Суайт!— закричал Усен.— Ойбай, они разобьются!

— Скорее вниз!— кричал Балдырган, дергая Усена.

Ребята опустились на землю. Большое облако спрятало луну. Где искать в темноте? Они в нерешительности топтались на месте, прислушиваясь, готовые в любую минуту заплакать.

— Балдырган!— вдруг раздался голос Сергея.— Мы упали на мягкую гору из ваты и не разбились!

Только теперь ребята заметили, что стоят около огромной скирды хлопка. Его свозили сюда со всех полей. Усен легко подпрыгнул на своих волшебных туфлях

вместе с Балдырганом на гору пушистого белого хлопка. Ребята бросились обнимать друг друга. Лететь дальше ночью никто не захотел. Все улеглись на мягкий хлопок. Через несколько минут мальчики крепко спали.

Разбудил ребят первый луч солнца и веселое пение Тургая — он теперь не боялся сов. Мальчики вскочили. Лететь, так лететь! Они взяли за пояса и понеслись по лазурному небу прямо на юг.

Вскоре они были уже над горами Таласского Алатау. Ребята летели над горным ущельем. Внизу бешено редела горная река Аксу. По берегам теснились отвесные скалы. Речка мчалась, как в каменном коридоре. Кое-где скалы отступали и роскошные южные цветы и кустарники покрывали берега. Кусты миндаля, дикий виноград, персидская рябина и много других растений с яркими цветами и причудливыми формами встречались всюду. Даже красные тюльпаны здесь огромной величины. Райские мухоловки, гималайские синицы, фиолетовые дрозды — все это так необычно для алма-атинских ребят.

Они сели на камни недалеко от яблони, усыпанной спелыми яблоками. Усен снял туфли и крикнул:

— Суайт! Полезай на яблоню, будешь бросать нам яблоки!

Суайт ловко залез: у его дедушки был сад и мальчик привык лазать по деревьям. Вдруг он увидел большого мохнатого медведя. Зверь направлялся как раз к этой же яблоне. Суайт не шевелился.

Ребята спрятались за камни. Только волшебные туфли остались на самом заметном месте. Усен забыл их прихватить. Улететь теперь мальчики не могли, а зверь был рядом. Медведь пока никого не замечал. Он подошел к яблоне и сильно ее потрянул. Яблоки градом посыпались на землю, Суайт не удержался и грохнулся прямо на толстого, большого медведя, как на подушку! Зверь плаксиво рывкнул, во всю прыть бросился вниз по

крутому склону, споткнулся, кубарем закувыркался и еще больше перепугался!

Страх у ребят сразу прошел. Они весело поглядывали, как убегал медведь.

— Смотрите, Суайт лежит неподвижно!

— Что это с ним?

Ребята бросились к мальчику.

Суайт покорно лежал с закрытыми глазами. Он ждал, что вот-вот его начнет есть медведь! Раздались голоса ребят. Суайт открыл глаза и вскочил, как ни в чем не бывало.

— Тебе везет падать на мягкое!— обрадованно крикнул Балдырган.

— Отстаньте, ну вас! Я чуть не умер со страху!

— А миша-то как перепугался! Ха-ха-ха!

— Под гору кубарем, смех да и только!

Между тем в горах начался переполох. Сурки поднялись на задние лапки и тревожно кричали друг другу:

— Сосед, ты видел, как наш медведь испугался мальчика-богатыря, хотя он и мал ростом?

— Вдруг он колдун? Давай-ка спрячемся на всякий случай!

Сурки проворно юркнули в норы и притаились там, под землей.

На каменистой осыпи испуганно закричали кеклики:

— Скорей, скорей, прячьтесь в камнях — мальчика даже сам медведь испугался!

Горный козел сторожил на перевале козлят и коз. Он все видел. Сначала только удивился: мальчики летели по воздуху, а не шли по земле? Один залез на яблоню. Козел успокоился. Это было обычное дело для мальчиков. Видел козел и как к яблоне подошел медведь. Вдруг раздался жалобный вопль — медведь в ужасе бросился вниз под гору. Тогда и козел испугался. Далеко разнесся его тревожный сигнал: он мастерски свистнул носом! Козы и козлята вскочили и бросились бежать за козлом.

Ребята тем временем успокоились, набрали самых спелых яблок, которые стряхнул на землю медведь. Начали уплетать за обе щеки. Над ними шумело листвою дерево грецкого ореха.

— Почему такие деревья не растут около Алма-Аты? Тут горы и у нас горы?— записал в блокнот Балдырган.

— А вот и растут,— воскликнул Сергей,— дядя Шайдулов вместо осин посадил у нас в горах Заилийского Алатау грецкие орехи. Там теперь рощицы и будут орехи, когда я пойду в девятый класс.— сказал Сергей.

— Я тоже посажу у нас в горах грецкие орехи, обязательно!— воскликнул Балдырган.

— И мы тоже с дедушкой!— крикнул Суайт.

Ребята хорошо позавтракали и решили побродить в горах. Суайт захотел срезать себе тросточку. Он долго пытался со своим перочинным ножиком.

— Долго тебя еще ждать?— крикнул Балдырган.

— Попробуй ты срезать!— ответил Суайт.

Но и Балдырган не мог отрезать ветку.

— Что я тебе говорил? Дерево заколдованное!— торжественно заявил Суайт.

— Сергей, спроси, пожалуйста, свою куклу, что это за дерево?— попросил Балдырган.

На все ущелье раздался голос робота:

— Это железное дерево, самое твердое из всех. Оно тонет в воде, словно камень! Дзинь!— и робот замолчал.

Ребята повернули в боковое ущелье. Склон горы состоял из плит. Сергей приподнял одну небольшую плитку. Под ней был четкий отпечаток на камне какой-то удивительной рыбки. Под другой виднелся отгис ветки с листьями неизвестного дерева. А потом отпечатки жуков, черепашек с крошечным панцирем на спине — всего с пяточок, и много другого, дикий, интересный.

Впереди какой-то человек в очках тоже рассматривал в лупу удивительные отпечатки. Ребята подбежали к нему.

— Дядя, что это за отпечатки мы нашли?— спросил Сергей.

— Прежде всего, здравствуйте.

Ребята смутились.

— Ну, ладно, бывает! Дело в том, ребята, что десятки миллионов лет тому назад здесь было огромное пресноводное озеро. Ветрами с берега приносились насекомые, листья, целые ветки деревьев и все это погружалось в воду на дно, заносилось илом, а он окаменевал. Озеро высохло. И вот теперь по отпечаткам видно, какие тогда здесь жили насекомые, деревья, рыбы и даже икра рыб. Этот каменный музей далекого прошлого имеет мировое значение для науки.

— Спасибо, дядя, а как вас зовут? Я корреспондент и мне надо послать в редакцию журнала сообщение — всем ребятам будет интересно знать об этом замечательном ущелье.— Балдырган достал свой блокнот.

— Это ущелье называется Бурулдай. Меня зовут Валериан Семенович. Я работаю в Академии наук Казахстана.— И ученый хотел продолжить свои исследования. Но в это время поперек ущелья промчался олень. Он скрылся за поворотом горы, а шорох камней под его копытами раздавался еще долго.

— Это марал!— сказал Усен.— Я видел их у нас в горах Алатау, когда жил на пасеке у дедушки.

— Правильно, мальчик,— подхватил ученый,— маралов оттуда привезли и выпустили здесь, чтобы они жили, как у себя на родине. Ну, мне пора!— ученый спустился вниз и ушел за поворот ущелья.

Как хорошо быть ученым и все знать!— задумчиво проговорил Балдырган и написал в блокноте очередное сообщение в редакцию. Ребята сидели около него и ждали. Тургай встрепнулся и был готов лететь с новым письмом в редакцию.

— Этот ученый, наверно, самый, самый главный. Кто из ученых всех главнее?— спросил Суайт.

— Президент академии,— пояснил Балдырган.

— А кто в академии учится?— опять спросил Суайт.

— В Академии наук не учатся, а работают,— ответил Сергей.

«Когда вырасту, стану президентом академии, а не геологом»,— размышлял Суайт.

Сзади ребят кто-то сердито зарычал. Все оглянулись: огромный снежный барс сидел на камне совсем близко, готовый к прыжку. Он преследовал оленя, а ребята оказались на его пути. Хрипкое рычание огромной пятнистой кошки раздалось на все ущелье. Мальчики замерли на месте от ужаса. Их сердца спрятались в пятки. Не растерялся только Усен. Он громко залаял по-собачьи. Барса сразу, как ветром, сдуло с камня, только зашуршал на осыпи щебень и все стихло.

— Барсы больше всего боятся собачьего лая и собак,— спокойно пояснил Усен ребятам.— Мне это отец говорил. Хорошо, что я вовремя вспомнил!

— Я не хочу больше здесь оставаться!— воскликнул Суайт, все еще бледный от страха.

— И мы тоже!— подхватили остальные ребята.

Вытащить из кармана робота и спросить куда лететь Сергей не успел — Балдырган заявил:

— Ну, ребята, все! Мой блокнот исписан до конца. Придется возвращаться в Алма-Ату.

— А как же остальные замечательные места в Казахстане?— спросил Сергей.

— Их посмотрим в следующее наше путешествие, а сейчас домой. Усен, надевай туфли!

— Эй, Усен!— закричал Суайт, он висел ниже всех на поясе Сергея,— не забудь оставить меня у дедушки. И захватите там своего Майнака!

— Не бойся, Суайт, не забуду!— ответил Усен.

Путешественники полетели домой, обгоняя самолеты и птиц.

ПЕРЕВОДЫ

ЗОЛОТОРОГАЯ САЙГА*

В широкой казахской степи весело резвились две быстроногие антилопы-сайги. Они бегали так быстро, что обгоняли ласточек. Это были необычные животные: у сайги были золотые рога, а у ее брата сайгака рога были серебряные.

Увидел чудесных животных знаменитый охотник Карамерген. Ни одна добыча не уходила от его певучих стрел. Как беркут носился он на прекрасном белом иноходце по казахским степям и никогда не возвращался домой с пустыми руками. Захотелось ему добыть золоторогую сайгу. Долго он любовался из-за кургана игрой красивых животных. А затем разложил на траве петли из конского волоса и погнал к петлям сайгаков с криком и свистом.

Попала одной ногой в петлю золоторогая сайга и забилась на месте — колышек, к которому была привязана петля, был крепко вбит в землю.

Подъехал к своей добыче Карамерген и залюбовался красивым животным. Но в это время ему послышались тихие слова:

— Если ты мужчина, то убей меня сразу...

Но охотник не обратил на них внимания и со смехом сказал своему коню:

* Перевод автора с казахского языка сказки С. Омарова «Золоторогая сайга».

— Мы привезем эту красавицу домой живой. Я созову друзей, устроим той, полюбуемся этой чудо-сайгой, а затем приготовим из нее бесбармак!

Конь джигита весело заржал. Но в это время охотнику опять слышались слова:

— Напрасно, Карамерген, ты не хочешь исполнить мое желание...

Карамерген связал ноги сайге арканом и привязал ее за седлом, а сам вскочил на коня. Но его знаменитый скакун забился на месте и не мог сделать ни одного шага, словно он прирос к земле.

— Эй, Карамерген!— раздался чей-то насмешливый голос сзади.

Джигит обернулся.

Золоторогая сайга, привязанная сзади, исчезла, а вместо нее сидела красивая девушка. За хвост его коня держала страшная старуха. Конь бился на месте, не в силах вырваться. Одежда на старухе висела клочьями. Седые волосы были растрепаны. Глаза горели зеленоватым огнем. Девушка прыгнула на землю и стала рядом со старухой.

Толстые косы красавицы спускались до земли, лицо горело, как румяное яблоко на солнце, глаза под черными, как ночь, бровями сверкали, словно два изумруда. В руках она держала камчу с золотой насечкой и бриллиантом в дорогой оправе на конце. Он горел на солнце разноцветными огнями.

Карамерген сидел на своем коне и не спускал восторженного взгляда с красавицы. Он недоумевал, как могла она здесь очутиться — ведь в степи никого не было. Казалось, старуха и девушка появились из-под земли.

Старуха взяла девушку за руку черными, костлявыми пальцами, подвела к джигиту и сказала:

— О, добрый джигит Карамерген! Слава о тебе, как о знаменитом охотнике, облетела всю степь. По всем степям и горам не нашлось жениха, достойного ее. Она

отвергла многих джигитов, добивавшихся ее руки. Бери твою птицу счастья, она полюбила тебя с первого взгляда и согласна выйти за тебя замуж. Дочь моя — лучшая наездница наших степей и не расстается со своей камчой. Это ее единственное приданое.

При этих словах красавица протянула руки к Карамергену и улыбнулась такой улыбкой, что сердце джигита забилося. Однако ее чудесное появление и какое-то предчувствие беды заставили его ответить:

— Как вы можете, бабушка, отдавать замуж свою единственную дочь за человека, которого впервые видите? Как ни красива ваша дочь, но я не могу взять в жены девушку, которую совсем не знаю...

— Не виляй хвостом, джигит!— вдруг пронзительно взвизгнула старуха, щелкнув зубами, как собака. Ее глаза вспыхнули зловещими зелеными огоньками, а лицо сделалось черным и страшным.— Ты от меня никуда не уйдешь! Пойманная тобой золоторогая сайга, из которой ты собираешься приготовить бесбармак,— моя дочь! Твоя смерть прячется вон за тем курганом. Если ты не возьмешь в жены мою дочь, я позову твою смерть, и ты умрешь на этом месте. Твой конь не сделает больше ни шага, пока ты не дашь свое согласие.

Карамерген впервые в жизни испугался и в ужасе смотрел на старуху, а сам незаметно толкал ногой в бок своего горячего коня, посылая его вперед. Но конь не двигался с места. Что мог сделать Карамерген? Ему хотелось жить....

— Пусть будет по-вашему, я согласен,— сказал он тихим голосом, опустив голову.

В тот же миг девушка ловко вскочила на коня сзади джигита. А там, где стояла ее мать, никого больше не было. Только зеленоватый дымок поплыл по ветру в степь, медленно тая. Девушка хлестнула коня Карамергена камчой, и он как бешеный помчался вперед.

Карамерген счастливо женился на молодой женой. Дом

их был полной чашей. Всегда у них толпились друзья и гости. «Джигит долго не находил свою птицу счастья, но вот наконец он нашел ее: приветливая, красивая жена!» — говорили люди.

В первый же день Карамерген спросил красавицу, как ее зовут.

— Мое настоящее имя, которое дали мне родители, очень трудное, тебе его даже не выговорить. Зови меня Бикеш, — ответила девушка.

Однажды Карамерген радостным прискакал с охоты. Он убил замечательного сайгака-самца с серебряными рогами, сверкавшими, как лучи месяца. С веселым смехом он бросил к ногам своей любимой жены богатую добычу.

Но красавица Бикеш вскрикнула, как ужаленная змеей. Лицо ее почернело, глаза загорелись зеленоватыми огоньками, как у ее матери.

— Что ты наделал, убийца! — взвизгнула она совсем как мать. — Ты застрелил моего единственного брата!

С этими словами она подбежала к стене, схватила висевшую там на гвозде камчу с бриллиантом на конце и обернулась лицом к Карамергену. А он стоял посередине комнаты над убитым сайгаком с серебряными рогами и не узнавал своей прекрасной жены. Пока он придумывал как утешить ее, Бикеш подбежала к нему и что есть силы хлестнула его камчой по спине. Карамерген весь сжался от резкой боли и упал на четвереньки, а его жена громко крикнула:

— Стань отныне дворняжкой!

Едва она проговорила эти слова страшного заклятья, как Карамерген превратился в лохматого грязного пса. Бикеш избила его камчой до полусмерти и выгнала из дома.

Хромая и зализывая на ходу рубцы на теле, Карамерген выбежал за ворота своего дома. Не успел он опомниться, как на него бросилась большая соседская соба-

ка, подмяла его под себя и больно искусала. Карамерген еле вырвался от нее. Он бросился бежать по улице, а мальчишки бросали в него камнями и натравливали собак. Карамерген, весь избитый и искусанный, кое-как выбрался из города и укрылся в овраге. Он все чувствовал, понимал, что говорят люди, но говорить не мог. Он никому не мог рассказать о своем горе.

Наступила ночь. Показалась луна и осветила трепетным голубым светом кусты и деревья. Сверкающим серебром загорелись куполы мечетей в городе. Но Карамергену казалось, что звезды и луна смеются над ним, хихикают и подмигивают. Всю ночь он выл на луну, а под утро забился в кусты и уснул.

Прошло несколько дней. Карамерген жил в овраге, боясь показаться в городе: там его могли разорвать собаки или сжечь живым люди, приняв за колдуна в образе собаки. От голода он отощал и еле передвигал ноги. Карамерген знал пословицу своего народа: «Хорошая собака не показывает своего трупа», но уйти и умереть вдали от родных мест он уже был не в силах. Даже выть он не мог, а только жалобно визжал. Кое-как он выбрался из оврага и побрел по тропинке, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу. С тоской он оглядывался на родной город.

Тропинка привела его к юрте на краю города. Перед ним сидели старик со старухой и прислушивались к заклинаниям и бормотанию, доносившемуся из юрты.

Карамерген лег в кустах и смотрел, боясь приблизиться.

Вскоре из юрты вышел толстый мулла и сказал:

— Смерть подошла и стоит у изголовья постели вашего сына. Мои заклинания не в силах прогнать ее.

Старушка громко зарыдала. Мулла отвязал осла, сел на него, но старик подбежал к нему и подал мешок с мясом.

— Возьми, мудрый мулла,— сказал он дрожащим

голосом.— Уж если не помогли твои заклинания, значит, последняя надежда...— Старик не договорил и заплакал.

Мулла жадно схватил мешок и погнал осла по тропинке в город.

Карамерген понял, что в домике умирает сын этих стариков. Ему стало жалко их, и он выполз из кустов, приветливо махая хвостом.

— Смотри, дед, чья-то собака заблудилась и потеряла хозяина,— сказала старуха сквозь слезы и бросила корку хлеба.

Карамерген проглотил хлеб не жуя и подполз на животе еще ближе.

— Не бешеная ли это собака?— опасливо спросил старик.— Надо убить ее, чтобы не было беды. Где мой топор?

— Что ты! Разве бешеные бывают такими ласковыми? Посмотри хорошенько: у нее глаза совсем как у человека!— Старушка бросила еще кусочек хлеба и вылила в ямку остатки супа.

Карамерген с жадностью съел все и почувствовал, что силы возвращаются к нему.

— Пойдем, старуха, посидим около нашего сына. Может быть, он очнется перед смертью и скажет что-нибудь,— сказал старик и пошел в юрту.

Старушка опять заплакала и пошла за стариком. Карамерген последовал за ними.

На постели умирал красивый юноша. Глаза его были закрыты. Дыхание с хрипом вырывалось из высоко поднимающейся груди. Руками он судорожно вцепился в постель.

Карамергену стало жаль умирающего, а тут еще старушка заплакала и запричитала:

— Зачем ты уходишь, наш единственный сын? Останься, пожалей нас, стариков,— мы погибнем без тебя от голода...

Старик стоял у постели и, закрыв глаза руками, тоже

плакал. У Карамергена от жалости побежали слезы. Он бросился к больному и лизнул его в лицо своим горячим языком. И вдруг произошло чудо: юноша сразу пришел в себя. Он сел на постели, свесив ноги, и спросил голо- сом совершенно здорового человека:

— Мама, меня лизнула в лицо какая-то собака?

Старики бросились к сыну, начали его обнимать и плакать еще громче. Старушка воскликнула сквозь слезы радости:

— Это, сынок, не простая собака тебя лизнула, а ка-кая-то чародейка. Сама судьба послала ее к нам. При-ласкай ее, сынок!

Старики и их сын бросились к Карамергену, стали его гладить, целовать и кормить всем, что только у них было. Они отвели ему лучшее место в юрте, положили на одеяло и подушки. Карамерген уснул как убитый.

Слух о чудесной собаке разнесся в округе. Карамер-гена стали возить к больным и стоило ему лизнуть в ли-цо страдающего любым недугом, как больной выздорав-ливал. Карамерген стал знаменит. За ним стали заез-жать из далеких аулов и других городов. Старики полу-чали щедрые подарки от благодарных людей и сделались богатыми. Они купили себе большой дом и женили сына на красивой девушке из хорошей семьи. Карамерген принес птицу счастья в дом приютивших его стариков и был рад этому.

Но почет, слава и сытая жизнь не удовлетворяли Ка-рамергена: ведь он оставался собакой! Лежа на мягкой постели, Карамерген все время думал о своей печальной участи. По ночам он тихо, жалобно выл, боясь разбудить своих добрых хозяев.

Однажды Карамерген лежал возле юрты и с тоской смотрел на улицу. Вдали за клубилась пыль. Быстро приближалась тройка бешено скачущих лошадей. В лег-кой тележке сидели три джигита. Они въехали во двор, привязали лошадей и вошли в юрту. Карамерген вошел

вслед за ними и лег на место в почетном углу. Приезжие с удивлением рассматривали его и тихо переговаривались между собой, не подозревая, что он понимает их разговор.

— Ну, конечно, это не простая дворняжка!— сказал один джигит.

— Разве простая собака может исцелять человеческие болезни?— воскликнул другой джигит.

— А что, если эта собака — колдунья?— предположил самый старший из джигитов.

В это время вошел хозяин Карамергена. Джигиты низко поклонились ему, и старший из них сказал, кладя к ногам старика богатые подарки:

— Нас послал аксакал Сереке. У него большое горе — умирает любимая невестка, жена единственного сына. Мулла отказался лечить ее. Сереке просит послать с нами твою собаку. Если она вылечит невестку, он отдаст тебе половину своего табуна лошадей и отар овец.

— Это моя сестра!— воскликнул самый молодой из джигитов.— Она была, как утренняя заря, красивей самого лучшего цветка и восхищала всех, кто ее видел. Но вдруг в несколько дней увяла, как сорванная роза. Лицо ее почернело, а глаза позеленели... Спаси ее, аксакал!— На глазах у юноши выступили слезы.

Хозяин внимательно выслушал джигитов и сказал:

— Эта собака вырвала из рук смерти моего единственного сына и спасла уже много людей. Это птица счастья, прилетевшая к нам в дом. Сереке все уважают, придется исполнить его просьбу, однако предупреждаю вас, джигиты,— если с собакой случится что-нибудь плохое, я не возьму в уплату за нее даже кусок золота величиной с конскую голову: она стоит много дороже!

Так вместе с тремя джигитами Карамерген отправился к аксакалу Сереке.

Около дома Сереке толпился народ. Во дворе стояла юрта, покрытая белой кошмой. Старший джигит внес

Карамергена в юрту на руках под шум и возгласы толпы:

— Какое чудо может совершить такая дворянка?

— Разве такой пес может излечить больную?

— Если собака не исцелит невестку нашего уважаемого аксакала Сереке, ее надо убить и бросить на растерзание птицам в степи.

Такие слова испугали Карамергена, и он поджал хвост.

Аксакал Сереке, его жена и сын бросились навстречу Карамергену и стали жаловаться.

— Нас постигло великое горе — заболела наша любимая невестка. Муллы, знахари и баксы не могут ее вылечить. На тебя единственная надежда. Помогите нам, о чудодейственная собака! — говорил Сереке, роняя слезы на серебряную бороду.

— Мы стоим на краю пропасти! Удержи нас, не дай свалиться, волшебная собака! — плакала жена Сереке, целуя Карамергена.

— Мы без нее — как высохшее дерево без листьев... Сжался над нами и спаси ее! — умолял сын Сереке и стал на колени перед Карамергеном.

Карамерген вилял хвостом и кивал головой, давая знать, что понимает их.

Все поспешно вышли из юрты, и Карамерген остался один. За шелковой перегородкой слышалось тяжелое дыхание больной. Во дворе за юртой шумел народ. Карамерген опять услышал угрожающие возгласы, и ему сделалось страшно. Боязливо оглядываясь на входную дверь и поджав хвост, он вошел за перегородку к больной. На постели лежала молодая женщина с потемневшим лицом. Она посмотрела на Карамергена зеленоватыми глазами, и ему показалось, что она похожа на мать его жены. Карамергену сделалось еще страшнее. Но он все же подошел и лизнул больную в лицо. Та по-прежнему оставалась лежать в постели, не двигаясь.

Еще несколько раз Карамерген лизнул больную, пока она не оттолкнула его слабой рукой.

Растерянный и огорченный, Карамерген вышел из-за перегородки, думая про себя, что исцеление не произошло из-за его страха перед угрозами толпы за стенами юрты. Нужно перенести больную за город, чтобы не слушать людей, тогда бояться будет нечего и, наверное, удастся спасти больную. А если ей не станет лучше, отсюда легче будет незамеченным убежать домой. Решив так сделать, Карамерген вышел из юрты и подошел к ожидаемому у входа Сереке. Схватив его зубами за полы халата, Карамерген подвел аксакала к аркану, которым был привязан тундык на юрте. Сереке с удивлением развязал аркан. Тогда Карамерген схватил аркан зубами и понес из города в степь. Сереке поспешно шел за собакой. Толпа расступилась.

За городом Карамерген положил аркан на землю и несколько раз обежал кругом него, показывая, что здесь должна быть поставлена юрта. Аксакал Сереке сначала смотрел на все это с удивлением, но потом понял, чего добивается Карамерген. С помощью сына, жены и соседей юрту быстро перевезли на новое место и осторожно перенесли в нее больную. Карамерген за полы халатов вывел всех из юрты и остался с больной.

Между тем наступили сумерки, а за ними ночь. Темное небо усыпали звезды. С юга подул слабый ветерок, неся степные запахи. Кругом было тихо. Никто больше не пугал Карамергена. Он успокоился и решил отдохнуть до полуночи, а затем снова лизнуть больную в лицо. Забравшись под кровать, он уснул.

Проснулся Карамерген в полночь. Услышав, как хрипит женщина, он думал, что она умирает. Карамерген торопливо вскочил из-под кровати и бросился к больной, чтобы тотчас лизнуть ее в лицо.

— Ой, умираю...— едва слышно шептала женщина.— Он опять душит меня... Спасите, добрые люди...

Карамерген вскочил на постель, но тут на него кто-то зашипел. При слабом свете около изголовья больной он увидел черного кота, который душил женщину за горло. Карамерген бросился на кота и схватил его зубами.

Кот бился, шипел, царапался, а из глаз у него летели огненные искры. Карамерген стащил кота с кровати и начал его душить. Неожиданно кот заговорил, человеческим голосом:

— Подари мне жизнь, бесстрашный охотник Карамерген в образе собаки, и я отплачу тебе добром за добро. Женщину ты вылечишь, а я помогу тебе вернуть человеческий образ...

Все еще держа кота в зубах, Карамерген размышлял: «Какая мне будет польза, если я задушу этого кота? Может быть, он говорит правду? Зачем я буду лишать себя даже слабой надежды?» Думая так, Карамерген подтащил кота к дверям и вышвырнул его в темноту ночи. Кот мгновенно провалился сквозь землю, и только кошачий запах в юрте еще напоминал о нем.

Женщина лежала на кровати, тяжело дыша и закрыв глаза. Карамерген бросился к ней и лизнул в лицо. Щеки ее сразу вспыхнули румянцем. Она открыла глаза и спрыгнула с постели совершенно здоровая, веселая и бодрая. Она выглянула за дверь и с удивлением спросила:

— Где я? Кругом степь!

Тогда Карамерген схватил ее за край платья зубами и в предрассветных сумерках повел в город к дому Сереке. Около крыльца дома Карамерген залаял: Аксакал и его семья не спали всю ночь. Они выскочили на крыльцо и бросились обнимать выздоровевшую женщину. Карамерген смотрел на них и радостно вилял хвостом.

Утром к дому Сереке сбежался народ. Аксакал вывел на крыльцо невестку и вынес на руках Карамергена. Народ восторженно рукоплескал и радовался. Но Карамерген услышал и такие разговоры:

— Не заколдованный ли это человек в образе собаки?

— А может, это не собака, а колдунья?

— Надо развести костер и бросить в него собаку!

— Несите дрова на базарную площадь!

Карамерген поджал хвост, вернулся в дом и выскочил незаметно в окно. Его бегства никто в первое время не заметил, и он благополучно скрылся в малолюдных переулках. Ему вдруг очень захотелось домой, к своей жене. Он думал: «Моя Бикеш совершила зло в припадке гнева. Теперь она, наверно, успокоилась, и, если у нее в сердце осталась капля любви, она пожалеет меня и вернет прежний образ». Эти мысли ободрили его, и он побежал прямо к своему дому.

Никем не замеченный, он вбежал во двор. Там стояло много лошадей, привязанных к коновязям. Карамерген понял, что его жена принимает гостей. Он пробрался в кухню. В доме раздавались музыка, веселые голоса и смех. В полуоткрытую дверь он увидел пирующих гостей. Множество дорогих блюд с кушаньями и вин стояло на столе. Его жена в праздничном платье сидела рядом с красивым джигитом. «Уж не замуж ли она собралась выходить?» — подумал Карамерген. И как внезапный порыв ветра раздувающий гаснущий костер, так и в его груди небольшая искорка угасшей любви к Бикеш снова вспыхнула ярким пламенем. Но тут Карамерген вспомнил, что он ведь только дворняжка и может лишь украдкой поглядывать в щелку двери собственного дома. Карамерген жалобно заскулил.

Бикеш вздрогнула, услышав этот визг, выскочила из-за стола и бросилась в кухню. Карамерген стоял там и радостно вилял хвостом. Румянец сбежал с лица Бикеш, оно почернело и сделалось похожим на лицо матери.

— Проклятый! Оказывается, не подох ты? — взвизгнула Бикеш.

Карамерген подполз к ней на животе, лизал ноги и колотил хвостом об пол.

Бикеш пнула Карамергена, зашипела как змея, сорвала с гвоздя на стене свою камчу с бриллиантом на конце и стала хлестать ею Карамергена, приговаривая:

— Ты не должен жить! Все равно я тебя уничтожу! Будь жаворонком!

И в тот же миг из собаки Карамерген превратился в жаворонка. Бикеш ударила себя камчой по спине и крикнула:

— Будь ястребом!

На том месте, где стояла Бикеш, забился крыльями желтоглазый ястреб и бросился на Карамергена. Но тот успел вылететь в форточку и юркнул в густые кусты сада под окном. Ястреб пробил кусты и выгнал Карамергена на открытое место. Он полетел через улицу в соседний сад, но ястреб летел быстрее и стал нагонять его. Карамерген понял, что ему не успеть долететь до сада, и мысленно попрощался с жизнью...

Вдруг на середине улицы появился джигит на вороном коне, в черном чапане и махлахе, сшитом из меха черной лисицы. Лицо его было настолько смуглым, что издали казалось черным. Даже пыль из-под копыт коня была черная. Он так неожиданно оказался на середине улицы, словно появился из-под земли.

Всадник поскакал навстречу Карамергену и протянул ему руку. В широкий рукав его чапана Карамерген и нырнул с разлета, как в нору. Он слышал, как хлопала крылья ястреба и свистела камча, которой всадник отбивался от хищника. Затем запахло землей, дымом, и все потемнело. Когда глаза Карамергена привыкли к темноте, он увидел, что находится в подземелье, а перед ним сидит черный кот с огненными глазами. Карамерген в ужасе подумал, что кот сейчас на него бросится и растерзает, но тот ласково сказал человеческим голосом:

— Добрый джигит Карамерген в образе жаворонка, я обещаю отплатить тебе добром за то, что ты подарил мне жизнь, и вот я спас тебя от смерти. Твоя жена съела бы тебя! Я знаю всю эту историю. Я научу тебя, как вернуть человеческий образ. Сейчас я превращу тебя в мышь. Тогда тебе будет легче проникнуть незамеченным в свой дом. Твоя жена думает, что ты еще жаворонок, и окружила дом хищными птицами. Они сидят на деревьях в твоём саду. Сама она непрерывно кружит в воздухе. Но жена твоя знает, что жаворонки ночью спят, и только в это время она не будет охранять дом. Ночью, когда она уснет, прокрадись в дом и потрись спиной о бриллиант на конце волшебной камчи, говоря: «Стань прежним джигитом Карамергеном». Ты сразу превратишься в джигита. Ударь тогда свою жену волшебной камчой и преврати ее в кого хочешь.— Сказав это, черный кот бросился на Карамергена, схватил его зубами, но тут же выпустил уже в образе мыши, а сам исчез, провалившись сквозь землю и оставив в подземелье только сильный кошачий запах.

Карамерген бросился бежать по подземелью и заметил свет, проникающий в щель. Он пролез в эту щель и оказался в своём саду. В кустах сада Карамерген пробыл до полуночи и только тогда пробрался в дом в щель под дверями.

Жена его спокойно спала в богатой постели. Камча висела у нее на руке. Карамерген взобрался на одеяло и стал тереться спиной о чудесный бриллиант, приговаривая:

— Стань прежним джигитом Карамергеном!

И — о счастье! — в один миг он превратился в прежнего джигита. Тогда Карамерген сорвал камчу с руки спящей Бикеш и стал хлестать жену что было сил. Бикеш бросилась на колени и стала молить о пощаде. Но Карамерген хлестнул ее по спине и воскликнул:

— Будь вороной ослицей!

В то же мгновение Бикеш превратилась в вороную ослицу и застучала копытами по полу. Карамерген оседлал ее, взнуздal и вывел за ворота своего дома, говоря: — Не рой другому яму — сама в нее попадешь!

Карамерген сел в седло и, нахлестывая ослицу по бокам, поехал за город, приговаривая:

— Я не буду кормить тебя, а только ездить и ты умрешь голодной смертью в наказание за свои преступления.

Ослица неслась вскачь, высунув язык и обливаясь потом, а люди с удивлением смотрели вслед всаднику. Так Карамерген незаметно выехал за город, в степь.

Вдруг ослица на всем скаку остановилась. Карамерген едва не свалился с нее. В клубах зеленого дыма изпод земли перед ним появилась страшная старуха. Она протянула к джигиту костлявые руки и прошамкала:

— О, Карамерген, лучший из всех джигитов! Немало зла сотворила я на своем веку и заставила страдать многих людей. Но чего я достигла? Моя единственная дочь теперь ослица, которую ты обрек на голодную смерть. Я стала очень дряхлой. Черный кот сказал мне, что мой смертный час близок. Пора мне перестать творить злодеяния и заслужить прощение у людей...

— Сгинь, проклятая, с моего пути! — прервал старуху Карамерген. — Я ударю тебя волшебной камчой и обращу в змею, а затем растопчу копытами твоей дочери! — И джигит взмахнул камчой.

Старая ведьма покорно подставила под удар спину.

— Прежде чем ударить меня, верни прежний образ моей дочери. Она достаточно наказана и будет тебе теперь верной женой до конца жизни! — прошамкала старуха.

— Хорошо! — ответил джигит, немного подумав. — Я согласен, но прежде ты должна сделать большое доброе дело.

— Приказывай, Карамерген, я исполню перед

смертью любое твоё желание ради спасения дочери! — ответила старуха.

— Сделай так, чтобы через нашу степь прошёл глубокий арык на тысячи верст от голубого Иртыша и оросил наши сухие степи, а берега арыка покрой густыми лесами, тогда я избавлю Бикеш от образа ослицы.

— Хорошо, Карамерген! Я исполню твоё желание, но я должна сгореть в огне после этого, потому что сделаю добро людям. Я согласна на это ради счастья дочери. Собери больше саксаула и разведи громадный костер. Я совершу заклинание и вода пойдет по степи, а на берегах арыков зашумят леса.

Карамерген наломал саксаула, развел костер, а старуха в это время ела землю горстями и что-то бормотала. Вдруг ведьма пронзительно свистнула с такой силой, что трава в степи полегла, а Карамерген едва не оглох. И тотчас широкий и глубокий арык с пресной чистой водой прорезал степь от горизонта до горизонта. На его берегах зашумели густые леса. А сама ведьма сделалась маленькой и сморщенной. С поросычьим визгом она прыгнула в костер. Зеленоватый дымок вылетел из огня и растаял на степном ветерке.

Тогда Карамерген воскликнул, обращаясь к ослице:

— Я выполняю обещание, данное твоей матери, и избавлю тебя от образа ослицы. Но прежней Бикеш я тебя не сделаю. Ты будешь опять золоторогой сайгой — безобидным животным, не способным никому причинить зло!

Карамерген ударил плетью вороную ослицу по спине и воскликнул:

— Стань прежней золоторогой сайгой!

Вместо ослицы появилась золоторогая сайга и, как ветерок, унеслась в степь. Тогда Карамерген бросил в костер волшебную камчу и вернулся домой.

Счастливо жил Карамерген до конца дней своих, окруженный почетом своего народа.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ*

Уже больше года прошло, как умер охотник. Жена его и двое детей-сирот голодали. Жизнь сделалась для них невыносимой.

Однажды рано утром мать разбудила своих детей и велела им собираться в далекий путь.

— Куда мы пойдем?— спросил десятилетний сын.

— Мы пойдем к дяде?— спросила семилетняя дочь.

— Нет,— ответила мать,— мы пойдем искать счастья!— И лицо ее просветлело. Впервые после смерти мужа она улыбнулась.

— А что такое счастье? Это так зовут человека? Зачем нам счастье?— спросил сын.

— Счастье — это не человек, не животное и не вещь. Оно невидимка. Кажется, вроде птицы. На чью голову сядет птица счастья, тот никогда не узнает горя, голода и бедноты. У такого человека ни в чем не будет недостатка... А мы люди несчастные. Наша птица счастья улетела от нас, когда умер наш отец.

— Где живет птица счастья?

— Далеко!— вздохнула мать.— Пока до нее дойдешь, последние сапоги износятся, а железная палка изотрется в иголку! На нашей дороге туда стоит непроходимая гора Азапмука. За этой горой лежит бескрайнее море Касрет-горе, мы переплывем по нему на ладье Таускал-риск. Мы должны преодолеть все эти трудности, но найти свою птицу счастья!

Отец детей был хорошим охотником и музыкантом. С собой в дорогу они взяли его ружье и кобыз, которые берегли пуще глаза.

Первый день пути показался путешественникам бес-

* Авторский перевод с казахского языка сказки С. Омарова «Лебединая песня»

конечным. Солнце палило, позабыв всякую меру. Кругом до горизонта расстилалась выжженная степь, и от нестерпимого жара нигде было укрыться. Только к вечеру добрались они до небольшой речки и расположились на отдых. В это время над головой у них пролетела пара диких уток и села недалеко на речку. Мальчик подкрался к ним и застрелил одним выстрелом обеих.

— Вот наш спаситель от голодной смерти!— воскликнула мать, поцеловала ружье и обтерла ствол мягкой травой.

Приготовив на костре на ужин уток, мать накормила детей, поела сама, и все улеглись спать, измученные за день непосильным переходом по раскаленной степи.

Мать проснулась на рассвете, когда сильно похолодало. Она накрыла детей, развела костер и разогрела остатки вчерашнего ужина. Утренняя звезда Венера успела тем временем подняться высоко на небо, словно стыдясь зари. Чем светлее становилось, тем бледнее делались звезды. Камыш слабо шелестел на утреннем предрассветном ветерке...

Мать разбудила детей, накормила, и они отправились в путь по утреннему холоду. Так начался второй день их путешествия. И потекли дни, недели и месяцы в утомительных поисках птицы счастья. Они преодолели гору Азап-муку. Переплыли на ладье Таускал-риск, бескрайное море Касрет-горе, но совершенно обессилели и очень похудели.

Усталые, голодные, едва передвигая ноги от слабости, они добрались до синего озера, за которым поднималась огромная гора. На озере плавали дикие утки и гуси. Мальчик выстрелил в них, но, к его удивлению, он не попал ни в одну птицу. Он прицелился как только мог тщательно и выстрелил вторично, но опять не попал. После третьего промаха утки и гуси улетели, громко крича, словно смеясь. Так в эту ночь и легли все спать голодными.

А утром мать почувствовала, что она не в силах идти дальше. Она громко заплакала, прижимая к себе детей. Вдруг раздался с небесных просторов какой-то звон.

— Так звенит крыльями только птица счастья — священный лебедь! — воскликнула мать.

Звучный, чарующий звон все приближался. И вот показался сам лебедь, спускающийся на озеро с вершины горы. Он сел на берег в нескольких шагах от несчастных и посмотрел на них, высоко подняв голову.

Мать громко крикнула:

— О птица счастья, священный лебедь! Любимец прозрачных озер! Скажи мне, где ты живешь? За горой Азап и морем Касрет?

Лебедь гордо посмотрел на них, ничего не ответил, отвернулся и поплыл от берега на середину озера, а затем улетел на вершину горы, звеня крыльями и оглядываясь, как бы зовя за собой.

Мать радостно вскочила на ноги и воскликнула:

— Я узнаю эту гору!.. Она называется Балкан-гора! На ней живет птица счастья. Отец говорил, что только на ней можно услышать песню священного лебедя, если он не видит охотника. Но что нам делать, дети? Я не в силах подняться на эту гору!

Тогда ее сын схватил отцовское ружье и сказал:

— Оставайтесь здесь, собирайте коренья, ловите рыбу и ждите меня. Я один поднимусь на вершину горы и найду нашу птицу счастья!

Три дня и три ночи поднимался мальчик на гору. До вершины было уже недалеко. Под вечер он увидел небольшое синее озеро и решил переночевать около него. На берегу была небольшая пещера, и он укрылся в ней на ночь.

Утром мальчик проснулся от чудесного пения. Он увидел, что с вершины горы, где отдыхали облака, на озеро опускается священный лебедь! Он не заметил мальчика и сел на воду около пещеры. Мальчик жадно слу-

шал лебединую песню, стараясь запомнить ее навсегда.

Но вот лебедь взмахнул крыльями и улетел на вершину Балкан-горы. Мальчик вернулся назад, к великой радости матери и сестры. Он взял отцовский кобыз, тронул смычком струну и вдруг запел чудесную лебединую песню.

— Вот она, наша птица счастья!— радостно воскликнула мать и бросилась обнимать сына.

Они вернулись домой. Мальчик вырос и стал великим акыном казахских степей.

Долго после того в народе шла молва о том, что, если кто услышит и запомнит лебединую песню, тот будет счастливым человеком. И вот настало время, когда лебединая песня раздалась над всей свободной казахской землей и поет ее счастливый казахский народ.

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКИ БАБУШКИ ЧЕРЕПАХИ

Джегитай	5
Крокодил пустыни	16
Каждый кулик хвалит свое болото	22
Добрый верблюжонок Боту .	25
Жадный хомяк	31
Приключения Ак-Букена .	36

СОВЕТЫ МУДРОГО ВОРОНА

Квартиранты	66
Скок и прыг	71
Шиворот-навыворот . . .	78
Хорошие дела не забываются	83
Птички-невелички	92
Серебристая Барыс . . .	105

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Как дубровник путешественником стал	132
Приключения лосенка . . .	138
Почему чёмгу называют поганкой	146
Синичкино новоселье . . .	152

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАЛДЫРГАНА

Приключения Балдыргана .	190
--------------------------	-----

ПЕРЕВОДЫ

КАЗАХСКИХ СКАЗОК

С. Омарова

Золоторогая Сайга	212
Лебединая песня	228

Для младшего школьного возраста

Максим Дмитриевич Зверев

СКАЗКИ БАБУШКИ ЧЕРЕПАХИ

Сказки

Редактор Ж. Ш. Есмурзаева. Мл. редактор П. У. Испулова.
Художник Л. И. Титенко. Худ. редактор С. Н. Макаренко.
Техн. редактор Н. А. Кушнарёва. Корректор Н. К. Жолумбе-
това.

ИБ № 2403

Сдано в набор 5.08.83. Подписано в печать 4.04.84. Формат 70×108¹/₂.
УГ 18119. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. кр.-отт. 10,6. Усл. п. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 200 000 экз.
(1-й з-д. 1—50000 экз.) Заказ № 401. Цена 55 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Larisa_F

